

Российская академия наук
Феодосийский музей древностей
Национальная академия наук Украины

СЪВЕРНОК ПРИЧЕРНОМОРЬЕ: К ИСТОКАМ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

▣

VIII чтения памяти академика О. Н. Трубачева

▣

Феодосия
2014

Национальная Академия наук
Украины
Институт языковедения НАНУ
Институт украинского языка НАНУ
Киевский Славистический
Университет
Феодосийский музей древностей

Российская Академия наук
Институт русского языка РАН
ИНИОН РАН
Государственная Академия
Славянской Культуры
Фонд академика О. Н. Трубачева
«Славянский мир»

---

*От поколения к поколению –
в изучении Причерноморья и Крыма.*

Международная конференция

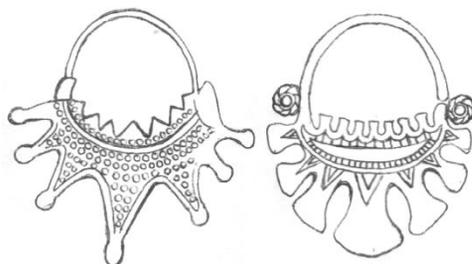
**СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ:
К ИСТОКАМ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

VIII Чтения памяти академика О. Н. Трубачева.

МАТЕРИАЛЫ

Феодосия

17–19 сентября 2014 г.

Феодосия

2014

Международная конференция «Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры» готовилась совместными усилиями Общественного Оргкомитета Украины и России в 2013–2014 гг.

Оргкомитет

Сопредседатели

академик НАНУ Толочко П. П.
академик НАНУ Скляренко В. Г.

Сопредседатели

член-корреспондент РАН
Воротников Ю. Л.
член-корреспондент РАЕН
Богатова Г. А.

Секретариат оргкомитета:

Киев: дфн Франчук В. Ю. (ответственный секретарь), дфн Шульгач В. П., кфн Лазаренко О. Н., кфн Иваненко А. В.
Москва: дфн Богатова Г. А., кистн Фадеева Т. М.
Коктебель: кфн Шапошников А. К.

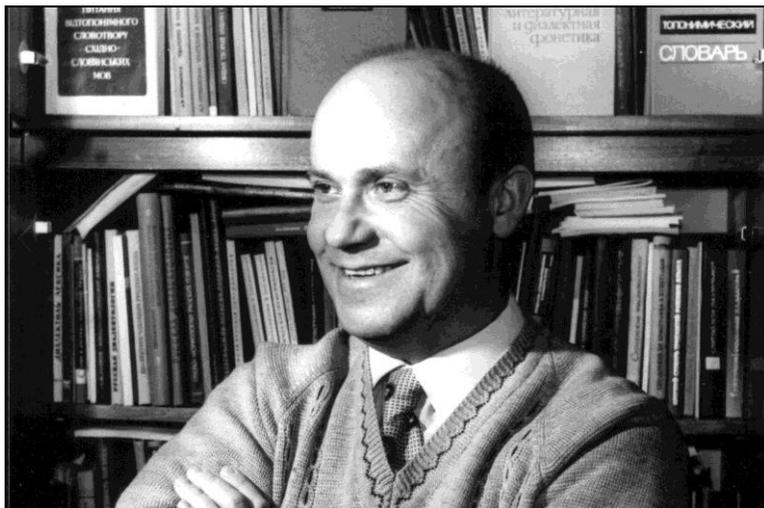
Издание материалов конференции подготовлено и опубликовано при финансовой поддержке Фонда «Славянский Мир»

На титульном листе: восточнославянские височные кольца дунайского типа.

«Дунайское происхождение имеют и ранние лучевые височные кольца, послужившие прототипами семилучевых и семилопастных височных колец радимичей и вятичей. Восходят лучевые кольца к широко распространенным в Подунавье золотым и серебряным подвескам в виде колец с треугольными отростками-лучами, составленными из зерни» (Академик В. В. Седов. О расселении славян на Восточно-Европейской равнине из Дунайского региона).

На обложке: И. К. Айвазовский «Генуэзская башня».

Этот рисунок Ивана Константиновича Айвазовского был нарисован в 1845 году. Произведение выполнено сепией на бумаге. Работа находится в Государственном Русском музее.

«Я стою здесь, в Северном Причерноморье, почти у кромки воды, и чувствую себя обязанным еще раз изложить, отстоять свою теорию об индоарийском этнолингвистическом субстрате Северного Причерноморья.

Северное Причерноморье – большое, оно простирается от Нижнего Дуная через Юг Украины до Приазовья и Северо-Западного Кавказа, Предкавказья. Но средоточием его здесь и сейчас является Крым. Может быть, незаметно для себя я оказался постепенно связан с Крымом множеством нитей. Меня тянуло сюда даже тогда, когда я этого старался не замечать. В будущем году исполнится полвека с той поры, как я, молодой студент, впервые появился в Крыму и в первый раз (пока единственный) в 1950 году стоял на вершине Ай-Петри, «у края стремнины».

Когда начались мои поиски южных границ распространения славянства, встречи с археологами, я ездил в Крым и имел возможность побывать во всех интересующих меня местах Таврии, и в душу стали западать впечатления, отозвавшиеся впоследствии новыми толкованиями, этимологиями... По всему южному побережью до Керчи, один за другим заговорили таврские языковые реликты, заговорили по-древнеиндийски. Постепенно эти поиски стали фактом моей жизни...»

О. Н. Трубачев*

*Из «Слова на презентации» книги «Indoarica в Северном Причерноморье», Крым, 1999 г.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Ведет заседание директор Феодосийского музея древностей А. А. Евсеев

- Приветствие от Общества «Москва-Крым»
- Приветствие от Государственной Академии Славянской культуры (президент ГАСК, академик Изольда Константиновна Кучмаева; ректор ГАСК Алла Кирилловна Коненкова)
- Приветствие от Государственного Института им. Дашковой
- Приветствие от Славянского фонда России (Галина Васильевна Боголюбова)
- Приветствие от Фонда им. О. Н. Трубочева «Славянский мир» (президент Фонда дфн Галина Александровна Богатова)

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ КОНФЕРЕНЦИИ

© Людмила Юрьевна Астахина
(Москва)

**ПОЧЕМУ ГРЕЧАНИН СТАРЕЦ НЕОФИТ ОБРАТИЛСЯ К
МИТРОПОЛИТУ КАФЫ В 1628 ГОДУ?**

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно вернуться к событиям более раннего времени.

С середины XVI в. на Святой Афонской горе был основан монастырь святого великомученика Пантелеимона. Русские государи считались его «соорудителями», поэтому разрешали приезжать на Русь из этого и других монастырей Афона, Синая, из Сербской земли «для ради милостыни». Приезжие объясняли свое бедственное положение разорением от «неверных агарян», которые облагали их большими налогами за разрешение исповедовать свою веру и вести службу в христианских церквах, забирали себе церковные сосуды, сдирали с икон оклады и цаты, отнимали церковное облачение у священников. Монастыри беднели, попадали в долги. Зная о том, что на Руси правит христианский царь, есть патриарх московский и всея России, они обращались к ним за милостыней. Московские государи и сами отправляли богатые дары в монастыри по разным поводам. Так, Иван Грозный после гибели царевича Ивана Ивановича в 1579 г. послал только на Афон более 500 рублей, не считая других даров.

Чтобы получить жалование «на церковное строение», в возмещение понесённых убытков или для выкупа из турецкого плена, гречане должны были иметь жалованные грамоты русских царей, грамоты от константинопольского или иерусалимского патриархов, а также – от монастырской братии. Привозили и свои прошения. Приезжать разрешалось представителям разных монастырей на третий, четвертый или пятый год, а некоторым – на шестой или седьмой, в зависимости от величины и ценности пожалованных прежде подарков.

Много документов о милостыне сохранилось со времени правления Михаила Федоровича и патриаршества его отца Филарета Никитича (1619–1631 гг.). Приезжающим оказывался достойный приём. От границы по жалованной и проезжей грамотам давались лошади и телеги под старцев и под их имущество («фрухлядь»), предписывалось пропускать их «без задержания» и беспошлинно через все города, давать им «корм и питьё» на время движения по России (от Путивля до Москвы). В Москве устраивался приём в царских палатах по специально заведённому церемониалу с участием думных дьяков, объявлялось «царское жалование» и либо «стол» у царя, либо «корм» на специально оборудованном Греческом подворье, где они останавливались. Отдельный

прием ждал приехавших и у патриарха, там тоже давали дары – «жалование». Греческие священники нередко испрашивали разрешение отправиться на богомолье в Троице-Сергиеву Лавру, что также дозволялось.

На приёмах у государя и у патриарха всем приехавшим (от архимандрита до служки) «объявляли» своё жалование: кубки серебряные с кровлею, золоченые, по сорока соболей ценою по 25, 30 или 35 рублей, некоторым – по сорока куниц. Обязательно – камку смирную или куфтерь, некоторым – тафту или сукно и деньги (по 5, 10, 15, 20, 30 и более рублей человеку).

В один из таких приездов 1628 года в Москве появился митрополит Ганский Неофит из Метоморфозского Преображенского монастыря. Он успел побывать на приёме у государя, который объявил ему «свое царское жалование»...

А через два года в Посольском приказе перевели с греческого языка грамоту Неофита в Кафу: «Св<я>тыи митрополит кафинской, брате и друже, поклонение творю. Зело молю: грамоты сии, аще впадут в руки твои, отпечатай их и виждь, что в них писано. Запечатай и пошли с верным человеком в Царьгород. И отдать их в султан Сулейман в руки артином пичакичом, братаничу Георгию пичакичу, тебя прошу» (РГАДА, ф. 52, оп. 1, реестр 2, ед.хр. 11, л. 314. 1628 г.).

Непосредственно этой грамоте предшествовала другая, адресованная им в Казань в Спасский монастырь к старцу Ионе, чашнику монастырскому: «Обаче молю тя, старец Иона, для имени Божьего и для своя души. Отнесите те грамоты на базар ко анцамидом купцем, которые шолк продают на край ряда. А суть там три анцамиды: единому имя Ханчел, другому имя Менмет Али, а третий в самом угле арменин есть. Поидите втаине и отдаите им турскую грамоту и иные грамоты все, чтоб послать в Царьгород или Кафу». (РГАДА, ф. 52, оп. 1, реестр 2, ед.хр. 11, л. 313. 1628 г.).

Эти грамоты до адресатов не дошли, остались в Посольском приказе в Москве.

Что же мог увидеть митрополит Кафы в тех грамотах, которые нужно было непременно передать в Царьград?

В 1628 г. 24 февраля к Путивлю прибыли 5 человек из Турской земли: Метоморфозского Преображенского монастыря митрополит Неофит, с ним архимандрит Никитарий, архидьякон Феофан, дьякон Давыд, келарь Симеон да старец Никодим, да два человека мирских: толмач Кирилка Афанасьев да служка Ивашка. А поехали они из того монастыря в 8 сентября 1627 г. И везут четверы мощи: великомучеников Анастасии, да Кирика и Улиты, да священномученика Неофита Садрийского, а к Филарету Никитичу – мощи Феодора Стратилата, Соломонеи Нокомидейской да священномучеников Еуфимии и Никиты Никомидийского, да Дмитрия Селунского миро.

В это же время в Путивль приехали гречане из Деонисиевского монастыря Святой Афонской горы архимандрит Иеремия, келарь Акакий, чёрной дьякон Давыд, старец Феофан, да толмач белец гречанин Крымские

земли города Козлева Ондрюша. Они выехали из монастыря 2 июля 1627 г. и привезли в Москву мощи священномучеников Феодора Стратилата, Пантелеимона и цареградского патриарха Нифонта.

Государь Михаил Федорович «указал быти у себя на дворе» 26 мая 1628 г. и старцам и бельцам, и указал им свое государево жалование. Но... на л. 62–63 помещен перевод с греческого письма, направленного митрополитом Неофитом келарю московского Спасского монастыря Аникею, в котором были такие слова: «Дьякон приходил от тебя, и сыскал друзей своих деонисиевских, что ему сказали неподобная словеса на меня. Так есть и мы добро глаголем о всяком, и им бы такая ж их добродетель, да будут здоровы... Поведаем тебе все, и дам тебе грамотку екзархову... Погляжу на тебя, потому что есми болен ногами, горюю. И аз тебе поведаю тайно доброе слово, и что у нас обрящещи, и будем тебе давати. А будет топере скоро ко мне не будешь, отпиши ко мне невеликую грамотку с верным которым своим человеком» (л. 62–63). Слова *тайно, с верным человеком*, видимо, насторожили посольских дьяков.

18 июня 1628 г. состоялся приём у московского и всея России патриарха Филарета Никитича (л. 68–78), «а Метоморфской митрополит Неофит и старец его Никодим... у патриарха московского Филарета Никитича не были, и жалования им не дано, потому что на того митрополита и на старца доводили... архимарит Никитарей и старцы, что митрополит от митрополичества извержен и, едуци к Москве и будучи на Москве, делал негораздо и говорил непригожие слова». Далее зачеркнуто: «и митрополит сослан в Свяжской Богородицкой монастырь». (л. 78–79).

Что же произошло?

За два дня до приёма у патриарха, 16 июня, в Посольский приказ к думному дьяку Ефиму Телепневу да Максиму Матюшкину пришёл греческих старцев пристав Михаил Анфимов и передал разговор, состоявшийся у него накануне с метоморфозским преображенским архидьяконом Феофаном и келарем Семионом, приехавшими вместе с Неофитом (л. 94). Они говорили, что прежде сего Неофит митрополитом был, а в котором городе не сказали. И после о том митрополите «был собор в Цареграде». И царьградский патриарх Кирилл с Неофита «сан снял и впредь служить ему не велел, а за которую вину и прегрешенье, того не сказали». И тот де Неофит сан на себя положил опять и поехал к Москве к государю и патриарху. А в Буданской земле в городе Яше встретился с ахияльским митрополитом Христофором и хотел служить, а Христофор служить не велел, «говорил, что он митрополичья сану чуж». И едуци к Москве Неофит в «мясные дни во все мясо ел». А в Путивле «положил на мирского человека иноческое платье»... для того чтобы ему дали милостыни больше, чем дали бы мирянину. Да тот же Неофит привёз с собой «бусурманской веры татарина и назвал его христианином своим служкою, а имя ему дал Ивашко» (л. 96).

А архимандрит Деонисиевского монастыря Никитарий, приехавший из Афонской горы одновременно с ним, и другие приезжие сказали, что если «будет сыск», они всё скажут подлинно, что ведают.

И был сыск, расспрашивали всех по одиночке, и архимандрита Еремея (Иеремию), и келаря Аникея, к которому было указанное выше письмо, а затем ставили «с очей на очи». Архимандрит Никитарей сказал, что Неофит побегал к Москве украдом, иначе ему было бы «быть в воде или на каторге за его дела». Что митрополит Неофит доискивался патриаршеского престола, используя племянника, находящегося «в Турской земле», говорил, если не получится, то «обусурманюся». А когда в Путивле у него «пропала манатья», он говорил, что «мне того не дадут, что я потерял». Проклинал 7-й собор, который «заповедал монахам мясо есть», говорил, что «только в Москве и веры, что звонят в колокола много, а иного нет ничего». Все приехавшие подтверждали эти слова.

Расспрашивали и митрополита Неофита, который дал свои разъяснения. В митрополиты поставлен в городе Ганске от прежнего царьградского патриарха Неофита лет 30 тому. А «собору о нем не бывало», и патриарх Кирилл с него «сана не сымывал и служить не запрещал». А он «сан снял сам для своей старости, и хотел ехать в Иерусалим в монастырь, но поехал в Московское государство для милостыни». Был у него племянник «чист лицом» в дьяконах в Царьграде, и просили его турецкие люди, а он не давал, и «за то от них много зла пострадал». А «салтан велел у него взять силою и обусурманить; и ныне он казначей у султана и, может, будет в визирях, а промыслу ему никакого от племянника нет, и сам он патриаршеского престола не подыскивал, и в дороге о том не говаривал, что ему патриаршего престола достигаться». А что «собирается бусурманиться», то сказывают ложно. А с Христофором встретился в Мутьянской земле и «служил двжды». И Христофор ему грамоту дал. В Путивле он «болел и мясо ел, а много ли ел, того не упомнит» (л. 110–112).

«А на мирского человека чернеческое платье положил для того, что тот мирянин обещался постричься, и он положил на него платье по его воле. А бусурман бил ему челом, чтоб его взял к Москве для торгу. И он занял у бусурмана для своей нужи 60 золотых и велел ему ехать с собою, а христианином его называл спроста, а не с умышленья». «А манатья у него в Путивле пропала, и он сыскивал, и с сердца себя проклинал, и ту де его манатью откинули». А про государя, и про великого государя патриарха, и про то, что «на Москве только и веры, что в колокола звонят, не говаривал и в мысли у него не бывало, то на него затевают ложно, по недружбе. А в Московское государство поехал явно, а не втай, и таить было нечего» (л. 113–115).

На очной ставке старцы говорили то же, а Неофит «во всем запирался», говорил, что в дороге с ними была у него брань и хотели его в дороге убить.

Старцы возражали: служил он до приезда Христофора, а грамоту Христофор Неофиту «дал для того, что он ему бил челом со слезами и на ногах у него лежал, чтоб он его не оскорбил, грамоту ему дал. И он не хотя его слез... для его бедности грамоту дал» (л. 117).

Дьяки спросили, есть ли у Неофита грамота к царю Михаилу Федоровичу и патриарху московскому Филарету Никитичу. Неофит ответил, что грамоты на подворье. Когда их принесли, оказалось, что «грамота писана в 133 (1625) году, тому ныне четвертой год, от царьградского патриарха Кирилла о том, что отпущен в розные государства отставленной митрополит для милостыни. И его б пожаловали, для его скорби и великих убытков милостыню давали, как годно православным христианам. А руки патриаршей у той грамоты нет» (л. 118).

Архимандриты говорили, что таких грамот много, «без патриаршей руки» и утверждали, что Неофит ушёл из Царяграда украдом.

Казалось бы, «слово против слова», и неясно, виноват ли Неофит. Но вот выступает Афонской горы Деонисиевского монастыря архимандрит Иеремия и говорит, что Неофит «дорогою писал своею рукою на патриарха многие дурные статьи, чтобы его изгнать» (л. 119). Неофит сказал, что то письмо у него украдено, а архимандрит Иеремия сказал, что это он тайно взял то письмо. Письмо принесли и перевели.

Это «греческое письмо» представляет собой произведение особого жанра. Это один из ранних дневников, который занимает 52 столбца (л. 123-174 включительно). Правда, в нем записи не обозначены датами, но описаны многие случаи, которые происходили с Неофитом продолжительное время. О себе он говорит в третьем лице, описывает случай с племянником-дьяконом, о том, что пытался его выручить, но это ему не удалось. Он подвергался гонениям, а помогали ему как православные люди, так и турчане. Пытался заняться торговлей, но потерпел неудачу. Митрополю у него не стало, он «скитался меж двор и питался Христовым именем». В том же письме его руки дьяки усмотрели, что Неофит был намерен изгнать Кирилла с патриаршества, а «буде не промыслит, и обусурманится» (л. 187).

В Москве же всех приехавших пригласили быть у патриарха в среду 18 июня, а Неофиту, его службе бусурману и человеку, на которого положено было чернеческое платье, велено было оставаться на «греческом подворье до государева указу без съезду, а для береженья приставить к ним толмачей, да на дворе велено стоять по три человека стрельцов» (л. 122).

Царь Михаил Федорович и патриарх Филарет Никитич «слушав» указали: «чернеца Неофита за его воровство и неистовство послать в смиренье в Свяжский город» с приставом Иваном Милюковым, везти с береженьем, отдать архимандриту Левкею и старцам Богородицкого монастыря. В монастыре «того чернеца отдать старцу добру и искусну, держать в келье скована с великим береженьем, чтоб не ушел и дурна над собою не учинил» (л. 188). В церковь его не пускать, и к нему никого не пускать, а «кормити братской пищей». Если будет болеть, дать ему духовного отца, а «причастия святых тайн давать не велено». Будет просить, «чтоб в болезни его посхимили», то можно. Если умрет – «положить его в черном платье и в схиме. Писана 24 июня 1628 г.» (л. 123).

Ивана Милюкова с Неофитом предписано «послать в готовом судне», а в городах давать ему подводы по царской подорожной и по три человека

стрельцов, везти гречанина в кандалах, не подпускать к нему ни иноземцев, ни русских, а приехав в Свяжск, послать отписку в Посольский приказ.

Вскоре Ив.Ив.Милюков написал, что на Волге «погодно подо мною струг разбило, ехать в нем немочно, полон воды. И я в Новгороде взял у ямских старост иной струг дощаник, а тот утлой струг отдал им старостам и с лубяною покрышкою» (л. 198) и поехал июля в 11 день.

Архимандрит Богородицкого монастыря г. Свяжска Левкей написал о том, что чернеца Неофита они поместили так, как приказали царь Михаил Федорович и патриарх Филарет Никитич: Но взяли у Неофита две грамотки и послали с Иваном Милюковым запечатав (л. 202).

Одна из грамоток была адресована «Пречесному и природному вельможе Ибраим паше... Челом бью и поклоняюся яз нищей митрополит Ганской Неофит и к Усеину паше, брату твоему» (л. 203). Неофит просит обратиться к московскому послу в Царьграде, чтобы тот привез грамоту к московскому царю, чтоб его Неофита освободили, так как его оговорили. А теперь он просит «избавь меня от сослания царева». Кроме того, он хотел отомстить обидчикам: «Ухвати Акакия и он тебе всех других укажет» (л. 206). Эту грамотку нужно было отдать в царском дворе «салтанова величества казначею Браим паше в пречестные его руки» (л. 207).

На л. 208 приведена грамота в Яш город к Хидирю, воеводе турскому: Здесь в Яше, пишет Неофит, он «деньги исхарчил на чернецов... Яз по добродетели своей их поил кормил и одевал, и обувал от Царяграда до Москвы. И они стали не по добродетели моей змеи, и съели меня. Молю и прошу и бью челом, Хидир паша, тут да будут, узымай их, да возьмеша деньги свои и мои... тебя поставляю приказчиком. Да не погубят меня от сослания, буду жить год или больше. Сундук мой побереги и соблюди, добре пересмотри, во всем тебе верю, да вымеша платье и побережеша, чтоб не съели черви. Да перепиши и соблюди все грамоты: первая Кирилова, другая Иванова. Да что дарование дано им, да возьмеша ты те подарки, потому что мне не дали ничего» (л. 209). «Да еще к Мануилу да Николаю от меня челобитье, да к игуменом, что от святого Саввы, по великому челобитью. Да сию грамоту всем покажи, и Кириллу, чтоб они отписали к Москве» (л. 210).

Тем временем государь Михаил Федорович и патриарх московский Филарет Никитич посылают две грамоты к «царьградскому и Нового Рима вселенскому патриарху Кириллу» с просьбой подтвердить или опровергнуть все, что известно о Неофите: о его «неистовстве и воровстве». А в конце пишут, что «прислать его к тебе не решились, так как он тебе враг», а сослали в монастырь «оковав железными узами». А впрочем, «как тебе любо будет». Послано 30 дек. 1628 г. (л. 222–234). Ответа от патриарха Кирилла в этом деле нет.

На л. 211 помещён перевод с греческой грамоты, которую привез И. И. Милюков, доставлявший Неофита в Свяжский монастырь. Она адресована «другу моему сердечному и к матери Рум Браим пашине ... к матери твоей, Петр, к Пагоне и тебе, Петр, господине. Да сделаете мне едину добродетель,

избавите от сея напраснины, что на меня пришло. Обратитесь к Ибраим паше... Будь другой царь, дал бы голову мою на ссечение. А царь и патриарх, отец его, кровопролития не хотят, лише ссылают в темное место, а меня в их царской монастырь, благодарю их. Отдай Рум Праим паше во дворе грамоту мою у старой лавки, где рыбу продают, юноше Федору, а слово кабатчиком, и его сыщи. Матери его и отчиму бейте челом беспрестани гораздо, сказали мои старцы, стакався с деонисиевскими напрасно» (л. 211–214).

В записи от 26 декабря 1630 г. (л. 236) узнаём, что из Свяжского Богородицкого монастыря бежал «из желез Турской земли чернец гречанин Неофит». На следующий день, 27 декабря, таможенный голова Василий Шорин «привёл человека в мирском платье... С ним 4 книги греческим письмом, 2 резца на топорковое дело, да кирка маленькая, да мелкое рухлядишко, да городской чертеж. В зепи образ Богородицы да Николая чудотворца на малой цке». Приехал из Свяжска в Казань и просил печать до Соли Камской. Шорин печати не дал, так как этот человек по-русски и по-татарски говорить не умеет. Это был чернец Неофит.

В расспросе он сказал, что был сослан из Москвы в Свяжск, в монастыре «был в железах. А ныне в Рожестве железа на ногах разбил дровом и ушёл через забор по верёвке» (л. 238). Как ушёл, «никто не ведает, чернецы были пьяны». Пошёл пеш, а «на дороге попался татарин, едет на санях. Дал 2 алтына, он довел его до Казани и высадил на площади». Как зовут, не знает. Хотел ехать в Тетюши, так как там, говорят, есть гречане. Резцы для того, что «кроил кожу делал чяровики на продажу, а киркой концом печатал хлеба и просвиры». А чертёж Казани ему дал старец Свяжского монастыря Герасим, который умер. Образы взял для моления, а книги – ево письмо.

Его вернули в м-рь и обнаружили, что «у него на голове и бороде волосы подстрижены ножницами, да не нём шапка турская красная суконная и рухлядь в мешке: чертеж, четыре книги греческого письма. Неофит сказал, что «разбил железа», так как «были худы», ушёл через забор по веревке, а вожжи взял в сенях. Из Тетюшей собирался двигаться на Самару, потом на Саратов, на Царицын, на Дон и в Азов.

Расспрашивали и тех, кто его сторожил. Один из сторожей сказал, что топили келью, а Неофит отпросился в другую, сказал «жарко, и ушёл в окошко». А в келье осталось два образа, попона, подушка, медведно.

После этого архимандрит Свяжского монастыря Левкей бьёт челом государю, чтобы Неофита заключили в тюрьму, потому что «он ус и бороду и голову побрил, и за ворота бегаёт. И нам в том воровстве позор. А воевода и дяк без указа не смеют» заключить его в тюрьму (л. 247).

11 февраля 138 г. (1630) «тот чернец бежал вдругорядь». Его «поймали у ворот поперешных» стрельцы. Голова «острижена до плоти, а на нём одна шуба баранья, а в зепи золотники железные». Сказал, что из монастыря «бежал от изгони и от голоду: не кормят и не поят». Его стрельцы «в остроге поймали и в

сезжую избу привели. А куда бежал, и сам не ведает, в думе с ним никого не было» (л. 260–261).

26 июня 138 г. (1630) по грамоте воеводе отдали его «в городе в тюрьму» (л. 264).

Но грамоты от Неофита на этом не иссякли. В деле есть его письма к разным людям, которым он пересказывает все перипетии своей судьбы и просит помощи.

На л. 268–271 – грамота «х Кедырю паше... у тебя прошу, Хедыр паша, да учини мне с Салам чеушем вместе, и как сделаете и напишете грамоту... то дайте доброму человеку да привезёт к царю... Напишите грамотку да ударите челом послу кизылбашскому, да отпустит того митрополита Неофита на волю от сослания, потому что он человек наш и друг». Подпись: «смиранный митрополит Неофит Ганской».

На л. 277 – письмо от Неофита «преподобному попу Лаврентию», святому протосингелу... «кроме тебя надеяться не на кого. Толмач Бориско был в полону в Царьграде, ему сказали, что Неофит богат, что товаров у него пять выюков, четыре лошади... Дьякон мой горбун руку поддельывал, сказал, что я убил 16 человек татар. Они сговорились, пили вместе и ели куры, и рыбу, и лимоны». Толмач обещал сказать всю ту ложь о Неофите государю.

На л. 286–289 – обращение к братаничу Георгию, чтобы шёл к попу Лаврентию: «Меня в Казани держат... люте томят, острие под ногти вонзают и ослопами бьют, яко да вскоре умру, и не умираю». Далее (л. 292) пишет, к кому нужно обратиться за грамотой.

На л. 293 – письмо к турчанину Рум Брагиму, который «греченином был и потурчился... Честный и благородный архендарум Брегиме, и возлюбленный мой сыне, и свет очей моих, радуйся... Поиди к патриарху, чтоб грамоту дал, посмотри, что в ней, если злые словеса, меня еще дальше зашлют и погибну... Ношу три вериги тяжкие: на руках, на ногах и на вые» (л. 294).

На л. 303–310 – грамотка к попу Анфиму в Царьград: поидите к попу Лаврентию, чтоб просил патриарха: да напишет грамоту московскому царю. На л. 311 – грамотка к Петру по прозвищу Ганцы того же содержания.

И наконец, приведены те грамотки, с которых мы начали своё повествование, когда вконец измученный старец Неофит, исчерпав все возможности, обращается к Спасского монастыря чашнику Ионе в Казани и митрополиту Кафы. Имени его он не знает, но уверен, что из Кафы его письмо может попасть в Царьград.

Это дело интересно тем, что переводы с греческих грамот написаны языком толмачей Посольского приказа, то есть официальным литературным языком первой четверти XVII в., ярким и образным. К тому же здесь в переводе помещено одно из самых ранних описаний жизни простого человека (его дневник) в виде отдельных записей, касающихся его повседневных дел, забот и тревог. А история его жизни – своего рода авантюрная повесть первой четверти XVII в.*

-----

*Материалы фонда РГАДА № 52 Греческие дела просмотрены по поручению кэн Зубова Д. В., директора по науке Института Русского Афона при монастыре св. вмч. и целителя Пантелеимона.

▣

© Елена Ивановна Бреусова
(Сургут)

ЭПИГРАФИКА СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА: ГИБРИДНЫЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ

Графическая система сегодня является открытым уровнем языка. Глобализация современного общества сделала возможным внедрение элементов латинского алфавита в кириллическую письменность. В результате этого графическое оформление города активно порождает тексты-гибриды, которые являют собой соединение кириллицы и латиницы (например: *Das колбас, Das Пиво, Комар-off, Зажигалка, nRAVo на выбор, Sun-Cити, ружье BERETTA, Веерлога, Продвижение, Сарафан-FM, VIP-сауна, ART-студия, ВеерМаркет, Мебель-CITY, Отдых RELAX, ФОТОГРАФ, ДиванOF,; Вклады до 10% в тесяц. Застраховано!*, автор литературных произведений *Дмитрий Янковский*, книга Оксаны Робски «*ПРО ЛЮBOff/on*», название детектива А. и С. Литвиновых «*IDEAL жертвы*», название журнала «*Ремонт & Сервис*» и др.). Справедливо утверждение Т.М. Григорьевой, что «...латиница внедряется в русское слово, взрывая словообразовательную модель и разрушая присущий русскому слову орфографический облик – внедряется как словокомпонент. Так, на MTV появилась программа о жизни знаменитостей "Стартрек", сибирские "BEST'ии" и рок-группа "Deadушки"» [1]. Такое обилие гибридных текстов не может не сказаться на расшатывании орфографической нормы, что, безусловно, негативно влияет на грамотность учащихся, т.е. тех, кто еще только осваивает нормы современного русского правописания.

С другой стороны, включение в текстообразование города как собственно графических, так и параграфемных средств английского языка (например, @, &, \$ и т.п.) становится уже закономерностью. Такое оформление текстов оказывает воздействие на читающего, привлекает внимание к написанному. В ряде случаев включение разнообразных средств графики в текстообразование служит для актуализации различных смыслов, для выражения коннотаций, в некоторых случаях смешение графических средств в пределах одного текста выполняет эстетическую функцию, местами сводящуюся к гедонистическому началу, но в любом случае подобное смешение оптических знаков можно расценивать не только и не столько, как дань моде, а уже как потребность: «Зачастую современные писатели и журналисты уже не могут обойтись без того, чтобы в их

текстах не присутствовали такие единицы. А значит, можно говорить о том, что частое употребление иноязычных слов – это не просто дань моде, а закономерный этап в становлении современного языка, который будет впоследствии детально освещен специалистами в области истории развития лингвистики» [2; 65].

Список литературы

1. Григорьева Т.М. Латиница внедряется в русское слово, разрушая его облик //РИА «Новости» [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/interview/20100129/206846758.html>.
2. Норлусеня В.С. Иноязычные вкрапления: современное состояние проблемы //Вестник Новгородского государственного университета. 2010. № 57. С. 63–66.

E. I. Breusova

EPIGRAPHICS MODERN CITY: HYBRID NEOPLASMS

This article considers the problem of incorporating elements of Latin texts in the modern city, made in Cyrillic. This problem is relevant in our time. Emergence of hybrid texts becomes regularity. This active compound Cyrillic and Latin alphabets within a word / text adversely affects the spelling literacy.

Keywords: graphics, Cyrillic, Latin, tekstoobrazovanie texts hybrids.

© Майнура Абильтаевна Бурибаева
(Астана)

ТЮРКСКАЯ КУЛЬТУРА В РЕТРОСПЕКТИВЕ: ОТ ИСТОРИИ СЛОВА К СЕМАНТИКЕ ОБРАЗОВ

В памятниках письменности нашли отражение тюркско-славянские языковые контакты, история и культура тюркских и славянских народов на раннем этапе их существования. Согласно данным этимологических исследований и лексикографических источников, слова, вошедшие из тюркских языков в разные исторические эпохи и в силу ряда историко-культурных, экономических причин активно функционируют в русском, украинском, белорусском, болгарском, польском, чешском и др. языках. Таким образом, многоаспектное исследование тюркизмов дает ценный материал для тюркско-славянской контактологии и исторической лексикологии русского языка. При этом, мы опираемся на определение О. Н. Трубачева, который писал: «... не лишне указать на различия между исторической лексикологией и историей,

особенно реконструкцией культуры. Для исторической лексикологии характерна ориентация на культурные слова, термины, практически вообще всю лексику. Отсюда в идеале историческая лексикология языка – это, прежде всего исчерпывающая инвентаризация и классификация его словарного состава»¹.

Тюркские слова в русском языке, пришедшие из древних времен, являются неким транслятором тюркской культуры, а при тщательном изучении их семантики можно увидеть, насколько взаимообусловленной и взаимовыгодной была жизнь славян и тюрков. И именно изучение семантики «русского слова» позволит понять особенности языкового, культурного, экономического сотрудничества соседствующих и кочующих народов. В этом отношении очень интересными представляются мысли Ю. М. Лотмана о культуре как хранителе памяти: «Не случайно всякое разрушение культуры протекает как уничтожение памяти, стирание текстов, забвение связей. Возникновение истории (а до нее мифа) как определенного типа сознания есть форма коллективной памяти. В этом смысле очень интересны древнерусские летописи, представляющие собой крайне интересный тип организации исторического опыта коллектива. Если для современного сознания история как сумма реальных событий отражается в совокупности многочисленных текстов, каждый из которых представляет действительность лишь в определенном аспекте, то летопись – это Текст, письменный адекват жизни в ее целостности. Как и самая жизнь, он имел отмеченное начало <...> и не подразумевал конца в том значении, в котором это понятие присуще современным текстам»².

Ю. М. Лотман представляет схему летописного построения таким образом: *жизнь → текст → память*. «Превращение жизни в текст – не объяснение, а внесение событий в коллективную (в данном случае – национальную) память. Наличие же единой национальной памяти было знаком существования национального коллектива в виде единого организма. Общая память была фактом осознанного единства существования»³.

Понятия «образ» и «образность» существуют не только в языкознании, но и в других областях науки и искусства – литературоведении, философии, этике, эстетике, живописи и т. д. При этом каждая область научных знаний вкладывает в это слово свое содержание. В лингвистике в пределах лексической номинации образность значения, как известно, может быть выражена морфологически на уровне первичной номинации. В. Н. Телия, описывая образные номинативные единицы, указывает не только на структурные особенности имен, но и на способ их соотносительности с миром – образные наименования отражают опосредованно

---

¹ Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. – М.: Наука, 2003. – С. 180.

² Лотман Ю. М. Чему учатся люди. Статьи и заметки. – М.: Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2010. – С. 59-60.

³ Лотман Ю. М. Чему учатся люди. Статьи и заметки. – М.: Центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, 2010. – С. 60.

окружающую действительность⁴. Приоритетным в образной единице является ее номинативная функция, которая оказывается вторичной по отношению к первичному значению имени. В данном понимании в роли образной единицы могут выступать как однословные наименования, так и сочетания и целые выражения. Иными словами, основной характеристикой номинативной образной единицы предстает ее двуплановая семантика, благодаря которой создается образная соотнесенность с окружающим миром.

Согласно определению О. И. Блиновой и Е. А. Юриной, «образность – это свойство слова (языковой единицы), характеризующегося семантической двуплановостью и метафорическим способом ее выражения»⁵. Важным компонентом в образных единицах языка является культурная коннотация. Культурная коннотация возникает как результат интерпретации ассоциативно-образного основания образной единицы через соотнесение его с культурно-национальными стереотипами. Формирование семантической структуры заимствования на русской почве происходит в результате развития новых, так скажем, образных значений, способствующих расширению синтагматических связей, которые приводят к образованию достаточно устойчивых словосочетаний, называющих те или иные предметы, прочно обосновавшиеся в русском сознании.

Рассмотрим тюркское слово *барыш* и производные от него *барышник*, *барышничать*, которые мы рассматриваем в качестве образных единиц русского языка.

Барыш – барышник – барышничать

Барыш «прибыль; польза». Слово в памятниках русской письменности употребляется примерно с конца XVI в., однако в исторических словарях дается различная хронология. Приведем пример употребления данного тюркизма со значением лица из Книги расходной (Болдин Дорогобужский монастырь), относимой к XVI веку:

А купилъ меринъ вурой и лысой у барышника у Фили же у стрѣльца, а порюка барышникъ Жданъ (Кн. расх. Болд. м., 63. 1587 г.).

Собственно тюркизм можно заметить в рукописях Онежского Крестного монастыря, который датируется XVII веком:

В Каргополе приговорил под рыбу и под соль Чаранской округи подрядчика Гришкү Прокопьева, дали барышү 16 ал<тын> (Расх. Кн. головы дер. Дятлева) Арх. Он., 1659 г.).

В «Словаре тюркизмов в русском языке» Е. Н. Шиповой прослеживается следующая этимология: **барыш**, прибыль, получаемая при продаже, торговых сделок и т. п. || польза, выгода вообще. Ср.-рус. (XVII в.) *барышник*,

⁴ Байгунисова Г. И. Основы образной парадигмы в системе языка: автореф. дис. ... д-ра филол.н. – Кокшетау, 2010. – С.13.

⁵ Блинова О. И., Юрина Е. А. Словарь образных слов русского языка. – Томск: UFO-Plus, 2007. – С. 8.

барышничать, барышничество; Поликарпов, 1704 *барышь*; тюрк. *барыш* мир, соглашение (Сл. Акад., 1950, 1, 289). Ушаков производит *барыш* от тат. *barǵ* в знач. мир, соглашение (1,92); ср. Фасмер, 1, 129, «Барыш употр. в тат., кирг, и др. языках в знач. “хождение”, а также “примирение, мир, согласие”. Семантика русского заимствования ясно указывает на то, что произошло оно в районе Поволжья» (Дмитриев, 1958,19). На заимств. из тат. языка слова *барыш*, являющегося по своему образованию отглагол. именем, указывает и Шанский (1Б,50). К тюркизмам относили *барыш* также Богородицкий (1935, 353), Галкина-Федорук (1954, 100) и Огиенко (1915, 35)⁶.

В «Историко-этимологическом словаре русского языка» П. Я. Черных находим данное слово в других славянских языках и более развернутое толкование: **Барыш** – «прибыль, нажива от продажи чего-л. *Сущ. Барышник*, отсюда глаг. **барышничать**. <...> В русском языке сначала, по-видимому, получило распространение слово *барышник* (по Дювернуа – 1613 г.), в это же время Р. Джемс отмечает (1618–1619 гг.) *bořisnic* («маклак»). Как прозвище известно с 1609 г.: «*Онофрей Барышник, смоленский посадский*» <...> Знач. слова *барышник*, по-видимому, установилось не сразу. Ср. в моск. переводе (середина XVII в.) Литовского статута: «*и при той купли или мене быть барышником, людем добрым, кому можно верить*» <...>. Слово *барыш* засвидетельствовано сначала как прозвище. Ср. у Тупикова (41): «*Макар Борыш (Borysz), луцкий мещанин*» 1552 г. В словарях *барыш* отм. с 1704 г. Все три слова (*барыш, барышник, барышничати*) отм. в «Лексиконе» Татищева 30-40-х гг. XVIII в.

П. Я. Черных сомневается в тюркском происхождении слова: «*Барыш* обыкновенно рассматривают как слово тюркского происхождения, хотя в тюркских языках соответствующее слово распространено мало, главным образом в южнотюркских языках и имеет там другое значение»⁷.

Слово **барыш** среди тюркских языков встречается в тат., кирг. и др. в значении “хождение”, “поход”, “поездка”, а также “примирение”, “мир”, “согласие”, ср. также казах. *барыс* “ход”, тур. *barış* “мир”, “примирение”, кр.-тат. *барыш* – то же, “согласие”, диал. *барыш* “мир” и еще туркм. *барышык*, азерб. *барышыг* в значении “перемирие” <...>⁸.

В украинском языке *барыш, барышник, барышувати* обозначает “прибыль”, “выгода”, ст.-укр. *барышь* (XVIII в.); ст.-русск. *барыш* (1659 г.), *Барышев* (1494), белор. *барыш*, диал. *борыш* “взятка”; им соответствуют польск. *borysz*

⁶ Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. – Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1976. – С. 63.

⁷ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – 7-е изд., стереотип. – М.: Рус.яз.-Медиа, 2006. – Т. 1. – С. 76.

⁸ Болдырев Р. В. Некоторые вопросы историко-этимологического изучения тюркских лексических элементов украинского языка / Сб. «Тюркизмы в восточнославянских языках». – М.: Наука, 1974. – С. 49.

“угощение при сделке”, болг. *бараиѣк* “договор”, “соглашение”. <...> очевидно, здесь давнее заимствование из тюркских языков; болгарские формы – из турецкого языка; с белор. *борыш*, русск. и укр. формами связано, видимо, польск. *borysz*, из которого объясняют польск. *borysznik* “барышник”, “маклер” (редк.), *barysznik* – то же (редк.); украинские формы, очевидно, заимствованы из тюркских языков через русское посредничество; семантика русских форм – “польза при торговой сделке” – дает основание для предположения о заимствовании в районе Поволжья (Дмитриев, Будагов)⁹.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля находим большую статью о слове **барыш**¹⁰: прибыль, польза, выгода, нажива, прибыльтокъ, нарость, корысть; избытокъ, остатокъ; выгода при куплѣ и продажѣ, въ торговлѣ, оборотахъ, промыслахъ; всякая нежданная, случайная прибыль; *убытокъ, изъянъ, накладъ, трата, потеря, истора, уронъ. Барышонки да барышники - тѣ же барыши. Не для барыша, ради почина. Не до барыша, была бы слава хороша. Барышъ барышомъ, а могоарычи даромъ. Взять барыша баишъ на баишъ (рубль на рубль). Эти барыши въ крошку хороши* (невелики).

Здесь отмечено, что при акающем говоре произносится однако *борышъ, борышій*, в зн. попойки послѣ мѣны, продажи и купли; могоарычи, литки. *Барыши на твои гроши. Люли, люли колышу, купить мама барышу* (подарочекъ).

Даль В. И. также показывает производные образования от **барыш**: **барышнѣй, барышѣвѣй** доходъ. *Барышѣвые счеты своди, когда звенитъ*, т. е. по наличному. **Барышникъ, -ница** – (вообще) мелочной торгашъ, скупщикъ, перекупщикъ, переторговщикъ, кулакъ, маклакъ, маякъ, прасоль, прахъ, базарникъ, тарханъ, орель, варягъ. || Промышляющій случайно покупкою дешевыхъ, нерѣдко краденыхъ вещей и перепродажей ихъ¹¹. Можно обнаружить такие сочетания *конский барышник* (услов.), *барышничья совесть, барышнические ухватки*; глаголы *барышевать* (находиться въ торговыхъ барышахъ, въ прибыляхъ), *барышничать*; дейст. по гл. *барышничанье, барышничество*; сущ. *барышѣвка* (всякая вещь, доставшаяся сверхъ чаянія, ряды || домашнее животное, дающее болѣе обычнаго приплода), *барышка* (прибавочная часть мужскаго яйца, ядра). **Барышденъ**, борисденъ, 2 мая (кто въ этотъ день продать что либо съ барышемъ, весь годъ будетъ барышевать, почему и говорятъ: *На Св. Бориса самъ боронися (чтобъ не обманули). Борисъ и Гльбъ – постпль хльбъ.*

⁹ Болдырев Р. В. Некоторые вопросы историко-этимологического изучения тюркских лексических элементов украинского языка / Сб. «Тюркизмы в восточнославянских языках». – М.: Наука, 1974. – С. 49.

¹⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Рус. яз.-Медиа, 2006. Т.1. А-З. – С. 51-52.

¹¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Рус. яз.-Медиа, 2006. Т.1. А-З. – С. 51.

В современном русском языке семантика слова **барыш** воспринимается как прибыль, получаемая при различных торговых сделках или перепродаже. Например,

«–По дешевке купил, – ответил Корытин. – Кормов хватает, место есть. Перезимуют, мяса наростят, продадим. Вот и барыш...– улыбнулся он. — А как же... Такая нынче жизнь. На станцию приехали вовремя» [Борис Екимов. Пиночет (1999)].

«Церкви не было, а страх был, потому что громили христиан в те времена часто и нещадно и всегда вдруг, внезапно, без угроз и каких-либо поводов, и не барыша ради – какой барыш с нищих да убогих? – а скорее ради упоения собственной безнаказанностью да озорством. И насмерть перепуганные нищие последователи Христовы всполошно заматались меж покосившихся древних изб. Заматались молча и обреченно...» [Борис Васильев. Ольга, королева русов (2002)].

Согласно современному этимологическому словарю русского языка, **барыш** в русском языке известно с XVI–XVII вв. как **барышь** (1552 г.) и **барышникъ** или **борышникъ** (1609, 1613). У Р. Джемса отм. *borışnıc* – *a huckster* «маклак». В словарях отм. с 1704 г.¹²

Таким образом, в истории русского языка тюркизм имел высокую деривативную активность и на русской почве от заимствованного слова образовались такие производные, как **барышник**, **барышничать**, **барышный**, **барышевый**, **барышница**, **барышничья**, **барышевать**, **барышничанье**, **барышничество**, **барышевый**. В русском языке данный тюркизм употребляется активно и не требует в текстах какого-либо дополнительного пояснения, адаптировалось в такой степени, что по внешнему облику носители языка вряд ли догадываются о его «иноязычном» происхождении.

В качестве других примеров образных слов русского языка, имеющих тюркские корни, можно назвать слова **башка** – **башковитый**, **богатырь** – **богатырский**, **бурав** – **буравить**, **палач**, которые кроме своей образности употребляются при описании событий именно с гиперболизацией той или иной ситуации либо человеческих достоинств. В текстах художественной литературы данные слова играют «оценочную» роль (например, свойства предметов, расстояний), «усилительную» роль (например, различных действий, той или иной ситуации, события), «уничижительную» роль (например, характера и действий людей) и т.д.

В. П. Синякин отмечает: «... немало заимствований из тюркских языков за период становления русской языковой культуры сформировали особый внутренний план сознания носителя данной культуры, стали концепто-образующими – концептуальными для русского сознания. Что, естественным образом, не могло не отразиться в созданных русским народом художественных

¹² Этимологический словарь современного русского языка / Сост. А.К. Шапошников: в 2 т. Т. 1. – М.: Флинта: Наука, 2010. – С. 50

образах»¹³. И в качестве примера он приводит слова и фразеологизмы с иллюстративными материалами из художественных произведений и устного народного творчества, семантическая наполненность которых языковой картиной русской действительности не подвергается сомнению: *ямицик* (.. в той степи глухой умирал *ямицик*; *Ямицик*, не гони лошадей; В долгих песнях *ямицика*: то *раздолье удалое*, то *неясная тоска*...); *курган* (Спят *курганы* темные...; В том *кургане* похоронена война...); *изюм* (заменивший мед и символизирующий Солнце – Царство Божие). По мнению исследователя, достаточно рельефно тюркизмы выражены в русской мифологии (былинах, сказках): *Кощей* (и царь *Кощей* над золотом чахнет, там русский дух, там Русью пахнет; и *Кощей Бессмертный*, и *Кощеюшка*); *бурый*, *каурый* (Сивка-бурка, серая *каурка* из сказки); *бисер* (Не мечите *бисер* перед свиньями); *сермяга* (сермяжная/сермяжья правда); *деньга*, *алтын* и *полтина*, *казна*, *казначей*; *басурман* (пренебрежит. к тюркским народам).

По наблюдениям Г. Х. Гилязетдиновой, одним из закономерных видов изменения значения восточного слова является метафоризация, которая представлена реже, чем явления метонимического характера. Исследуя язык произведений Московской Руси, она указывает на процессы метафоризации, являющиеся хотя и редкими, но достаточно показательными, поскольку именно метафора, как особое средство выразительности, отражает глубину вхождения ориентального слова в лексическую систему русского языка.

Ср., например, *бисер* ‘драгоценность’ (по отношению к Христу) как символ высшей степени истины, духовной ценности, *небесный чертог* ‘небесная обитель, рай’, *Ноев ковчег* как символ спасения мира и др. При этом метафорическое использование отдельных заимствований продолжает развиваться и функционировать в системе образных средств литературного русского языка нового и новейшего периодов. Данные метафоры в литературном языке нового времени использовались и как поэтические элементы текста, и для выражения иронически-шутливого отношения к объекту оценки (ср.: *ковчег* – ‘большое, ветхое, старомодное судно, повозка’, *чертог* – ‘о комнате, помещении’)¹⁴.

Казахстанские лингвисты в различных работах также обращают внимание на тюркизмы в славянских языках и анализируют языковые особенности памятников русской письменности (Х. Х. Махмудов, М. М. Копыленко, А. С. Аманжолов, З. К. Ахметжанова, Н. И. Гайнуллина, А. К. Каиржанов, З. К. Сабитова, Н. Ж. Шаймерденова, Л. С. Байманова и др.). Семантика тюркского слова осмысливается и в научных трудах современных

¹³ Синячкин В. П. Историко-культурный слой тюркизмов в русском обыденном сознании / Славянские и тюркские языки: грани взаимодействия: Сб. научн. трудов по материалам Круглого стола. – Астана, 2008. – С. 132–147.

¹⁴ Гилязетдинова Г. Х. Восточные заимствования в языке Московской Руси: автореф. дис. ... д-ра филол.н. – Казань, 2011. – С. 19.

казахстанских поэтов, которые тоже дают этимологические исследования по языковому состоянию древних источников (например, работы Олжаса Сулейменова¹⁵, Бахыта Каирбекова¹⁶). Их научные изыскания способствуют формированию новых подходов к истории тюркских и славянских культур.

© Александр Ибрагимович Васильев
(Стерлитамак)

ВИДЫ ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

В основу нашей фразеологической теории положена семантическая таксономия фразеологизмов. Мы полагаем, во фразеологической системе русского языка существуют только три типа фразеологических единиц, обладающих различной степенью идиоматичности и мотивированности общего значения ФЕ: 1. Фразеологические сращения с сильной степенью идиоматичности и полным отсутствием мотивированности в современном плане. 2. Фразеологические единства со средней степенью идиоматичности и с опосредованной мотивированностью общего значения ФЕ. 3. Фразеологические сочетания (коллокации или коллоквиализмы) с самой низкой степенью идиоматичности и с высокой степенью мотивированности общего значения ФЕ. Коллокации – это слабоидиоматичные фразеологизмы со структурой словосочетания, в которых семантически главный компонент употреблен в прямом значении [1, с. 67].

Мы считаем, что термин «идиома» необходимо употреблять по отношению к любому из трёх, приведённых выше типов фразеологических единиц, указывая при этом на определённый тип (фразеологическое сращение, фразеологическое единство, фразеологическое сочетание).

«Фразеологические выражения», которые «целиком состоят из слов со свободными значениями, имеют общее значение, вытекающее из значений слов-компонентов, и которые воспроизводятся как готовые единицы с постоянным значением и составом» [2, с. 62], с нашей точки зрения, должны рассматриваться в отдельной науке, которую мы предлагаем назвать словом фразистика, в основе

---

¹⁵ Сулейменов О. О. Аз и я. – Алма-Ата: Жазушы, 1975; Язык письма. – Алматы-Рим, 1998; Пересекающиеся параллели (введение в тюркославистику). – Алматы, 2001.

¹⁶ Каирбеков Б. Г. Два могучих крыла Пегаса / 1 межд. научно-метод. конф. «Состояние и перспективы методики преподавания русского языка и литературы»: Сб. статей. – М.: РУДН, 2008. – С. 78-83; Мифо-ритуальный сценарий миропонимания кочевника / В кн. Каирбеков Б. Путь воды. Избранное. – М.: Тезаурус, 2010. – С. 348.

которой, также как и в слове фразеология, лежит греческое слово *phrasis* *выражение*. Мы считаем, что устойчивые обороты типа *на данном этапе, письменные принадлежности, пластиковые окна, туристическое агентство, письменные принадлежности, высшее учебное заведение и т.п.* следует называть термином фразис, синонимичными которому будут названия: фразистический оборот и фразистическая единица.

Включение в состав фразеологии «фразеологических выражений» или фразисов отдельными лингвистами непомерно расширяет состав фразеологии, делает его качественно разнородным и становится препятствием для дальнейшего развития отечественной фразеологии.

В природе языка нет резких границ между хотя и разными, но смежными явлениями. Фразисы, обладающие лишь «нулевой» идиоматичностью, занимают промежуточное положение между свободными словосочетаниями и фразеологизмами-идиомами. Мы допускаем, что в результате семантической трансформации отдельные фразисы могут перейти в разряд фразеологизмов-идиом.

Исследование проводилось на материале древнерусских летописей [3].

Нами были выявлены такие способы образования устойчивых выражений древнерусского языка, как: 1) фразистический; 2) фразеологическая контаминация; 3) тропеический, включающий метафоризацию и метонимизацию.

1. При фразистическом типе фразеологизации в результате регулярного употребления выражений при стабильности определенной семантики и структуры образуются устойчивые обороты, характеризующиеся высокой частотностью употребления, общее значение которых вытекает из значений составляющих слов-компонентов. Такие устойчивые обороты характеризуются «нулевой» идиоматичностью, и являются фразисами. Высокая частотность употребления таких фразеологизмов соответствует нулевой идиоматичности: *битиса крѣпко* – *сражаться храбро, самоотверженно; не жалея своей жизни* (ИЛ, 1136, 110 об.); *коневага рать* – *конное войско* (НІВЛ, 1471, 305об.); *судовага рать* (НІВЛ, 1471, 305об.); *сѣдѣти аки нѣмъ* – *сидеть, не говоря ни слова* (ИЛ, 1097, 89); *храборъ мѡужь* – *храбрый, мужественный воин* (ЛЛ, 1128, 99об.).

К фразисам могут быть отнесены также паремиологические выражения: *воина безъ падшихъ мѣртвѣныхъ не бываеть* – *на войне всегда бывают потери* (ИЛ, 1254, 275 об.); *лѣность бо всемоу матери* (ЛЛ, 1096, 80 об.) – *Лень – это мать всех пороков*; *миръ стоит до рати а рать до мира* – *война и мирные отношения постоянно сменяют друг друга* (ИЛ, 1148, 133).

2. Согласно нашим наблюдениям, фразеологическая контаминация имеет яркое проявление в древнерусском языке. Особенностью этого процесса в древнерусском языке является то, что контаминации подвергались, как правило, двусложные фразеологические единицы, имеющие одинаковый лексический компонент: *престѡупити крестъ* – *нарушить клятву, присягу, мирный договор* +

честный крестъ – символ честности и нравственности для древнерусских воинов → преступить честный крестъ: бѣ же показа силу христианскую на показанье земли русьстѣи да не преобладаютъ честного креста цѣловаше его (ЛЛ, 1068, 58).

3. В результате действия сложного типа фразеологизации происходит метафорическое или метонимическое переосмысление семантики свободного словосочетания, появление у него переносного значения, неразложимого на значения составных компонентов, вычленимых в их формальном строении.

Путем метафорического переосмысления семантики свободного словосочетания, появления у него переносного значения, неразложимого на значения составных компонентов, вычленимых в их формальном строении, появляются идиомы: 1) бѣсть гибель луниѣ – произошло лунное затмение. НІВЛ, 1471, 308: той же осени ноября 27 бѣсть гибель луниѣ полунощи на ясниѣ бѣвъ и аки кровь в луниѣ и тма бѣсть не мало время и паки по малу просвѣтиса; 2) вѣнути очи – ослепить. ИЛ, 1172, 197 об.: и повелѣ его вести в пещи островъ и тамо его ѿѣкоша и яззыкъ оуѣзаша яко злодѣю еретикоу роукоу правоу ѿѣкоша и очи емоу вѣнаша зане хоулоу измолви на святою богородицю; 3) вѣзяти землю копытомъ – не добиться успеха в военных делах. Псков. 2-я лет., 1169, 169: се же видевше новгородци изыдоша на поле овы избиша а другына роуками яша а прочии повѣгоша ничтоже вземше ни полонивше толко взаша землю копытомъ и др.

Метонимическое переосмысление значения свободного сочетания слов, по нашим наблюдениям, встречается реже, чем метафорическое. Метонимический перенос значения в таких оборотах осуществляется у именных компонентов, когда часть человеческого тела (голова, язык, кость, лицо, чело) начинает употребляться в значении целого, для обозначения человека, и все словосочетание приобретает переносный характер: 1) вѣзяти головы – захватить в плен противника. НІЛМИ, 1148, 25об.: той же зимѣ приде изяславъ новгородоу сынъ мѣстиславъ ис кыева иде на гюргя ростоу съ новгородци и мѣного воеваша люде гюргево по волзѣ вѣзаша б городѣкъ оли до ярославя попустиша а головъ вѣзаша 700 и воротисася роспутиа дѣла; 2) изымати (ловити, яти) яззыкъ – захватить кого-либо из состава войск противника, чтобы получить какие-либо сведения. НІВЛ, 1342, 181: олгердъ посла своиу людеи въ сторожу предъ полкомъ и они ѣхавше яззыка яша за коломиноу; 3) лечи костыми – погибнуть. ЛЛ, 971, 21об.: и рече святославъ оуже намъ нѣкамю сѣ дѣти волею и неволею стати противоу да не посраимъ землѣ роускиѣ но ляжемъ костыми тоу мертвы бо срама не имамъ; 4) оударити въ лице (чело) – нанести удар войсками по противнику в бою спереди. Лет. Авр., 1379, 106: оудари на нихъ съ одиноу стороноу тимоѣѣи околницѣи а съ

друюгою стороною оудари на нихъ князь данило проньскѣи а князь великѣи оудари в лице тотарове же в томъ часѣ поверъноуша и повергъше оружѣя своѣ побѣгоша за рѣкою овожою.

В результате действия тропеического процесса фразеологизации и фразеологической контаминации в системе древнерусского языка появляются новые языковые единицы – фразеологизмы-идиомы, которые включаются в норму данного языка, получают возможность лексикографически кодифицироваться и способствуют обогащению фразеологического фонда языка.

Литература

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. – М., 2008.
2. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1985.
3. Лаврентьевская летопись. (ПСРЛ. Том первый). – М.: Языки русской культуры, 1997. – ЛЛ; Ипатьевская летопись, (ПСРЛ. Том второй). – М.: Языки русской культуры, 1998. – ИЛ; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. (ПСРЛ. Том III). – М.: Языки русской культуры, 2000: НЛСИ – Новгородская первая летопись старшего извода и НЛМИ – Новгородская первая летопись младшего извода; Новгородская четвертая летопись. (ПСРЛ. Том IV. Часть 1). – М.: Языки русской культуры, 2000. – НЛВЛ; Псковские летописи, вып. II. – М.: Изд.-во АН СССР, 1955. – Псков. лет.; Рогожский летописец. Тверской сборник. (ПСРЛ. Том XV). – М.: Языки русской культуры, 2000 – Рог. Лет. и Твер. Лет.; Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. (ПСРЛ. Том XVI). – М.: Языки русской культуры, 2000. – Лет. Авр.

Аннотация. Данная статья посвящена описанию процессов образования древнерусских фразеологических единиц, которая включала такие способы ее образования, как метафорическая и метонимическая трансформация свободных словосочетаний, фразеологическая контаминация, а также фразистический способ. Подобное исследование необходимо, чтобы выяснить историю фразеологической системы русского языка, начиная с древнейшего периода и заканчивая современным его состоянием.

Ключевые слова: древнерусский язык, фразеологическая единица, метафорическая и метонимическая трансформация, фразеологическая контаминация, фразистическая единица.

Vasilyev A. I.

THE TYPES OF THE PHRASEOLOGISATION IN THE OLD RUSSIAN LANGUAGE

Summary: The article is devoted to the description of the process of the formation of the old Russian phraseological units, which are formed at the result of different conditions, such as metaphorical and metonymical transformation of the free word-combinations, at the result of phrasistic process and phraseological confusion. It is very impossible to know about the development of the Russian phraseological system beginning from the old time to the modern condition.

Key words: old Russian language, phraseological unit, metaphorical and metonymical transformation, phraseological confusion, phrasistic unit.

Bibliography

1. Baranov A.N., Dobrovolyski D.O. The aspects of the theory of the phraseology. – M., 2008.
2. Shanski N.M. The phraseology of the modern Russian language. – M., 1985.
3. Lavrentyevskaya letopis (PSRL, tom I). – The languages of the Russian culture. 1997– LL; Ipatyevskaya letopis (PSRL, tom II). – The languages of the Russian culture. 1998. – IL; The Novgorodskaya pervaya letopis starshego i mladshego izvoda (PSRL, tom III). – The languages of the Russian culture. 1997–NILSI and NILMI; The Novgorodskaya chetvertaya letopis (PSRL, tom IV, chast I). – The languages of the Russian culture. 1997. – NIVL; Pskovskiue letopisi, vip. II. – Izd-vo AN SSSR, 1955. – Pskov. let.; Rogozski letopisets. Tverskoy sbornik PSRL, tom XV). – The languages of the Russian culture. 2000. – Rog. Let. i Tver.let.; Letopisni sbornik, imenuyemi letopisyu Avraamki (PSRL, tom XVI). – The languages of the Russian culture. 2000. – Let. Avr.

© Андрей Евсеев, Марина Фалина
(Феодосия)

ПОЯС УКРЕПЛЕНИЙ И РАЗВАЛИН КАФФЫ С СОВРЕМЕННЫМИ КВАРТАЛАМИ ГОРОДА ФЕОДОСИИ. 1853 ГОД.

Центральный экспонат новой выставки проекта «Караван Древностей – 2014: Карты и планы» – план «Пояс укреплений и развалин Каффы с современными кварталами города Феодосии. 1853 год», представляющий большой интерес для историков, краеведов. Этим планом, снятым феодосийским городским архитектором Людерицем, открывается иллюстративная часть «Album Historique et Pittoresque la Tauride» («Исторического и живописного альбома Тавриды»), изданного на французском языке в Париже в 1853 г. В наши

дни «Album Historique et Pittoresque la Tauride» является библиографической редкостью.

Наиболее полно в «*Историческом и живописном альбоме Тавриды*» представлены памятники Феодосии. И это не случайно. Ведь автором альбома был хранитель Феодосийского музея древностей Евгений де Вильнев, а основная часть иллюстраций с видами историко-архитектурных памятников Крыма выполнена преподавателем рисования Феодосийского уездного училища Викентием Руссеном. В альбоме помещены, также, рисунки кисти Ивана Айвазовского.

План, представленный на очередной выставке «*Каравана Древностей – 2014...*», является увеличенной копией плана из альбома Е. де Вильнева. План-экспонат выставки выполнен типографским способом на листе плотного белого картона (37,5 см x 23,5 см). На поверхности плана заметны потертости, загрязнения. Масштаб плана указан в саженьях (в одном дюйме – 100 саженей) и в метрах (в одном сантиметре – 100 метров). История поступления данного экспоната в фонды музея неизвестна.

На план «*Пояс укреплений и развалин Каффы с современными кварталами города Феодосии. 1853 год*» архитектора Людерица нанесена сеть улиц и кварталов Феодосии в пределах средневекового городского крепостного рва и три средневековых объекта, расположенных за пределами рва. Застройка новой Феодосии вне границ средневекового города на плане не показана. Отдельные объекты на плане города обозначены литерами от “a” до “z”.

Из средневековых архитектурных памятников предместий Каффы, расположенных за пределами оборонительного рва, на плане отмечены «*монастырь св. Георгия*» (на совр. ул. Нахимова), «*басейн*» и «*бани*». Два последних объекта находились на участке, ограниченном совр. ул. Кирова, Земской, Украинской, Куйбышева, и до нашего времени не сохранились.

Обращают на себя внимание большие незастроенные пространства в центральной, южной и юго-восточной частях города. Отдельные участки городской территории оставались свободными от застройки еще с конца XVIII – н. XIX в., а пустырь к северу от армянской церкви св. Сергия образовался в 1834 г. после разрушения бывшей соборной мечети Султан-Селим и больших турецких бань.

Восточную часть города занимал карантин, строительство которого было намечено А. Суворовым и Ф. Деволаном еще в 1793 г. В XIX в. феодосийский карантин по праву считался одним из лучших карантинных России на Черном море по месторасположению, подбору персонала и организации в нем работы. Под ограду карантина были приспособлены стены внешнего оборонительного кольца и цитадели генуэзской Каффы. Периметр карантина замыкала новая стена, построенная в начале XIX в. между второй башней цитадели (так называемой «*башней Криско*») и стеной внешнего оборонительного кольца генуэзской крепости.

Из двенадцати фонтанов старинного городского водопровода, сохранявшихся к середине XIX в., показаны два. Один из них – фонтан (g) с армянской строительной надписью 1588 г. и сегодня находится на ул. Морской. В XIX – п.п. XX в. этот фонтан часто называли «караимским» по его месту расположения вблизи Караимской слободы. На плане 1853 г. он обозначен как «иудейский».

На плане указано и здание бывшей турецкой мечети (f), находившейся на совр. ул. Ленина (бывшей Екатерининской), в котором в 1811–1871 гг. размещался Феодосийский музей древностей. После перевода музея в новое помещение, построенное на холме Митридат, старое помещение музея приспособили под лютеранскую кирху. До нашего времени здание не сохранилось.

Еще одним экспонатом новой выставки является сам «*Album Historique et Pittoresque la Tauride*» из фондов Феодосийского музея древностей. Экспозиция выставки дополнена копиями иллюстраций из альбома Е. де Вильнева.

Выставка «План «Пояс укреплений и развалин Каффы с современными кварталами города Феодосии. 1853 год»» выставочного проекта «*Караван Древностей – 2014: Карты и планы*» в Феодосийском музее древностей будет открыта для посещения с 15-го по 21 августа 2014 года ежедневно, кроме вторника, с 10.00 до 17.00 по адресу: пр. Айвазовского, 11, г. Феодосия.

© Александр Владимирович Иваненко
(Киев)

ФЕОДОСИЯ

К истории города и его названий исследователи Крыма обращались неоднократно. Однако при знакомстве с материалами исследований все же возникает целый ряд вопросов исторического и лингвистического свойства. В частности, нас заинтересовали обстоятельства, при которых возникли и функционировали три названия города – *Ардавда*, *Феодосия*, *Кафа́*. При этом наиболее неоднозначный момент в истории названий современной Феодосии – не столько этимологизация каждого из них, сколько реконструкция или уточнение вероятных обстоятельств их бытования на крымских землях.

***

Как известно, античный город Феодосия располагался на Карантинной Горке, защищенной от северных и западных ветров отрогами крымских гор. Археологические находки свидетельствуют о наличии здесь догреческого населения (Петере). Позднее на холме Карантин на руинах эллинистического поселения располагался раннесредневековый городок *Кафа́* (Шапошников). Учитывая расположение крепости и культовых сооружений греческой Феодосии

на горе, логично предположить, что и название Ἀρδάβδα (или некая близкая ему форма) относилось прежде всего к возвышенной части полиса. Т. о., единство места и преемственность в его заселении позволяют предполагать сходство мотивации топонимов Ἀρδάβδα и Θεοδοσία.

Одни из древнейших документальных свидетельств названия *Феодосия* находим на монетах V–III вв. до н. э.: 413–403 гг. до н. э. – [Θ]ΕΟΔΕΟ, ΘΕ – ΟΔ – [ΕΟ]; 403–393 гг. до н. э. – ΘΕΟΔΟ, ΘΕΟΔΕΩ; 393–389 гг. до н. э. – ΘΕΟΔΟΣ; 389–379 гг. до н. э. – ΘΕΥ ΔΟ; 240–230 гг. до н. э. – ΘΕΥ (Анохин). Не позднее 353 г. до н. э. (надпись на камне): ... καὶ Θεοδοσίης – «... и Феодосиею» (Ашик). 355 г. (Демосфен): ἐμπόριον Θεοδοσίαν – *порт Феодосии*.

Местоположение Феодосии. Ок. вт. пол. V – пер. пол. IV вв. до н. э. (Скилак): Μετὰ δὲ ταῦτα εἰς Σκύθαι πάλιν, πόλις δὲ Ἑλληνίδες αἶδε ἀν αὐτῇ; Θεοδοσία, Κύδαα, καὶ, Νύμφαια, Παντικάλαιον, Μυρμήκειον – «*После этого всего опять скифы, греческие же полисы там такие: Феодосия, Китя и Нимфея, Пантикапей, Мирмекий*».

Ок. 7 г. н. э. (Страбон): Θεοδοσία ... πόλις – *Феодосия ... город*. Ок. 134 г. (Арриан): ἐς Θεοδοσίαν, πόλιν ἐρήμην – *до города покинутого Феодосии*. V–VI вв. (Анонимный перипл): Νιῶ δὲ λέγεται ἡ Θεοδοσία τῇ Ἀλανικῇ ἤτοι τῇ Ταυρικῇ διαλέκτῳ Ἀρδαύδα, τ τεσιν ἐπτάθεος – *Теперь же лежит здесь Феодосия, которая на диалекте аланском или же таврском зовется Ардавда, сиречь семибожная*.

Лингвистические интерпретации. Иранская этимология Ἀρδάβδα была предложена еще в XIX ст. (Юргевич), но свое современное обоснование (*ard* ‘бог’ + *avda* ‘семь’) получившая в работах В. И. Абаева, отражает скифо-сарматский культ семи богов, который, по мнению последнего, прослеживается от геродотовских скифов через алан до современных осетин, унаследован от дозораострийских времен и представляет продукт смешения у скифов матриархальных и патриархальных традиций. Его остатки отражены у осетин: *Avdy ragh* ‘хребет Семи богов’, *Avd Wacillajy* ‘Семь Уацилла’ (*Wacilla* – имя грозного божества) и проч. (Абаев)¹⁷.

Из приведенного выше материала видно, что осет. *ard* (~ иран. *arda, *rta) первоначально было клятвой именем божества (Абаев). Однако ряд примеров позволил нам предполагать, что ранее *ard* также означало божье воздаяние (милость или кару). Реконструкция подтверждается д.-инд. (хинд.) *ṛta* ‘результат поступков (плохих и хороших)’ (Кочергина): ср. осет. *Teǵia fydaǵdaw racyd ænæwwænk, ænæard* «Теджиа стал безнравственным, лишенным доверия, лишенным а г d’а», *ard dæ fædyl æfyd fæwæd!* «Да преследует тебя а г d!»,

¹⁷ Отметим, что число 7 прочно укоренилось в северопонтийской ономастике, ср.: индоар. (тавр.) топоним *Satauci* ‘семь жилищ’ и производный этноним *Satauci*, ойконим *Семь Колодезей* (Восточный Крым), а также *Casale de lo Sdaffo (Osdaffum)* – тюрк. *Yedi-Yevler* ‘семь дворов’ близ Алушты etc. (Трубачев).

х_оу_сауу *ard* ‘божий а г d’, *adæmy ard* ‘а г d народа’, *ard dæ bajjafæd* ‘а г d тебя да настигнет’ (Абаев).

В связи с д.-инд. *ṛta* следует объяснять и выражения: *adæmy ard* ‘а г d народа’ – ‘удел, судьба народа’, а также *æncæard* ‘лишенный а г d’а’ = ‘лишенный судьбы, обездоленный’. Семантическое сходство осет. и д.-инд. слов может говорить о том, что скифо-осетинское *ard* унаследовано из индоарийского языкового состояния. В этой связи ср. еще алан. *ard* ‘бог’ и д.-инд. *ṛta* ‘истинный’, ‘почитаемый’, ‘освящённый’ (Кочергина).

Поэтому, допуская связь сармато-аланского Ард́аβда с индоарийским материалом, предполагаем, что индоар. форму топонима можно реконструировать как **ṛta-sapt-*, **art(a)-sapt(a)-*. То есть, если культ семи богов унаследован иранцами от индоариев, то и ороним типа Ард́аβда мог явиться продолжением или калькой более раннего индоарийского топонима¹⁸. Иначе говоря, топоним Θεοδοσία может калькировать индоар. **arta-* / **ṛta-sapt-* или название, по звучанию и значению близкое Ард́аβда.

Реконструкция исторических обстоятельств. В качестве вероятной основы для названия города логичнее отталкиваться не от общей его характеристики как места почитания семи богов, а выводить происхождение ойконима из топонима, обозначавшего географический объект, связанный с культовыми действиями.

Сопоставив названия Ард́аβда и Θεοδοσία, мы пришли к выводу, что, вопреки устоявшемуся мнению о связи ойконима *Феодосия* с личным именем *Феодосий* / *Феодосия*¹⁹, есть предпосылки рассматривать греческий ойконим как кальку с более раннего названия: еще В. Юргевич, выводя Ард́аβда из перс. *ardaw* ‘дух, гений, божество’ + *dash* ‘дар’ (< санскр. *dā* ‘давать’) предполагал, что Θεοδοσία ‘дар богов’ – перевод древнейшего Ард́аβда (Юргевич).

Полагаем, допускать семантическую преемственность между Ард́аβда ‘(город) семи богов’ и Θεοδοσία все же можно, предположив утрату при «переводe» числительного компонента -άβδα и искажение на греческой почве первоначального смысла догреческого топонима. При этом мы имеем в виду

¹⁸ Калькирование индоарийских имен иранскими (скифскими, сарматскими) допускается для Βορυσθένης (*baru-sthāna-) – *Березань* (bərəzant-), Ταυασισός – *Ховарсаисос*, «что позволяет ставить ... вопрос об отношениях билингвизма между индоарийцами старой Скифии и ... скифами-иранцами» (Трубачев).

¹⁹ Вслед за Ульпианом (170–228 гг. н. э.), некоторые исследователи говорят о назывании боспорским царем Левконом I завоеванного города в честь своей сестры или жены (Ашик). Однако Э. Б. Кругликова полагает, что название *Феодосия* не могло быть связано с женским именем, поскольку в доэллинистическое время (до конца IV в. до н. э.) подобные переименования не фиксируются. Напротив, А. К. Шапошников связывает ойконим с мужским именем Θεοδόσιος (Шапошников).

генетическую связь элемента Ἀρδ с д.-инд. *r'ta* ‘пожертвование’ (Кочергина), восстанавливая Ἀρδάβδα как ‘(место) жертвоприношения семи (богам)’. Соответственно, в «переводном» Θεοδοσία следует видеть семантику ‘богам дающая’, т. к. в композите *θεο-δοσία второй компонент означает ‘подарок или приношение богу’ (Liddel, Scott). Именно формы с δοσία отмечены в письменных памятниках. Распространенная же трактовка ойконима Θεοδοσία как ‘богом данная’ обусловлена тем, что исследователи ориентировались на мужское имя *θεο-δόσιος ‘богом данный’ (Liddel, Scott). Вероятно, с θεο-δόσιος ойконом Θεοδοσία связывали и носители древнегреческих диалектов.

Допускаемая нами возможность использования горы в культовых целях порождает еще одну версию происхождения ойконима – неполное калькирование имени типа Ἀρδάβδα в связи с д.-гр. *Θεοδαίσιος – эпитетом Диониса, а также Θεοδαΐσια – названием дионисии (Liddel, Scott). Компонент δαΐσια связан с δαΐζω (*futur.* к δαίνῳμι) ‘разделять пищу = устраивать (пир)’, ‘угощать’, ‘пировать’ (Дворецкий), а семантика греческого глагола вполне соотносится с отраженной в топониме Ἀρδάβδα идеей жертвоприношения.

Вероятнее всего, в этом случае при назывании горы или поселения могло иметь место следующее переосмысление. Семантика, отраженная в названии горы Ἀρδάβδα, побудила греческих колонистов определять для себя эту гору как ‘место жертвоприношения’. Позже место связывалось с близким по смыслу и звучанию Θεοδαΐσια (гора или хора Диониса) ~ *Θεοδαίσιος, но уже как ‘бог дающий (ср. δαΐζω ‘угощать’), бог наделяющий’ – *Дионис*. Все сказанное вполне совпадает с тем, что нам известно о Дионисе (см. ниже).

Если мы обратимся к феодосийским монетам, то в их описаниях обнаружим символику Диониса-Загрея: многочисленные изображения бычьих голов, шестилучевую звезду, изображение некоего насекомого, определенного В.А. Анохиным как муравей, а также изображения различных божеств – покровителей города. Кроме того, почти во всех случаях на монетах имеем выбитые в разных формах греческие названия города. При этом, какое бы божество ни изображалось на монете, почти всегда на ней имеется символ Диониса: голова быка либо шестилучевая звезда.

Изображаемый на монетах бык – главный и ранний символ плодородия, отождествляемый в греческой мифологии с Дионисом. Изображенная на двух монетах увенчанная гирляндами голова быка (с виноградом и, вероятно, инжиром) – лишнее подтверждение тому, что в эллинской Феодосии Диониса-Загрея (Двурогого) могли почитать особо. Что ж до звезды, то здесь следует особо отметить, что позднего Диониса именовали Раскрывающимся и Цветущим, а растениями, ему посвященными, были виноград, фиговое дерево (инжир), плющ. Именно цветки одного из видов плюща имеют шесть лепестков и, действительно, внешне напоминают звезду о шести лучах. Также на одной из монет имеется изображение, внешне напоминающее муравья. Однако, исходя из того, что цветки инжира опыляются *бластофагой* – осой, имеющей в длину 2,5 мм, не это ли насекомое изображено на монете? И, наконец, не из инжирных

ли плодов (а, судя по изображению, это так) состоит гирлянда, украшающая бычью голову на одной из двух феодосийских монет с подобными изображениями?

Итак, в монетных изображениях мы видим реальное свидетельство того, что гора и город, нынче известный как Феодосия, были посвящены Дионису и могли именоваться одним из его эпитетов – Θεοδαΐσια ‘гора/поселение Диониса-Загрея’. Возможно, оказавшись в землях тавро-скифов, греческие колонисты (очевидно, не без влияния местных религиозных традиций, возможно, связанных с культом быка и /или его жертвоприношением) посвятили свое поселение Дионису – богу, также имеющему «бычью» ипостась, узрев в местном культе знак свыше: по одному из преданий, Дионис был убит титанами в то время, когда находился в образе быка.

Позднее, согласно предположению Э.Б. Кругликовой (и ряда более ранних авторов) город с названиями [Θ]ΕΟΔΕΟ, ΘΕ-ΟΔ-[ΕΟ] мог быть переименован Левконом I в современную Феодосию. При этом могли существовать два параллельных названия: по одной из версий, в основе первоначального догреческого названия, замененного Левконом на близкое по звучанию *Феодосия*, было имя *Феодей* (Кругликова). Но, если город и был переименован Левконом I, то, по сути, боспорский архонт лишь утвердил уже, вероятно, существовавший понятный широкому кругу людей вариант названия Θεοδόσια. Считаю так, поскольку еще в период между 413 и 393 гг. до н. э. на монетах отмечены названия [Θ]ΕΟΔΕΟ, ΘΕ-ΟΔ-[ΕΟ], ΘΕΟΔΟ, ΘΕ-ΟΔ-ΕΩ, ΘΕΟΔΕΩ. Формы, более близкие современному названию – ΘΕΟ[ΔΟΣ], ΘΕΟΔΟΣ, отмечены лишь начиная с 393-389 гг. до н. э. (Левкон I – архонт Боспора с 389 [г. до н. э.](#)). Вероятно, причина закрепления за городом его современного названия – в созвучности названий Θεοδαΐσια с более понятным местному населению именем Θεοδόσια ‘богом данная’. Вообще же, идеи получения чего-л. от бога, когда *бог дает*, или (от)дачи чего-л. богу, когда кто-л. *богу дает*, достаточно близки. Поэтому утрата точных сведений об истории географического объекта, утрата объектом культового назначения (когда для жертвоприношения предназначалась уже не гора вообще, а отдельно взятое на ней место – храм или место возле него) могли привести к смене названия. Но главным покровителем города все равно остался Дионис.

Описанный разницей в написаниях онима можно трактовать как свидетельство параллельного существования двух названий: вторую часть надписей на монетах типа [Θ]ΕΟΔΕΟ, ΘΕΟΔΟ и, в особенности, ΘΕΟΔΕΩ, возможно, стоит соотнести с д.-гр. δέω < δήω < δηῖω ‘разбивать, убивать’, ‘отрывать, разрывать, раскалывать’ (Liddel, Scott), семантически близким д.-гр. δαΐσω ~ δαΐνῶμι ‘разделять пищу’ в Θεοδαΐσος. В случае же, если надписи на монетах типа ΘΕΟΔΟ – название города, а надписи типа ΘΕΟΔΕΩ – эпитеты божества-покровителя, то и тогда имеется документальное подтверждение почти одновременного употребления в быту названий Θεοδαΐσια и Θεοδοσία.

В контексте семантико-типологической преемственности Ἀρδάβδα – Θεοδαΐσια-Θεοδοσία необъясненным остается выпадение из «божественной» семантической парадигмы ойконима *Καφά*. Причины становятся вполне понятны, если предположить индоарийскую древность названия, связав его с индоар. *Καρά: ср. индоар. *kara ‘холм, бугор’ у О. Н. Трубачева, отождествлявшего этот апеллатив в том числе с названием крымской Феодосии (Трубачев). Очевидная простота семантики *kara – дополнительный аргумент в пользу исторического первородства индоар. *Καρά. И лишь позднее для холма нашлось применение в культовой сфере, вследствие чего появилось его второе название – топоним типа Ἀρδάβδα.

Таким образом, историко-языковая картина событий в районе горки Карантинной могла быть следующей: гора и поселение, будучи частью индоарийско-иранского мира, могли иметь два названия – *Καρά и Ἀρδάβδα. С приходом милетских колонистов в VI в. до н. э. оба названия были вытеснены онимами греческими: сперва это были Θεοδαΐσος или Θεοδαΐσια (как обозначения географического объекта, посвященного Дионису), а затем – Θεοδοσία и /или Θεοδόσια. С усилением иранского влияния на территории Крыма первых веков н. э., названия Ἀρδάβδα и *Καφά* – уже в иранском «обличьи» – могли вернуть утраченные вследствие греческой колонизации позиции. Поэтому достаточно длительное отсутствие этих названий в исторических документах не должно восприниматься как их утрата в местном топонимиконе с приходом греческих поселенцев.

□

© Ольга Сергеевна Ильченко
(Санкт-Петербург)

К ПОСТРОЕНИЮ ТЕОРИИ ПАДЕЖА

1. Любой грамматист, исследующий категории русского предложения (особенно в их историческом развитии), так или иначе сталкивается с проблемами падежной теории. Общая теория падежа, над созданием которой трудились выдающиеся ученые разных стран (притом не только лингвисты), до сих пор представлена целым рядом оригинальных, но дискутирующих друг с другом концепций. Устранение противоречий, состыковка концепций и создание падежной теории, не игнорирующей достижения предшественников, – актуальная задача мировой теоретической лингвистики.

2. Мы опираемся на следующие положения теоретиков падежа – лингвистов и математиков: локалистические представления «внутри / вне», «с контактом / без контакта» (Л. Ельмслев); семантические и синтаксические функции падежа, направление эволюции падежей (A.W. De Groot); первичные и вторичные функции падежей (Е. Курилович); падежи эндоцентрические и

экзоцентрические (И. М. Тронский); падеж как класс эквивалентных семантических состояний относительно данного предмета (А. Н. Колмогоров); взаимосвязь предмета и действия (Ю. Н. Караулов); грамматический падеж как диатеза в имени (Ю. С. Степанов).

3. Модель речевой деятельности – это осуществляемое *в пределах когнитивных возможностей* человека кодирование продуцентом в конкретном лингвистическом высказывании экстралингвистической ситуации для обеспечения ее адекватного понимания реципиентом. Для когнитивной деятельности характерно постоянное метафорическое использование *пространственных структур*, что помогает прогнозировать и выявлять стратегии абстракции, в том числе и грамматической. Мы выделяем для каждого падежа *общее* значение, в основе которого лежит пространственный образ, проявляющийся, однако, по-разному (с различной степенью абстракции) в зависимости от того, в какой функции – *семантической* или *синтаксической* – выступает анализируемый падеж в конкретном речевом высказывании. Иначе, какое место в семантической структуре глагольного предложения занимает падежная форма – *центральное* (т. е. участвует в построении пространства *внутреннего синтаксиса*) или *периферийное* (т. е. участвует в построении пространства *внешнего синтаксиса*).

Внутренний (центральный) синтаксис как «базис» характеризует ядро пропозиции, ее смысловой центр – субъектно-предикатно-объектную структуру. Этот целостный семантико-синтаксический комплекс, технику соединения компонентов которого следует понимать как синтаксическую фузию, включает диахронически ранние семантические категории (вид /способ действия/ и диатезу) как локалистические метафоры *внутреннего* устройства действия. Вид и диатеза отражают соответственно представления о временной и пространственной *локализованности* / *нелокализованности* действия, основанных на понятии *предела*.

Внешний (периферический) синтаксис как «надстройка» включает диахронически более поздние дейктические (эгоцентрические) категории (референция /в том числе анафора/, лицо, модальность, время, залог), а также *экзоцентрические* падежи и наречия как *внешние* пространственно-временные локусы (сирконстанты), в которые помещается вся ситуация в целом, т. е. локалистические метафоры *внешнего* (поверхностного) представления действия со стороны говорящего. Отсюда «текучесть» границ между падежами с *конкретными* (семантическими) функциями и наречиями [2, 60–61].

Схема 1. Семантическая структура глагольного предложения
(*внутренний и внешний синтаксис*) и ее речевые реализации

ВНЕ:

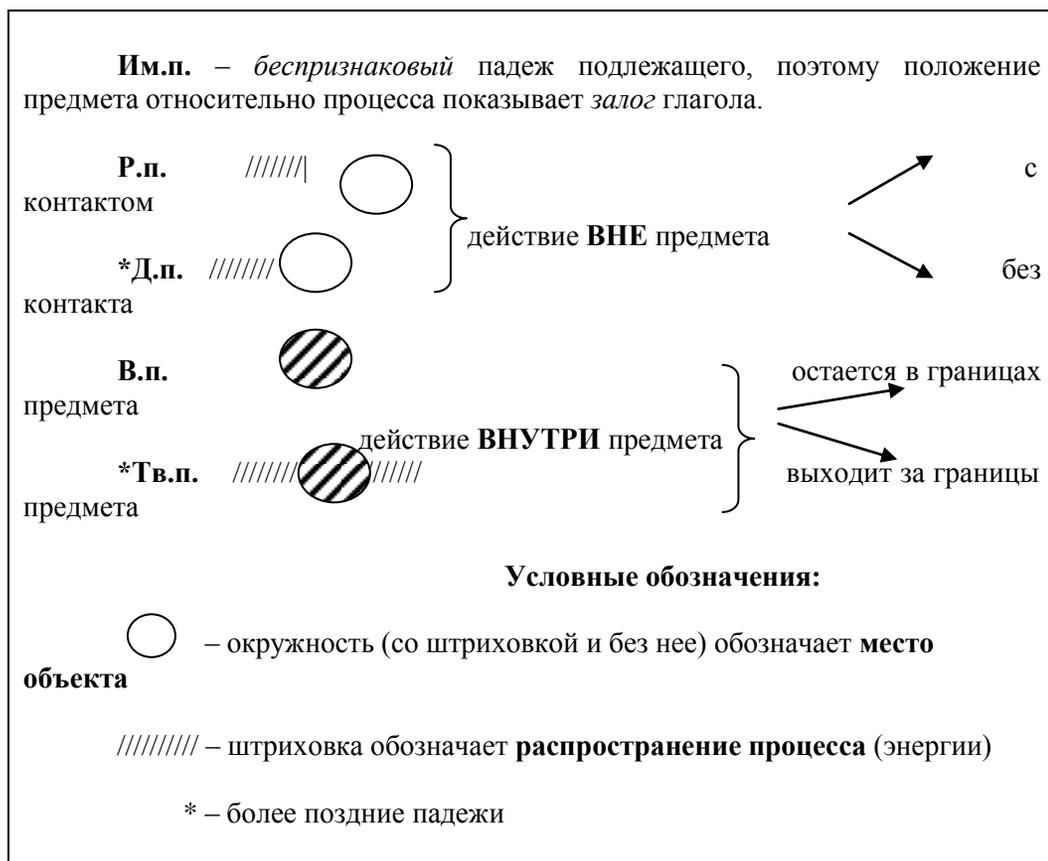
ВНУТРИ:

ВНЕ:

4. *Эндоцентрические* падежи (актанты), оформляющие *внутреннее* устройство действия (локализации, распределения процесса, энергии), «высвечивают» диатезу в имени. Как абстрактные локалистические метафоры их можно разделить в первом приближении на *локусы внутренние* – «*вместилища*» («*наполненные*») и *локусы внешние* – («*пустые*»).

Схема 2. Приглагольные падежи как *центральные* локусы

5. Структура предложения отражает интерпретацию действительности. Грамматические падежи, участвующие в выражении субъект-объектных отношений, в и.-е. языках образовывались по мере развития представления о распространении действия на основе полагания *предела* [2, 34]. Способы уточнения *активного* (т. е. направленного *ВОВНЕ*, за пределы субъекта) действия формировались в русском языке последовательно вместе с развитием познания и абстрактного мышления: от конкретно-наглядного (*пространственно-метонимического*) мышления древнерусских летописей к абстрактно-логическому (*причинно-метафорическому*) мышлению религиозных текстов [1]. Важную роль сыграло усложнение диатезы – развитие *категории переходности* глагола, показателем которой является падежная форма имени.

Литература

1. Ильченко О. С. История категории одушевленности в русском языке. – СПб.: Нестор-История, 2011. – 224 с.
2. Ильченко О. С. *Одушевленность / неодушевленность* в структуре предложения. – СПб.: Нестор-История, 2011. – 148 с.

O. S. Pchenko
(Saint-Petersburg)

ON THE CONSTRUCTION OF CASE THEORY

Abstract. The paper focuses on the problems of case theory. According to the author's interpretation, the general meaning of the case is based on primitive spatial images (IN – OUT). The representation of the meaning depends on the level of sentence semantic structure.

Key words: semantic structure, external and internal syntax, primitive spatial images.

References

1. Pchenko O. S. Istorija kategorii odushevlenosti v russkom jazyke. – SPb.: Nestor-Istoria, 2011. – 224 s.
2. Pchenko O. S. *Odushevlenost` / neodushevlenost` v structure predlozhenija.* – SPb.: Nestor-Istoria, 2011. – 148 s.

© Стефан Йорданов
(Велико Тырново)

ФРАКИЙСКАЯ ЭТНОНИМИЯ В СВЕТЕ ЯЗЫКОВЕДЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ О. Н. ТРУБАЧЕВА

Этнонимия древней Фракии все еще далека от полного выяснения в плане установления этимологии этнонимов, их реального содержания и их исторической географии. Для решения подобных проблем этнической истории древней Фракии исследования Трубачева имеют важное значение. Древняя Фракия занимала в изысканиях Трубачева второстепенное место, но его книги демонстрируют очень глубокое познание этнолингвистической ситуации в палеобалканском ареале.

Одна из концепций Трубачева, по нашему мнению не получившая еще заслуженной высокой оценки, это его идея о способе этнонимо-образования, при котором после миграционного движения части этноса ново сформированный в результате этнический коллектив получает окачествления “великий”, а исходный этнический коллектив – окачествления “малый”.

Самые типичные тому примеры являются в древнем и средневековом мире этнонимы: Малая – Великая Фригия; Греция – Великая Греция в Итальяском полуострове; Малопольша – Великая Польша; Малая Литва – Великая Литва; Моравия – Великая Моравия и др. До сих пор не были интерпретированы в плане этой идеи Трубачева два фракийских этнонима – этнонимы *Coelaletae Minores* и *Coelaletae Maiores*. Они нам известны в таком виде благодаря сообщению Плиния, а только койлалеты упоминает Тацит в своем рассказе о так называемой Койлалетской войне, имевшей место в ходе римского завоевания Фракии соответственно в 21 и по всей вероятности и в 26 году тоже. В третий раз этноним этот упоминается в виде названия одной из административных структур римской власти во Фракии, т. наз. стратегий – это стратегия Койлалетия.

Имея в виду, что согласно концепции Трубачева “малый” этнический коллектив – это исходный, материнский этнический коллектив, а “великий” – соответственно результативный мигрировавший на новое место этнический коллектив, то мы имеем возможность таким способом регистрировать одну из внутренних миграций этнических коллективов Фракии. Если Плиний указывает в качестве места обитания малокойлалетов районы в подножии гор Родопи, а велико-койлалетов – районы в подножии горы Хемус (современная Стара планина), то мы получаем относительно точные указания, где имело место это миграционное движение. Когда-то, конечно во времена долго до составления труда Плиния, малокойлалеты заняли район у подножия горы Хемус и были прозваны великокойлалетами.

В нашем распоряжении две возможности выяснить очерченный таким способом этнополитический процесс. С одной стороны, это наблюдения над

перипетиями политической истории древней Фракии и конкретнее – т. наз. Одрисского государства. Эти данные выясняют огромное значение койлалетов, на первый взгляд – как бы эпизодически появляющиеся в известиях античных источников – в политической истории и административно-политической организации Одрисского царства. С другой стороны, это наблюдения над этимологией этнонима койлалеты.

Этимология этнонима не может быть успешно выяснена без его сопоставления с близкими ему древне-фракийскими этнонимами. Этноним представляет композитное слово с второй составляющей *-леты*. По своему формированию этноним входит в относительно многочисленную группу этнонимов с таким словообразовательным элементом, а именно: *Dentheleti*; *Carbileti*; *Rhoemeleti*; *Haleti*, *Sialetae* или *Celetae*; *Hypselitae*; *Beisaletae* или *Bioleti*. Наблюдаемая высокая частотность этой словообразовательной модели говорит о какой-то важной причине использования в процессе формирования этнонимов именно этого второго компонента. Конечно, установление этимологии именно этого компонента, в некоторой мере облегченной благодаря тому, что нам известно наиболее вероятное значение некоторых из первых компонентов этого типа этнонимов, поможет дополнительно уяснить значение и интересующего нас этнонима койлалеты и, возможно, – ответить на вопрос почему именно о нем до нас дошло не прямое известие о его миграционном членении на “малые” и “великие”.

Stefan Yordanov
(Veliko Tirnovo)

THRACIAN ETHNONYMY IN THE LIGHT OF THE LINGUISTIC IDEAS OF O. N. TRUBACEV

The ethnonymy of ancient Thrace is discussed in light of a very interesting and perspective idea of O. N. Trubacev – his idea of naming the territory and the population, established on it after a migration, as the Great country, inversely the maternal country and population named as the Little one. These was in Antiquity and in Medieval period the cases of the Great Greece, Great Phrygia, Great Moravia etc. In the ethno-linguistic situation of ancient Thrace is also attested such a case – the Coelaletae Minores and Coelaletae Maiores, according to an laconic information of Pliny the Elder. An attempt to elucidate when and why had been taken place this migration, resulting in these ethnonyms, and eventually – to elucidate the etymology of ethnonym, will be proposed in the article.

© Наталья В. Масленникова
(Москва)

А. Н. МУРАВЬЕВ «ТАВРИДА»

Земли улыбка, радость неба,
Рай Черноморских берегов,
Где луч благотворящий Феба
Льет изобилие плодов,
Где вместе с розою весенней
Румянец осени горит,
Тебе — край светлых впечатлений,
Таврида! — песнь моя гремит!

Этими стихами открывается поэма А. Н. Муравьева «Таврида». Она была опубликована в Москве в 1827 г. и явилась одним из первых поэтических описаний благодатных краев Таврии. Издание это было единственным. Однако в 2007 г. в серии «Литературные памятники» она вновь предстала на суд читателей, спустя 180 лет. В новый том вошли сама поэма и «Опыты в стихах», ранее не публиковавшиеся, и письма Муравьева своим друзьям «вокруг “Тавриды”», отзывы тогдашней критики и проч. относящиеся к научному аппарату издания.

При ближайшем рассмотрении «Крымская тема» оказывается весьма обширной в русской словесности и простирается, так сказать, в глубину веков; начало ее — рассказ летописца о Корсунском походе князя Владимира, о Крещении Руси. С присоединением Крыма к Российской Империи и закладкой Севастополя в 1783 г. эта тема словно ворвалась в русскую научную и художественную литературу. Таврида постепенно обживалась русскими, вернувшимися в свои древние земли.

И вовсе не о Тмутараканском княжестве здесь разговор. Но о временах более седых и далеких.

Так академик О. Н. Трубочев, исследуя языковые реликты индоевропейского населения Приазовья, Северного Причерноморья, Таврии, Таманского полуострова (одним словом, древнего южного региона России) пришел к выводу, опираясь на доступный эпиграфический и ономастический материал из этих районов, об особом индоевропейском языке синдо-меотских племен восточного Приазовья и Тамани (Indoagica в Северном Причерноморье. М., Наука, 1999. 320 с.).

Учёный выдвинул принципиально новую концепцию индо-иранского изначального размежевания, сосуществования и окончательного раздела в припонтийских областях. Его открытие заключалось в том, что на юге Русской равнины было обнаружено присутствие одной из ранних форм индоарийского языка: на пространстве от Сев. Кавказа до Закарпатья, Дакии и Трансильвании; и

соответственно была установлена индоарийская, т. е. собственно индийская принадлежность синдов и меотов. В книге более конкретно показаны связи и различия между индоарийским и иранским языками в данном ареале, кроме того, обозначены связи языка «причерноморских ариев» с северокавказскими, тюркскими и, что особенно важно, славянскими идиомами. Учёный утверждал, что «между древнейшими местами обитания славян... и древним культурным районом Северного Причерноморья существовали связи, и следы этих связей сохранились. Более того, названные связи, по крайней мере, отчасти, относятся к индоарийскому компоненту северопонтийского населения [поскольку славяне вышли к берегам Чёрного и Азовского морей в V–VI вв. Тогда ещё существовали древние боспорские города и синдомеотский элемент в них ещё не совсем угас — с. 59]. Наши наблюдения над реликтами этого рода касаются 1) этнонимов (хорваты, сербы — Н. М.), 2) культурной лексики (серебро — Н. М.), 3) сведений о берегах Чёрного моря (Керчь — Н. М.)»²⁰. Автор коснулся здесь и сложной проблемы происхождения этнонима Русь²¹, во всяком случае, он высказал твёрдую уверенность, «что продолжать искать надо именно тут... название Русь родилось только на юго-восточной периферии древнего славянства. Периферия не значит глушь, и здесь, на этих просторах земли к северу от Черного моря, которые в старину звались южнорусскими степями, кипела жизнь, складывались формы межплеменного общения и свои традиции наименований. Еще эти степи называют скифскими и сарматскими, но их этническое прошлое было богаче. В VI в. на этих берегах упоминается народ рос, а также росомоны, с которыми (а также с роксоланами) пытался связать нашу Русь не кто иной, как Ломоносов. <>

В уже упомянутом рос (VI в.) отражено, возможно, индоарийское (праиндийское) *рукш*, или его диалектный, народный вариант *русс*. Итальянские старые карты знают на берегу западного Крыма название *Россатар*, которое мы читаем с помощью древнеиндийских данных как «Белый берег». Как эквивалент ему — древнерусское *Белобережье* — известно по соседству, в устье Днепра. Предки индийцев на юге [современной] Украины! Не слишком ли сильное допущение? Нет, не слишком, потому что наши (славянские, иранские, индийские) общие предки когда-то жили именно где-то здесь. В общих чертах это известно давно. Но науке нужны новые факты...»²².

Т. е. лингвистическая картина данного региона не только усложнилась — но на ней прочертился новый рисунок языковых и этнических контактов; не имевшие письменности синды и меоты Приазовья, тавры Крыма «заговорили», а

²⁰ Трубачёв О. Н. *Indoarica*. С. 54.

²¹ Позже О. Н. Трубачёв вновь вернулся к этой проблеме, посвятив ей специальный очерк «К истокам Руси. Наблюдения лингвиста». См.: Трубачёв О. Н. В поисках единства. М., 1997. С. 184-265.

²² Трубачев О. Н. *INDOARICA*... С. 123.

результаты реконструкции языковых реликтов позволили сделать ещё один любопытный вывод: «таинственные жестокие тавры должны были говорить на индоарийском диалекте»²³. Эти открытия позволили сделать новые этимологии древних названий мест и имён людей. Все эти наблюдения, безусловно, важны для самопознания русского народа. Как замечал в своё время историк Штриттер: «Не бесполезно также и для любителей российской истории знать происхождение того народа, который в древние времена имел жительство в соседстве, или паче в пределах России, хотя бы после того и совсем в другую часть света он преселился»²⁴.

Но вернемся к веку XVIII-ому. Уже в 90-х гг. российский ученый, член Петербургской Академии наук Петр Симон Паллас (1741–1811) предпринял научно-исследовательскую поездку в Крым, он оставил ее подробное описание (Путешествие по Крыму в 1793–1799 гг.). Тогда же другой русский академик и чиновник Павел Ив. Сумароков (племянник известного поэта А. П. Сумарокова) совершил аж два, одно за другим, хождения в чудную Тавриду. Оба его сочинения еще более подробно (пожалуй, с экскурсионно-краеведческим уклоном) знакомили нашего обывателя с пока неизведанными далекими южными краями Империи: «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. С историческим и топографическим описанием всех тех мест» (М., 1800) и «Досуги крымского судьи или Второе путешествие в Тавриду» (СПб., 1803–1805).

Любопытно, что уже в 1811 г. в Феодосии (Кафе) был открыт музей древностей, основателем его стал феодосийский градоначальник С. М. Броневский (тот самый, у которого позже останавливался Пушкин с Раевскими на пути в Гурзуф).

Образ загадочного Крыма стал настолько притягательным, что, к примеру, К. Н. Батюшков, так и не добравшийся до полуденной страны, все же в 1815 г. создал свою элегию «Таврида», где романтические картины «рая земного» противопоставлялись хладной северной Пальмире. И именно Батюшков, как кажется, впервые в русской поэзии обозначил образ Тавриды как античного элизума, т. е. указал вектор пиитического восприятия «страны далекой».

Друг милый, ангел мой! сокроемся туда,
Где волны кроткие Тавриду омывают
И Фебовы лучи с любовью озаряют
Им древней Греции священные места...
<...>

Там, там нас хижина простая ожидает,
Домашний ключ, цветы и сельский огород.
Последние дары фортуны благосклонной,

²³ Трубачёв О. Н. Там же. С. 45.

²⁴ Цит. по: Трубачёв О. Н. Indoarica. С. 47.

Вас пламенны сердца приветствуют стократ!
Вы краше для любви и мраморных палат
Пальмиры Севера огромной!

В 1819 г. русский славист, этнограф, географ П. И. Кеппен также побывал в Крыму, в этой поездке, в частности, он познакомился с основателем и первым директором Императорского Никитского ботанического сада Христианом Стевенем. А в 1829 г., по службе, и вовсе переселился в полуденную страну. Крымский сборник Кеппена «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических» с пометкой «исследование» вышел, однако, лишь в 1837-м в Петербурге. Сборник был снабжен картой Южного Крыма и указателем к ней. Значение своего этот труд не утратил и поныне, а во время Восточной (Крымской) войны карта пользовалась особым спросом и дважды переиздавалась в XIX в. Вообще Кеппен посвятил Крыму более 40 научных работ самой разнообразной тематики. В 1837 г. его имение Карабаг близ Алушты посетил В. А. Жуковский, путешествовавший с Государем Наследником Цесаревичем Александром Николаевичем по России. Интересно, что в том же году в том же обширном путешествии и Андрей Николаевич Муравьев сопровождал царственного паломника, по просьбе Жуковского, в Новый Иерусалим патриарха Никона.

А в 1820-м полуостров посетил И. М. Муравьев-Апостол, автор книги «Путешествия по Тавриде в 1820 году» (СПб., 1823), Некоторые исследователи полагают, что именно Муравьев-Апостол открыл широкой публике Крым и о нем закрепил в сознании образованного российского общества представление как о «“классической” земле, ассоциирующейся с Древней Грецией и Византией»²⁵. Однако с этим утверждением трудно согласиться, учитывая приведенные выше факты. И, пожалуй, именно посещение Крыма и Севастополя (Херсонеса-Корсуни) в октябре 1825 г. Государем Императором Александром I действительно наиболее способствовало усилению внимания широких кругов русского общества к Таврической губернии, к ее черноморским берегам. Тогда же была объявлена всенародная подписка на сооружение собора св. князя Владимира.

Наконец, А. С. Пушкин в 1820 г. вместе с семейством генерала Н. Н. Раевского совершил свое знаменитое путешествие по Крыму. Часом они соединялись с Муравьевым-Апостолом, то взбираясь по Чертовой лестнице на яйлу, то спускаясь к Ялте... Таврида сделала глубокое впечатление в тончайшей душе поэта. Уже на корабле при переезде из Феодосии в Гурзуф она вдруг после почти полугодового молчания встрепенулась и заговорила вновь: «Погасло дневное светило;/ На море синее вечерний пал туман./ Шумы, шуми, послушное ветрило,/ Волнуйся подо мной, угрюмый океан». И не случайно то была элегия, ибо именно ее меланхолично-чувственный настрой, печальная романтическая

---

²⁵ Хохлова Н. А. Об А. Н. Муравьеве// Муравьев А. Н. Таврида. СПб., 2007. С. 289.

тональность, очевидно, более всего соответствовали расположению духа изгнанника. Крымская тема занимает порядочное место в творчестве Пушкина: это и «Рядет облаков летучая гряда» (1820), «Нереида» (1820) и поэма «Бахчисарайский фонтан» (1823), и «К морю» (1824), «Фонтану Бахчисарайского дворца» (1824), «Чаадаеву. С морского берега Тавриды» (1824), и незаконченная «Таврида» (1822), где звучит и мотив из стихотворения 1821 г. «Кто видел край, где роскошью природы», а другой мотив «Тавриды» вдруг запоет в XXXIII строфе первой главы «Евгения Онегина», написанной после окончания сей части романа (22 октября 1823 в Одессе).

<...>

Как я желал тогда с волнами
Коснуться милых ног устами!
Нет, никогда среди пылких дней
Кипящей младости моей
Я не желал с таким мученьем
Лобзать уста младых Армид...

Образы, запечатленные созерцанием, живут в сознании человека; творчество и вдохновение таинственны, ассоциации, порой, совсем необъяснимы. Как знать, может и «Подражания Корану» (1824), писавшиеся в Тригорском, имени П. А. Осиповой (оттого и посвящены ей), порождены были в том числе и реминисценциями Крыма: ведь признавался он в стихотворении «Таврида» — «...Холмы Тавриды, край прелестный,/ Я снова посещаю вас...».

А тогда, в 1820-м образ моря буквально ворвался в поэзию Пушкина. Это прежде всего «свободная стихия», но и «угрюмый океан», и море житейское и судьба, устрояемая по воле волн... А сказки, дивные сказки Пушкина... Тут море и обиталище нечистой силы (Сказка о попе и о его работнике Балде); и спасительная стихия, помогающая восстановить справедливость (Сказка о царе Салтане...); и там ведь, в море, живут тридцать три богатыря и с ними дядька Черномор (вспомним, что русские летописи и арабские источники называют Черное море морем Русским), витязи, хранящие покой славного града (город Солнца) царя Гвидона, града, олицетворяющего идеальный образ Святой Руси. И примечательно, что в этой сказке все главные события свершаются на лоне вод морских. Море управляет судьбой человеческой (сюжетом) и в «Сказке о рыбаке и рыбке». И когда злая воля старухи достигает предела, поднимаются «сердитые волны» и смиряют дерзкую нечестивицу. Царство морское — таинственная пучина, недоступная человеку, неподвластная ему, как бы особый мир, к которому едва-едва позволено нам приблизиться.

Одним словом, для Пушкина это соприкосновение с «волшебными краями» Таврии, с морем, глубоко вошедшее в душу поэта, оказалось весьма плодотворным, породило множество замыслов, преломилось а самых разных стихотворных мотивах, оказало влияние на многих его литературных современников. К примеру, в 1825 г. на сцене Петербургского театра была поставлена романтическая трилогия А. А. Шаховского «Керим-Гирей,

Крымский хан». Содержание ее, по сути, было заимствовано из «Бахчисарайского фонтана» и даже многие стихи поэмы были сохранены целиком, т. е. цитировались; другое дело, что Шаховской ввел новые мотивы, новых персонажей, несколько расширил круг повествования («Татарский стан», «Польский замок», «Бахчисарайский фонтан»), так сказать, несколько изменил сюжет, что собственно и позволило ему указать собственное авторство. Но все же без поэмы Пушкина не было б «Керим-Гирея» Шаховского.

В 1825 г. в Крым путешествовали А. С. Грибоедов, А. Н. Муравьев (они там и познакомились), П. П. Свиньин, Адам Мицкевич. И каждый оставил свой след в русской словесности. В «Путевых заметках» Грибоедова VII глава называется «Крым» (очерк был опубликован в журнале «Русское слово», 1859). Свиньин составил «Обозрение путешествия издателя “Отечественных записок” по России в 1825 г. относительно археологии» («Отечественные записки», 1826). В 1826 г. на русском и польском языках были изданы «Крымские сонеты» Мицкевича, ставшие и фактом русской литературы.

В 1824–1825 гг. у Муравьева возник замысел эпической поэмы «Потоп», которую поэт мыслил как логическое завершение «Потерянного рая» Мильтона; и вот в поисках новых впечатлений он отправился в Крым. Кроме того, еще один творческий замысел руководил его путешествием — трагедия «Владимир». Ради этого Муравьев посетил Корсунь (Херсонес), по преданию место крещения великого князя. Произведение осталось неопубликованным, однако Муравьев, возвратившись в Москву (1826), читал его во многих домах. Это сообщило молодому автору определенную известность, так начинался его путь в большую литературу. Вскоре А. Н. Муравьев познакомился с Пушкиным и Баратынским, стал частым посетителем салона княгини Зинаиды Волконской. О его стихах заговорили, а П. А. Вяземский нашел в них «живую поэзию в вымысле и выражении».

В 1827 г. вышел сборник «Таврида». Следует отметить, что помимо собственно поэмы «Таврида» в него вошли и стихи на русские исторические сюжеты, это вторая часть книги («Апостол в Киеве», «Ольга», «Святослав», «Днепр», «Ермак» и др.). В воспоминаниях своих Муравьев признавался, что Крым стал его «поэтической родиной». Что совершенно понятно. Дивная природа и ее щедрые дары, море, бескрайнее небо, горы, цветы, разноголосое пение птиц, татарские селенья с их своеобразным бытом, мечети и монастыри с православными храмами, древности Таврии, — все, все было совсем необычным, удивительным, новым, хранившим под спудом веков свою седую историю, в которой сошлись и Запад и Восток, предания Таврии и Киммерии, легенды скифов, сарматов, судинов и галиндов, ставанов (славян²⁶), аланов... Не мог Муравьев, поэт в душе, интуитивно не почувствовать всего этого таинственного богатства, ибо сама земля Тавриды дышала сим благодатным

---

²⁶ См. Трубачев О. Н. Indoarica... С 115–118.

воздухом древних времен. Ученик тонкого С.Е. Раича, переводчика Вергилия и Тассо, с молодых ногтей вкусивший высокой поэзии, блестяще образованный, воспитанный в чувствах своих, Муравьев сказался и в ранней драме своей «Битва при Тивериаде» (1827), где отобразился и блестящий век рыцарства и те священные края (Палестина), которые автор впоследствии посетил дважды... В русской словесности А. Н. Муравьеву по праву принадлежит слава духовного писателя. Это ему в 1869 г. писал Ф. И. Тютчев:

Живи ж не в суетном сознание
Заслуг своих и добрых дел;
Но для любви, но для примера,
Да убеждаются тобой,
Что может действенная вера
И мысли неизменный строй²⁷.

«Путешествие ко Святым Местам в 1830 году», «Письма о богослужении», «Письма с Востока», «Путешествие по святым местам русским», «История Иерусалима», «Римские письма», «Письма о магометанстве»... Все это будет потом. А пока первая книга – сборник «Таврида».

Сама поэма «Таврида» по сути описательная. Чудесные крымские пейзажи и чувства, переживания автора, порожденные созерцанием волнительной южной природы. В названиях стихов читается топонимика Крыма: Таврида (вступление), Чатыр-Даг, Бакчи-Сарай, Развалины Корсуни, Георгиевский монастырь, Балаклава, Мердвень, Алушка, Орианда, Ялта, Аю-Даг, Кучук-Ламбат. Вот собственно и весь перечень стихотворений, составляющих эту поэму. Пожалуй, это цикл крымских стихов, нежели поэма в полном смысле этого слова. Это путевой живописный альбом, зарисовки мест, оставивших наиболее яркие впечатления в душе поэта. Присмотримся к некоторым из них и дадим слово автору.

Вступление к поэме (стихотворение «Таврида») заканчивается такими словами:

Передо мной шумели волны
И заливали небосклон;
И я, отрадной думы полный,
Следил неизмеримость волн —
Они сливались с небесами, —
Так наша жизнь бежит от нас
И упивается годами,
Доколе с небом не слилась!²⁸

²⁷ Тютчев Ф. И. ПСС в 6 т. М., 2002-2004. Т. 2. С. 203.

²⁸ Муравьев А. Н. Таврида. С. 9. В дальнейшем цитируется настоящее издание, страницы указываются в тексте статьи.

Собственно подобного рода философические настроения пронизывают каждый муравьевский пейзаж. Думы о жизни и смерти, о смысле и бессмыслии всего земного, о вечном и конечном, о преходящих радостях жизни, ее печалях и испытаниях судьбы.

Чатыр-Даг. В сборнике «Таврида» этой «главной горе» Крыма посвящено два стихотворения, одно из них включено в поэму. А вот что писал Муравьев в собственном примечании к стихам о Чатыр-Даге: «Гора Чатыр-Даг или Шатер-Даг имеет издали совершенный вид шатра, раскинутого над горизонтом свыше темя всех прочих гор, и от сего получила свое название. С её вершины видна панорама целого Крыма: солнце, показываясь на горизонте Кафского пролива, садится в Черное море за Севостоподем и обнимает в своем течении весь полуостров. —

Как целый мир в пространстве года, —
В объеме дня вместился Крым» (141).

Взойдите на шатер Тавриды,
Оттоле удивленный взор
Пустынные обнимет виды
И цепи неприступных гор;
Внизу — цветущие долины
С картиной сел и городов,
И с трех сторон морей пучины
Вокруг туманных берегов (11).

Бакчи-Сарай.

Пустынный двор Бакчи-Сарая
Унылый озарен луной;
Развалин друг, она, играя,
Скользит по келье гробовой,
Где грозных и надменных ханов
Давно забытый тлеет прах,
Где воля дремлющих тиранов
Уж не закон — в немых гробах! (15).

Обычно эти стихи трактуют как пушкинский мотив. Кто только «не обвинял» Муравьева в подражании Пушкину. Тот же Баратынский в своей рецензии на сборник Муравьева писал: «“Таврида” — произведение совершенно ученическое. Создание ее бедно или, лучше сказать, в ней нет никакого создания. Это риторическое распространение двух стихов Пушкина в Б. (ахчисарайском) Ф. (онтане):

Где скрылись ханы? Где гарем?
Кругом все пусто, все уныло...»²⁹.

²⁹ Цит. по: Муравьев А. Н. Таврида. С. 318.

Собственно рецензия Баратынского и задала тон всем последующим критикам. Но справедливы ли они? Но так ли все сводится к некоему подражательству?

Скажем свое нет. Потому как всякий, кто посещал сии печальные пределы уснувшего дворца, всякий, мало-мальски осведомленный о судьбе Керим-Гирея (хоть и из пушкинской поэмы), обязательно при посещении Бахчисарая переживает подобные чувства. Ведь писал же И. М. Муравьев-Апостол в своем «Путешествии по Тавриде» (1820), что как только «ввечеру подъехал к Бакчисарая», бросился к ханскому дворцу: «Солнца давно уже не видно было за горами... когда я вступил на первый двор сарая. Это не помешало мне пробежать по теремам и дворам таврической Аламбры; и чем менее видимы становились предметы, тем живее делалась игра воображения моего, наполнявшегося радужными цветами восточной поэзии»³⁰

Так подражал ли Муравьев? Да нет, конечно же, нет. Просто бахчисарайский дворец других переживаний и не вызывает... Не поверим Баратынскому (не выдавшему Бахчисарая), а уж прочим критикам Муравьева тем более — нет.

И уж совсем не по-пушкински звучат строфы из второй половины стихотворения. Вдруг после строк:

Где ханский блеск? — Но водомет
Задумчивые пенит воды
На память тех, которых нет! гремит:
За все отмстила вам Россия,
Орды губительных татар!
Вы язвы нанесли живые —
На вас обрушился удар;
В крови вы золото добывали,
Огнями пролагали след
И на главу свою сзывали
Отмщение грядущих лет.

Этот пафос возмездия звучит именами Мамаю (Мамай! Ты здесь искал спасенья; // Безумный хан! Ты не видал — // Кровавый, лютый след отмщенья // По степи за тобой пылал), великого князя Димитрия (Донской! На грозном поле чести // Ты первый сокрушил татар! // И внук, твоей наследник мести, // Великий довершил удар! 17–18). И многими еще именами мог бы взывать сей глас... Заключительная часть стихотворения скорее это гимн русской воинской славе, русскому оружию.

Таков Бакчи-Сарай Муравьева, и вовсе не пушкинским печально-романтическим настроением (мотив неизбежной трагической любви) веет от него, ибо смысловый акцент всей пьесы — именно в ее финале, звучащий, как

³⁰ Цит. по: Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 т. М., 1962–1966. Т. 4. С. 196.

оглушительный аккорд. Не случайно же вторая часть сборника «Таврида» посвящена славным, многотрудным страницам русской истории.

Совсем иным настроением проникнуто следующее стихотворение «Развалины Корсуни».

В те пределы Андрея Николаевича, как сказано выше, вел князь Владимир. Предание о крещении князя и Руси. Ведь изначально, напомним, был замысел о поэме «Владимир».

Я на холме среди развалин,
Вокруг меня обломки стен,
И, мрачной Думой опечален,
Мой дух в минувшем погребен!

<...>

Корсунь! Корсунь! Твои ль твердыни
Забытые лежат в полях?
И ты, унылый страж пустыни,
Ты вспоминаешь о веках
Величия, богатства, силы! —
Но где ж они? Где прежний блеск?
Вокруг безмолвие пустыни
Лишь будит волн отзывный плеск! (19–21).

Поэт обозревает дорогие для него древние развалины и печальные думы объемлют его. Но вот он как будто зрит князя Владимира: «Но кто сей витязь величавый / Среди толпы, осанкой Князь?», затем царевну Анну: «И близ него какая дева, / Как призрак легкая стоит?» (22). А далее следует описание крещения князя:

И кто пред светлою четою,
Служитель давний алтарей,
Стоит, украшен сединою...
В купель он возливает воды,
Он погружает крест златой,

<...>

Внимай! — Раздался глас молений,
И гимн божественный гремит,
И сладость дивных песнопений
Нам о небесном говорит:
Слезой отрадной умиленья
Ланиты витязя блестят,
И на него в час освященья
Слетает с неба благодать!
И старец дряхлою рукою
Таинственные воды льет
Над светлой витязя главою —

Он новой жизни сладость пьет!
 О чудо! — Просветились взоры,
 С очей туманный спал покров,
 И благодарственные хоры
 Свод огласили облаков! (22–23).

Но где же памятник герою, «где дивный храм»? — вопрошает в конце стихотворения автор. И с горечью отвечает:

Благоговение немое —
 Один лишь памятник сердцам!
 Вокруг меня — твердынь обломки
 И мох, поросший на стенах;
 Неблагодарные потомки!
 Вы позабыли об отцах (26).

Как говорит предание, в память о своем крещении князь Владимир воздвиг в Корсуни храм, развалины которого сохранялись до половины XIX в. А после присоединения Крыма к России возникла идея сооружения большого собора-памятника «Герою». Общественная подписка была объявлена в 1825 г., но дело затянулось до 1891–1892 гг., когда и было завершено строительство сего памятного храма. Собор был разрушен во время Великой Отечественной войны, воссоздание же его началось с конца 1990-х гг. Ныне он прекрасен и, кажется, обрадовал бы взор А. Н. Муравьева.

Мы остановились лишь на нескольких стихотворениях поэта в своем небольшом обзоре. Но и они открывают перспективу (как и весь сборник «Таврида» в целом) творческого движения будущего, весьма плодотворного и известного, весьма читаемого (особенно в первой половине XIX в.) русского духовного писателя, Андрея Николаевича Муравьева. Задачей своей он видел возвращение «образованному обществу» действенной веры.

Обращаясь к «любезному другу» в «Письмах о богослужении» и разъясняя ему свое намерение объяснить «те места красноречивого и трогательного служения нашей православной Церкви», с которыми друг его мало знаком, Муравьев, между прочим, замечал: «Быть может, если бы ты подозревал во мне более духовного звания, ты избежал бы меня, как скучного учителя; но ты не станешь уклоняться друга, во всем тебе равного, которого уста говорят только от избытка сердца. <...> Может быть, при чтении сих писем, прояснится в твоей душе хотя одна темная мысль, и ты посветишь молитве еще одно лишнее мгновение...»³¹.

Что ж таковым было время, когда Церковь оказалась как бы «вне культуры», когда образованному русскому, в особенности столичному аристократу, стало «стыдно верить» (Н. С. Лесков), когда общество охватила идея «внутреннего христианства», чуждый православию мистицизм,

³¹ Муравьев А.Н. Письма о богослужении. В 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 4-5.

эстетическая культура сердца, которая, по словам Ключевского, заменяла собой «нравственные правила тонкими чувствами», когда вновь бурно ожило масонство... «Это была вряд ли не самая высшая точка русского западничества. Екатерининская эпоха кажется совсем примитивной по сравнению с этим торжествующим ликом Александровского времени, когда и самая душа точно отходит в принадлежность Европе»³². Увы, но многие грустные черты той эпохи унаследовало и начало Николаевского царствования. Увы, и тогда «умная старина» еще продолжала для многих оставаться «темной»... Но она звала, ею дышала почва; богоносная русская стихия мощно исторглась прежде всего в творческом гении Пушкина...

Муравьев же, безусловно, принадлежит к *diis minorum gentium* русской литературы, однако значение этого «младшего бога» в отчаянной борьбе за Святую Русь совсем просто и несколькими словами определил сам Пушкин, когда признавался: «С умилением и невольной завистью прочли мы книгу г. Муравьева»³³ — это сказано о «Путешествии ко Святым местам». Книга сия самим автором была поднесена Государю Императору Николаю Павловичу.

Добавим, что сегодня многие произведения Муравьева переизданы, они вполне доступны, их надо читать, им надо внимать, они учат не только свету и добру, но и просвещают читателя культурно-исторически.

© Юрий Миронович Могаричев, А. К. Шапошников
(Симферополь, Коктебель)

К ВОПРОСУ О ЖИТИИ ИОАННА ГОТСКОГО ИЗ МИНОЛОГИЯ ВАСИЛИЯ II

Житие Иоанна Готского – один из ключевых источников для изучения истории Крымского полуострова «хазарского периода». Его первоначальной версии не сохранилось. Наиболее полная из дошедших до нас редакций – вероятно сокращенный вариант Жития, состоящий из десяти отрывков (глав) [Васильевский, 1912; Лопарев, 1913, с.15; Ševčenko, 1975, p.115; Huxley, 1978; Auzéry, 2006 и др.].

Древнейшая версия рассматриваемого агиографического произведения была составлена в период 806–811 гг. В 843–847 гг. оно было переработано в

³² Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия. Вильнюс. 1991 (репринт). С. 128.

³³ Пушкин А.С. Указ. соч. Т. 7. С. 262.

новой, уже известной нам редакции [Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 20–26].

Несмотря на широкую известность Жития Иоанна Готского, неоднократное переиздание текстов источника и внушительную историографию ему посвященную, исследователями осталось практически незамеченным синаксарное сокращение, находящееся в Минологии Василия II нач. XI в. [MB//PG CXVII, col. 511–512; Ševčenko, 1991, p. 1341–1342].

В. Г. Васильевский был знаком с этим источником. Правда, особого внимания ему не придал, ограничившись замечанием, что это «кратчайший из синаксарей» [1912, с. 420]. Очевидно, под воздействием авторитета В. Г. Васильевского в последующих работах ссылки на этот вариант Жития святого из Крыма практически отсутствуют.

«Месяца того же (июня)

26 (числа)

Память преподобного (святого) отца нашего Иоанна, епископа готфов.

Этот святой отец наш Иоанн, подобно великому пророку Иеремии, от рождения был посвящен, ибо был рожден по обету, данному родителями благочестивыми и благоверными: и отдан был ими сразу после рождения в дар Богу. Он был посвящен церкви епископства Готфии в царствование Кеонта (Льва – авт.) Исавра. Когда же он, достигнув зрелого возраста, соразмерно телесного и духовного, должен был взойти на архиерейский престол, избранный своим собственным народом, он был направлен в Иверию и рукоположен тамошним архиереем из-за ереси иконоборцев, возобладавшей тогда в Константинополе. И, возвратившись, он хорошо пас свою паству. Он прибыл в Константинополь после смерти Исавра, был удостоен аудиенции царицы Ирины, вернулся обратно к своей церкви. Но преследуемый (изгнанный?) собственным народом, в Амастриде скончался».

В целом, рассматриваемая редакция хоть и действительно является «кратчайшей», все же позволяет сделать определенные выводы.

Редактором полностью были изъяты «таврические подробности», а именно: рассказы о месте рождения святого, его родителях, и что самое важное, об антихазарском восстании. Это позволяет предположить, что компилятор начала XI в. практически ничего не знал ни о Таврике, ни о хазарах. Видимо тогда «хазарская тема» для значительной части византийского церковного сообщества, была уже не актуальной. При этом, составитель сохранил в тексте упоминания о, вероятно знакомых ему Иверии и, естественно, Амастриде. Отметим, в рассматриваемом источнике отсутствует важная с точки зрения развития сюжета линия о поездке святого в Иерусалим.

Обращает на себя внимание фраза о том, что Иоанна с детских лет сравнивали с пророком Иеремией. В Житии этот сюжет изложен так: «Этот преподобный Иоанн, посвященный с детства подобно Иеремии и Самуилу, всецело был предан Богу. Ибо Фотина, мать преподобного, зачала его только после того, как в молитве к Богу ради дарования ей плода, (дала обет) привести

его на служение Господу. Родившись же и возросши, он придерживался подвижнического образа жизни почти с пеленок, подвизаясь словом и делом во всяческой добродетели» [цитирование различных вариантов Жития Иоанна Готского по: Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007]. В Синаксаре Константинопольской церкви (S) сказано «Он был посвящен еще с детства, подобно Иеремии и Самуилу Великому, рожденному по молитве, (поэтому после рождения) тотчас был посвящен Богу». В синаксаре Оксфордской церкви Христа (СОЦХ) – «Сын, рожденный по молитве, как в древности Самуил и воспитанный в подвижничестве от нежного возраста, превратился в пристанище Христа». Как видим, редактор сохранил сравнение Иоанна только с пророком Иеремией, изъяс Самуила.

МВ относит епископство Иоанна ко времени правления Льва Исавра. При этом пространные редакции Жития указывают, что тот «был епископом Готфии при царях Константине и Льве», причем епископом он стал именно при Константине. Это же повторяет и Синаксарь Константинопольской церкви. А СОЦХ прямо говорит «В дни царя Константина Старшего (Взрослого) был в полном цвете преподобный отец наш Иоанн (между святыми) в стране готфов».

Несмотря на отсутствие в МВ сюжета об антихазарском восстании в Готии, там подчеркивается, что по возвращении из столицы, готский епископ оказался в Амастриде «преследуемый (гонимый, изгнанный?) собственным народом». Естественно, данный отрывок непонятен, если не быть знакомым с иными версиями Жития. Указания на «преследование (выделено нами – Авт.) собственным народом» нет в других вариантах. В пространной редакции говорится что святой «своим собственным народом был выдан архонтам (старшинам) хазар», при этом далее поясняется: «выдан одним местечком (селением)». В Чудесах присутствует сюжет, что некто порицал Иоанна «как если бы тот являлся причиной того, что крепость Готфии была передана кагану». В S сообщается, что епископ «был предан собственным народом начальникам хазар». В СОЦХ данный момент обойден вниманием, а событие освещается так: «Когда же случилось в его стране восстание против хаганов, и многие невинные и не из-за Христа были преданы мечу (и многие невинные были преданы мечу и не из-за Христа враждовавшие друг с другом), ему удалось бежать».

Таким образом, текст из МВ ближе к пространной и, особенно, к краткой редакции из Синаксаря Константинопольской церкви.

Это подтверждает и текстологический анализ. Полужирным выделены лексические и синтаксические дословные совпадения:

1. Сюжет о посвящении Иоанна Богу.

1.1. Пространная редакция жития Иоанна Готского:

«καὶ Σαμουὴλ ὀλικῶς ἀφιέρωθη τῷ θεῷ. Φωτεινῆς γὰρ, τῆς μητρὸς τοῦ ὀσίου, ἐὺξαμένης τῷ θεῷ δοθῆναι αὐτῇ καρπὸν, εἰς τὸ προσάξει αὐτὸν λειτούργον, Κυρίῳ (Κυρίου), ὅτως συνέλαβεν αὐτόν».

1.2 Синаксарь Константинопольской церкви:

«Οὗτος ἦν ἐπὶ Κωνσταντίνου καὶ Λέοντος τοῦ Ἰσαύρου, ὁρμώμενος ἐκ τῆς τῶν Ταυροσκυθῶν χώρας, τῆς ὑπὸ τὴν ἐξουσίαν τῶν (om.D) Γότθων τελοῦσης, Λέοντος καὶ Φωτεινῆς (Φωτινῆς D) υἱὸς γεγονώς. Ἁγιασθεὶς δὲ ἐκ βρέφους ὡς Ἱερεμίας καὶ (ὡς add.D) Σαμουὴλ ὁ μέγας κατ' ἐπαγγελίαν γεννηθεὶς, εὐθὺς τῷ Θεῷ ἀνετέθη».

1.3 Μιναλογίη Βασιλίου Β:

«ὡς ὁ μέγας προφήτης Ἱερεμίας, ἐκ βρέφους ἁγιασθεὶς ἐγεννήθη ἐξ ἐπαγγελίας παρὰ γονέων εὐλαβῶν καὶ πιστῶν· καὶ ἐδόθη παρ' αὐτῶν ἅμα τῷ γεννηθῆναι δῶρον τῷ Θεῷ, ἀφιερωθεὶς τῇ ἐκκλησίᾳ τῆς ἐπισκοπῆς Γοθθίας ἐπὶ τῆς βασιλείας Κεόντος* τοῦ Ἰσαύρου».

2. Сюжет о рукоположении Иоанна в епископы.

2.1 Пространная редакция жития Иоанна Готского:

«εἰθ' οὕτως ἐπὶ Ἰβηρίαν οἱ τῆς Γοθθίας πρὸς τὸν καθολικὸν θρόνον· ἐξέπαμψαν (ἐξέπεμψαν)· κάκει χειροτονηθεὶς ἐπίσκοπος, τὰ δόγματα τῆς καθολικῆς Ἐκκλησίας καὶ τὴν ὀρθὴν πίστιν ἄτρωτον διεφύλαξε».

2.2. Синаксарь Константинопольской церкви:

«Ἐπεὶ δὲ εἰς μέτρον καὶ τῆς πνευματικῆς καὶ (τῆς add.D) σωματικῆς ἔφθασεν ἡλικίας καὶ ἔδει αὐτὸν εἰς τὸν τῆς ἀρχιερωσύνης θρόνον ἀνελθεῖν, ὑπὸ τοῦ οἰκείου λαοῦ πρὸς τὸν καθολικὸν τῆς Ἰβηρίας (Ἰμηνίας S) ἐπέμφθη, κάκειθεν τὴν χειροτονίαν ἐδέξατο· ἐπεκράτει γὰρ ἐν τοῖς Ῥωμαίκοις μέρεσι ἡ τῶν εἰκονομάχων αἵρεσις».

2.3. Μιναλογίη Βασιλίου Β:

«Ἐπεὶ δὲ εἰς μέτρον καὶ τῆς πνευματικῆς καὶ σωματικῆς ἔφθασεν ἡλικίας, καὶ ἔδει αὐτὸν εἰς τὸν τῆς ἀρχιερωσύνης θρόνον ἀνελθεῖν, ψηφισθεὶς ὑπὸ τοῦ ἰδίου λαοῦ ἐπέμφθη εἰς Ἰβηρίαν, καὶ ἐχειρωτομήθη ὑπὸ τοῦ ἐκεῖσε ὄντος ἀρχιερέως. διὰ τὸ ἐν Κωνσταντινουπόλει ἐπικρατεῖν τὴν τῶν εἰκονομάχων αἵρεσιν».

3. Сюжет о поездке Иоанна в Константинополь.

3.1 Пространная редакция жития Иоанна Готского:

«Μετὰ δὲ τὴν τελευταίην Κωνσταντίνου καὶ Λέοντος τῶν βασιλέων, Εἰρήνης καὶ τοῦ υἱοῦ αὐτῆς βασιλευσάντων, ἀπέστειλε τὸν αὐτὸν τόμον Παῦλον, τῷ ἀγιωτάτῳ τῷ τηρικαῦτα πατριάρχῃ· καὶ λαβὼν λόγον παρὰ Εἰρήνης τῆς Αὐγουστῆς, εἰσηλθεν εἰς τὴν βασιλεύουσαν πόλιν· καὶ παρρησία λαλήσας πᾶσι περὶ τῆς ἀποδοχῆς τῶν ἱερῶν εἰκόνων ἐν τῇ ἀγίᾳ καθολικῇ Ἐκκλησίᾳ, αὐθις ὑπέστρεψε. Μέλλων δὲ τελευταῖαν Παῦλος, ὁ ἀγιώτατος πατριάρχης, τὸν σκοπὸν ἔχων τοῦ ὁσίου, κατήλθεν ἐκ τοῦ πατριαρχείου, γέγονε μοναχὸς εἰς τὴν μονὴν τῆς ἀγίας Θεοτόκου τῶν Φλόρου, καὶ καθώρκισεν τὴν Αὐγουσταν ἀποποιῆσαι τὸ σφάλμα.

Ταράσιος δὲ ὁ πρωτοασκηρῆτης, εὐλαβὴς ὢν καὶ ἐνάρετος, προβληθεὶς μετὰ τὴν κοίμησιν τοῦ μακαρίου Παύλου τοῦ πατριάρχου, ὃς καὶ ὑπ' αὐτοῦ ἐμαρτυρήθη, γενέσθαι πατριάρχης, οὐκ εἵλατο (εἵλετο) δὲ βαρῆναι, ἕως ἂν ὑπέσχετο οἱ βασιλεῖς ποιῆσαι τὴν εἰρημένην σύνοδον. Καὶ ἱερῶν γραμμάτων ἐκ τῶν τεσσάρων θρόνων ἀνδρῶν εὐλαβῶν καὶ ἱερῶν γραμμάτων ἐκ προσώπου τῶν πατριαρχῶν συναθροισθέντων δὲ καὶ τῶν ἀπανταχοῦ ἐπισκόπων (ἤδη χειροτονηθέντος τοῦ μακαρίου Ταρασίου) πρῶτον μὲν ἐκαθέσθησαν ἐν τοῖς ἀγίοις·

Αποστόλοις καὶ κηρυττόντων αὐτῶν τὰ δόγματα τῆς ὀρθοδοξίας, ἐπελθοῦσα ἡ τῶν Σχολαρίων πλῆθὺς, μετὰ μαχαίρων καὶ ξύλων, διέλυσαν ταύτην, ὑβρίσαντες καὶ τὴν βασιλείαν· καὶ ἐξορίζονται σὺν γυναικῶν καὶ τέκνων περὶ τὰς ἑξ χιλιάδας, σὺν αὐτοῖς δὲ καὶ τινες τῶν αἰρετικῶν ἐπισκόπων. Καὶ τῷ ἔπερχομένῳ χρόνῳ οἱ αὐτοὶ ἐπίσκοποι καὶ οἱ ἀποστολικοῦ θρόνου τόπον ἐπέχοντες, συνελθόντες ἐν Νικαίᾳ, ἐξέθεντο τὸ τῆς ὀρθοδοξίας ὄρον».

3.2. Синаксарь Константинопольской церкви:

«Μετὰ δὲ τὴν **τελευτήν** Κωνσταντίνου καὶ **Λέοντος**, παραγένετο πρὸς τὴν βασιλεύουσαν πόλιν· καὶ πολλὰ περὶ τῆς ὀρθοδόξου πίστεως **πρὸς τὴν βασιλίσσαν Εἰρήνην** διελέχθη (διελέγχθη S), καὶ (bis.scriptum.in.D) πάλιν εἰς τὴν ἰδίαν χώραν **ὑπέστρεψε**».

3.3. Минологий Василия II:

«Καὶ ὑποστρέψας, καὶ καλῶς τὴν ποίμνην αὐτοῦ ποιμάνας, ἀπεδήμησε καὶ τῇ Κωνσταντινουπόλει **μετὰ τελευτήν τοῦ Ἰσαύρου**. Καὶ δεξιωθείς παρὰ **τῆς βασιλέσσης Ἐιρήνης, ὑπέστρεψε**».

4. Сюжет о бегстве Иоанна в Амастриду и его кончине там.

4.1. Пространная редакция жития Иоанна Готского:

«Ὁ δὲ ὄσιος οὗτος ἐπίσκοπος Ἰωάννης μετὰ ταῦτα μετὰ (**ὑπὸ τοῦ ἰδίου λαοῦ**, τοῖς ἄρχουσι τῶν Χαζάρων ἐξεδόθη, διὰ τὸ συσταθῆναι αὐτῷ τῷ κυρῷ Γοθίας καὶ τοῖς ἄρχουσι αὐτοῦ, καὶ παντὶ τῷ λαῷ, πρὸς τὸ μὴ κατακυριούσαι τῆς χώρας αὐτῶν τοὺς εἰρημένους Χαζάρους... Ὁ δὲ ὄσιος παραφυλαχθὲν εἰς ἠδυνήθη διαδράς ἀντιπερᾶσαι **εἰς Ἀμαστριν**, τὴν φιλόχριστον πόλιν· κακεῖ ἔπι τετραετῆ χρόνον περιεγόμενος, ἀκούσας τὴν **τελευτήν** τοῦ χαγάνου, ἔφη· Κἀγὼ, ἀδελφοί, μετὰ τεσσαράκοντα ἡμέρας ἀπέρχομαι δικάσασθαι μετὰ τὸ οὐ διώκτου μου ἔμπροσθεν τοῦ κριτοῦ καὶ Θεοῦ».

4.2. Синаксарь Константинопольской церкви:

«Καὶ πολλοὺς (πολλὰς θλίψεις καὶ D) κινδύνους ὑποστὰς διὰ τὸ ἐκδοθῆναι **ὑπὸ τοῦ ἰδίου λαοῦ** τοῖς τῶν Χαζάρων ἄρχουσιν, **ἐν Ἀμάστριδι** τῇ κατὰ τὸν Πόντον **φυγὰς** (φυγῆ D) παραγενόμενος τὸν βίον μετήλλαξε καὶ πρὸς Κύριον ἐξεδήμησεν (καὶ add.D)».

4.3. Минологий Василия II:

«Καὶ διωχθεὶς **παρὰ τοῦ οἰκείου λαοῦ**, καὶ **φυγὼν ἐν Ἀμάστριδι**, ἔτελε ἴτησεν».

Литература

Васильевский В. Г. Житие Иоанна Готского // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1878. Январь. Ч. 195. Отд. 2; Переиздано: Труды. Спб., 1912. Т. 2. Вып.2. Vasil'evskiy V.G. Zhitie Ioanna Gotskogo // Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveschenia. 1878. Janvar'. P. 195. Otd. 2; Pereizdano: Trudy. SPb., 1912. T. 2. Vypusk.2.

Лопарев Х. Византийские Жития святых VIII–IX вв. (продолжение) // Византийский Временник. Спб., 1913. Т. XVIII. Вып. 1–4 (1911). Loparev Ch. Vizantiyskie Zhitia svyatyh VIII–IX vv. (prodolzenie) // Vizantiyskiy vremennik. SPb., 1913. T. XVIII. Vyp. 1–4 (1911).

MB//PG CXVII – Menologium Graecorum Basilii Porphyrogeneti Imperatoris Jussu Editum // PG CXVII J.-P. Migne, Parisiis: Apud Garnier Fratres, Editores et J.-P. Migne Successores in via dicta: Avenue de Maine, 208, 1894. – Col. 9–612. Col. 511–512.

Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007. Mogarichev Yu. M., Sazanov A. V., Shaposhnikov A. K.. Zhitie Ioanna Gotskogo v kontekste istorii Kryma “Khazarskogo perioda”. Simferopol’, 2007.

Auzépy M.-F. La Vie de Jean de Gothie (BHG 891) // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar. Paris, 2006.

Huxley G. On the Vita of John Gotthia // Greek, Roman and Byzantine studies. Durham, 1978. V. 19. № 2.

Ševčenko I. Hagiography of the iconoclast period // Iconoclasm. Birmingham. 1975.

Ševčenko N. P. Menologion of Basil II // The Oxford dictionary of Byzantium. Oxford, 1991. V. 2.

Yu. M. Mogarichev., A. K. Shaposhnikov

ON VITA OF JOHN OF GOTHIA FROM THE MENOLOGION OF BASIL II.

Vita of John of Gothia is one of the key source for studying history of Crimean peninsula in “Khazar Period”. Synaxarium abridge of his Life that is situated in Menologion of Basil II remained mainly unheeded by scholars. In this article being analyzed this source. The authors concluded that this text is one of the earliest narratives about John of Gothia. It also is abridge from Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae. Because of that fact, it can't be independent source of trustworthy information.

▣

**© Валерий Лукьянович Павлов
(Киев)**

АЛЕКСАНДР ГРИН: ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ ЖИЗНИ ТВОРЧЕСТВОМ

Александр Степанович Грин (настоящая фамилия Гриневский) (1880–1932) – известный и популярный русский писатель первой трети XX ст. Прожил нелегкую жизнь, но оставил потомкам много наполненных светом и добротой произведений. В детстве, в значительной мере под влиянием большого числа прочитанных книг, особенно приключенческих произведений Ж. Верна и Р. Стивенсона, у будущего писателя сформировались мечты о море, путешествиях,

далеких странах, приключениях. Они во многом определили тематику и тональность его работ.

Свой путь в литературе Александр Степанович начал в 1906 г. Всего написал более четырех сотен произведений. К сожалению, его творческое наследие так и не собрано полностью до сих пор. В работах А. Грина удивительным образом переплетены нелегкая жизнь простых тружеников и различные причуды аристократов, пафос труда и романтика путешествий, реалии повседневности и полет фантазии, огорчение по поводу царящей в обществе несправедливости и безграничная вера в светлое будущее. Автор не понаслышке знал жизнь, особенно жизнь простых людей. Он, как и М. Горький, в полной мере испытал на себе все «прелести» подневольного руда, неустроенного быта, полуголодного существования. Кем только ни работал будущий писатель: матросом, грузчиком, рыбаком, маркировщиком товара, землекопом, переписчиком текстов, лесорубом, пожарным, банщиком, чернорабочим в железнодорожном депо, на золотодобывающих приисках и чугунно-плавильном заводе и др. Вспоминая многочисленные места, где ему пришлось зарабатывать на хлеб в молодые годы, писал об ощущении «...грязи, вшей, изнеможения и одиночества...» [2, с. 334]. Еще служил в армии, жил в ссылках, два раза сидел в тюрьме. Был обвинен царскими властями в революционно-прапагандистской работе среди гражданского населения и военных и распространении запрещенной литературы. За это летом 1905 г. приговорен военно-полевым судом в г. Севастополе «...к бессрочной ссылке на поселение в отдаленнейшие места Сибири» [2, с. 358]. От сурового наказания спасла амнистия.

Тяготы жизни постоянно преследовали А. Грина. «...Не было в жизни мне ни места, ни занятия» [2, с. 289], – писал он о себе, восемнадцатилетнем. «...У меня не было будущего» [2, с. 340], – считал в двадцать лет. Имея далеко не лучшее здоровье, в юношеские годы заболел малярией. Нищета, финансовые проблемы не оставляли его и в зрелые годы, в том числе перед смертью. Очень тяжелым периодом в жизни А. Грина был конец 1919 – начало 1920 года. Он болел, не имел средств для существования. Отчаяние и безысходность прочно поселились в душе. На помощь пришел М. Горький. Еще одной личностью, сыгравшей в его жизни важную роль, был И. Куприн. Но невзгоды не сломили писателя, не убили в нем сформировавшуюся в юности устремленность к светлому и возвышенному. Стоит подчеркнуть, что его ранние работы лишены романтизма. Они имеют незатейливые сюжеты, касающиеся преимущественно бытовых проблем. Место действия – конкретные населенные пункты России, Украины, Азербайджана. Сочинял А. Грин также стихи, фельетоны, басни. Но прославил себя в литературе произведениями именно романтического характера – новеллами, рассказами, повестями, романами. Романтическая тональность этих работ небезосновательно дала повод литературным критикам сравнивать его творчество с творчеством американского писателя-романтика XIX ст. Э. По. Правда, в произведениях последнего нет того морального света и

величественности, которые так характерны сочинениям Александра Степановича.

Как только не называют А. Грина критики: фантастом, романтиком, сказочником, певцом приключений. Работы периода его творческой зрелости – удивительный образец полета авторского воображения. В них автор менее всего воспроизводит реально существующее бытие. Он создает новую действительность, удивительный мир героев, живущих в необычной среде, но терзаемых теми же проблемами, что волнуют и его читателей. У А. Грина – лихо закрученные сюжеты, придуманные населенные пункты с необычными названиями, сказочная природа, персонажи с экзотическими (вненациональными) именами и фамилиями, нередко весьма своеобразные задачи, которые им приходится решать. При этом – вполне земная, известная каждому нравственная атмосфера, в которой есть место всему, с чем люди сталкиваются в реальной, повседневной жизни: добро и зло, правда и ложь, честь и предательство, любовь и ненависть, мир и война, гуманизм и человеконенавистничество. Эти экзистенциалы человеческого бытия являются неотъемлемыми составляющими гриновских произведений. Его придуманные художественные образы живут по законам земной жизни.

Гриновское творчество выделяется из общего контекста отечественной и мировой литературы именно своим, ни на что не похожим романтизмом. Эта черта имманентно присуща А. Грину как писателю. При этом важно помнить, в какое непростое время он жил и творил. С молодых лет и до последнего вздоха этот человек жил как бы двойной жизнью – делал то, что следует делать каждому индивиду соответственно его возрасту (учился, работал, служил в армии, создавал семью, зарабатывал деньги, обустроивал быт и др.) и, как натура творческая, «присутствовал» в создаваемых собой же воображаемых мирах. Эта, «вторая» жизнь, была для него не менее значима, чем реальная. Более того, именно в воображаемой действительности он чувствовал себя по-настоящему свободным и счастливым. Реализовывался в ней как талантливая, незаурядная личность. Здесь он творил, созидал новое и таким способом преодолевал противоречия, сложности жизни реальной – своей, своих близких и знакомых, совсем чужих людей, государства, современного ему общества. Это преодоление – сущностная черта творчества А. Грина.

В произведениях зрелого А. Грина много феерического, т. е. такого, где явно представлены необычные события, полет фантазии, фейерверк чувств и мыслей, роскошь зданий, одежд и декораций, невозможные в реальной жизни превращения, сказочность природы, эффект чуда. В каждой работе – мера феерического своя. Фееричность выступает тем фоном, на котором разворачивается борьба добра со злом, любви с ненавистью, порядочности с подлостью. В одних гриновских произведениях фееричность как бы лежит на поверхности (повесть «Алые паруса» (1923), романы «Золотая цепь» (1925), «Бегущая по волнам» (1928), «Дорога никуда» (1930) и др.), в иных проявляет

себя без особой помпезности (рассказы «Крысолов» (1924), «Серый автомобиль» (1925), «Фанданго» (1927) и др.).

В гриновских работах значительное внимание уделяется явлению взаимоперехода: ночи – в утро, света – в тень, любви – в ненависть, грусти – в радость, спокойствия – в возбуждение и т. п. У него много того, чему сложно, часто вообще невозможно дать однозначную трактовку, тем более четкое определение. Можно лишь использовать термины, которые условно, приблизительно характеризуют специфику содержания произведений, их тональность, авторскую манеру подачи материала – текучесть, пластика, переливы, неуловимость, зыбкость, подсказка, стихия, игра света и тени. Немало у писателя и сочинений, в которых предметом разговора выступает то, что является таинственным и неподвластным человеку, на познание и обуздание чего не достает ни индивидуальных, ни общечеловеческих сил. Это «нечто» имеет трансцендентный характер и проявляет себя как стихия, пугающая людей. В обозначенном моменте творчество автора выходит на грань эзотерики. Александр Степанович по-своему, по-особому «смешивал», сочетал пространство и время, природное и социальное, придуманное и реальное, желаемое и действительное, чувства и мысли, звуки и запахи. Следствием такого подхода являются захватывающие сюжеты его произведений, загадочный внутренний мир героев и среда их обитания. Художественное преобразование объективного и полет фантазии – важная особенность творческого метода А. Грина. В нем «...реальное и фантастическое, бытовое и сказочное замешаны...круто» [1, с. 26].

Творчество А. Грина имеет выраженную философскую направленность. В своих произведениях он всегда, в большей или меньшей мере, обращался к вопросам, имеющим смысло-жизненный характер – жизнь и смерть, добро и зло, горе и счастье, любовь и ненависть, труд и будущее человека и др. Для его героев важны не только вопросы и проблемы, которые приходится решать в обыденной, повседневной жизни, но и то, что выводит сознание за пределы обыденности, наполняет человеческое бытие подлинным смыслом. Все положительные персонажи гриновских работ умом и душой устремлены туда, где жизнь светлее и добрее, где радость довлеет над грустью, где истина выше правды, а ценность человека определяется не количеством имеющихся у него денег, а богатством внутреннего мира и поступками. Писатель постоянно акцентировал внимание на душевные качества индивидов, их мысли, желания и стремления, мотивы поведения, на отношение человека к тому, что он делает, и миру в целом.

Произведения А. Грина – яркий пример плодотворного использования символов. Они помогают эффективней донести до читателя авторский замысел, служат средством усиления эстетического впечатления от освоенного им художественного материала, выступают инструментом акцентирования внимания на узловые моменты сюжетов литературных произведений. И хотя символ всегда остается символом, символизм в работах Александра

Степановича по многим параметрам отличается от того, как этот стиль представлен в русском символизме конца XIX – начала XX ст. Символы интересуют писателя лишь в той мере, в какой они «работают» на усиление эстетической ценности художественного произведения, позволяют передать автору глубину человеческих чувств и мыслей, описать среду, в которой разворачиваются соответствующие события, отделить главное от второстепенного. Символы для него – не самоцель, а лишь одно из средств подачи материала. В этом А. Грин очень похож на Л. Украинку.

Литература

1. Вихров В. Рыцарь мечты // Грин А. С. Собрание сочинений в шести томах. – Т. I. – М.: Правда, 1980. – С. 3–34.
2. Грин А. С. Автобиографическая повесть // Грин А. С. Собрание сочинений в 6 томах. – Т. VI. – М.: Правда, 1965. – С. 228–361.

References

1. Vikhrov V. Rytsar' mechty // Grin A. S. Sobranie sochineniy v shesti to-makh. – T. I. – M.: Pravda, 1980. – S. 3–34.
2. Grin A. S. Avtobiograficheskaya povest' // Grin A. S. Sobranie sochine-niy v 6 tomakh. – T. VI. – M.: Pravda, 1965. – S. 228–361.

Pavlov Valerij

ALEXANDER GRIN: OVERCOMING OF LIFE CONTRADICTIONS IN CREATIVITY

Summary

The report explores the correlation between the life path of A. Grin and his creativity. The position is defended that in his works the writer tried to overcome contradictions of the objectively existing reality.

Key words: dream, imagination, fairy-tale story, romanticism, symbol.

© Светлана Ю. Пампура
(Славянск)

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОМ КРИТЕРИИ ЭТИМОЛОГИЗАЦИИ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Семантическая сторона этимологического исследования, без сомнений, является наиболее сложной и наименее разработанной.

Важность семантики слова для работы этимолога совершенно очевидна; это тот случай, когда истина не нуждается в доказательствах, а поле ее применения огромно [4, с.64].

В. Пизани указывал, что семасиология «рассматривает духовную часть слова, т.е. то, что придает значение и жизнь слову, в то время как внешняя, звуковая его форма – это только чисто физическое явление» [3, с. 166].

Семасиологические материалы «должны полнее и систематичнее использоваться в этимологических исследованиях, в интересах более интенсивного развития последнего», что ярко продемонстрировано в статье О. Н. Трубачева «„Молчать” и „Таять”» на примере семантической эволюции этих слов [5, с. 101].

Типовой, системный характер семантических изменений установлен с достаточной надежностью и теоретически обоснован в методе изосемантических рядов. Наличие большого количества изосемантических рядов позволяет внести некоторую упорядоченность в этимологические исследования, выявить закономерности, учет которых может приблизить строгость семасиологического анализа к уровню анализа фонетического и словообразовательного [2, с.48].

При сопоставлении слов различных языков необходимо знать семантические модели исследуемого языка, чтобы понимать, какие значения связаны друг с другом. Говорить о **связи** двух **значений** в некотором языке имеет смысл в том случае, если эти значения могут быть выражены либо одним и тем же словом, либо одно через другое, например, в английском языке связаны значения «спина» и «назад» (оба могут быть выражены словом *back*). Во многих европейских языках названия головы связаны с обозначениями различных сосудов, ср. рус. прост. *котелок*, нем. *Kopf* «голова» (из лат. *cupra* «чаша, ваза, горшок»), ит. *testa* «голова» < лат. *testa* «глиняный сосуд, горшок». Отметим, что для разных языков связанными могут оказаться разные значения: например, значения «глаз» и «родник» часто оказываются связанными в семитских и тюркских языках, но не в славянских; значения «день» и «солнце» — в австронезийских, финно-угорских, тохарских и др., но не в романских. При этимологизации допускается сопоставление слов, значения которых не идентичны, но связаны друг с другом в рамках данной языковой группы (при интенсивных контактах — языкового ареала). Разумеется, такая связь должна быть эксплицитно показана.

Семантическая реконструкция, то есть процедура установления древнего значения слова, тесно связана с формально-фонетической и словообразовательно-лексической реконструкцией.

Лексемы со сходной фонетикой и различающейся семантикой ставят перед исследователем непростую задачу – соответствующие слова праязыка могли быть разными лексико-семантическими вариантами одного и того же многозначного слова, омонимами и даже паронимами. Так, в арабском языке

имеются корни вида *m-h-r* со значениями «молодое животное, жеребенок», «дар, приданое» и «быть умелым, искусным; уметь, учиться». Первый из них можно было бы объединить со вторым или третьим, предполагая развитие значения типа «молодое животное» → «молодой» → «учиться» → «быть умелым» или «жеребенок» → «жеребенок, преподносимый в дар» → «дар», но более тщательный анализ показывает, что эти лексемы не тождественны – они восходят к трем различным основам, которые различаются вокализмом и словообразовательной структурой: 1) *muh-* «жеребенок», 2) *mahr-* «дар, приданое», 3) *mhar-* – глагольная имперфектная форма.

В процессе заимствования каждое слово, оторвавшись от своей родной почвы, лишается в заимствующем языке всяких семантических и этимологических связей. Наличие у слова тесных семантических и этимологических связей в одном языке при отсутствии таковых в другом является важным критерием при определении того, в каком направлении шел процесс заимствования [2, с. 75].

Для того, чтобы предполагать заимствованный характер слова необходимо соблюдать целый ряд условий, в частности, рассматриваемые слова должны иметь семантическое сходство: по крайней мере в некоторых употреблениях слово языка-источника должно иметь то значение, в котором оно было заимствовано в исследуемый язык [1, с. 73].

Доказательство семантического сходства при поиске этимологий подразумевает тщательный анализ значения сравниваемых лексем, и чем более эти значения абстрактны, тем более скрупулезным должно быть исследование. Попытки ограничиться сопоставлением «основных значений» не приводят к успеху. Так, при первом взгляде на рус. *кресать* и греч. κρέκω «бить, стучать, колотить, ткать» трудно увидеть между этими словами какое-либо сходство, кроме фонетического (оба возводятся к и.-е. **kreks*). Однако более внимательное изучение семантики этих основ указывает на тождественность значений славянского и греческого глаголов: укр. *кресати* «высекать, высекать огонь, бить, колотить, ударить, быстро делать ряд одних и тех же движений», сербохорв. *кресати* «высекать огонь, тесать камень», словенск. *kresati* «высекать огонь, обрубать сучья, колотить», чешск. *křesati* «высекать огонь, кресать», словацк. *kresat'* «высекать (огонь, искры), обтесывать, ваять», ст.-польск. *krzosać* «высекать (огонь)», в.-луж. *křesać* «высекать (огонь)», н.-луж. диал. *kśasaś* «высекать огонь», греч. κρέκω «прибивать челноком», т. е. «ткать, играть, ударяя по струнам плектром (медиатором)». Следовательно, можно говорить о надежности данной этимологии, несмотря на то, что восстанавливаемый для праиндоевропейского языка глагол не имеет однословного перевода на русский и многие другие языки [1, с. 65].

Этимологического исследования требуют не только отдельные слова, но и устойчивые сочетания слов – во многих случаях их происхождение не является очевидным. Так, например, выражение *строить куры* не имеет никакого

отношения к известной домашней птице, а представляет собой неполный перевод французской идиомы *faire la cour* «ухаживать, волочиться» [1, с. 62].

О. Н. Трубачева интересуется вопросом, по его мнению, даже более актуальный: что дает этимология для семантики. Он уверен, что «никакая другая лингвистическая дисциплина не собирает такую полноту информации о значении слова, как этимология, объединяющая в целях своего исследования современные данные, письменную историю, дописьменную реконструкцию и семантическую типологию» [4, с. 65].

Литература

1. Бурлак С. А. Сравнительно-историческое языкознание : учебник для студ. высш. учеб. заведений / С. А. Бурлак, С. А. Старостин. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 432 с.
2. Откупщиков Ю. В. Очерки по этимологии / Ю. В. Откупщиков. – СПб. : Изд-во С.- Петерб. ун-та, 2001. – 480 с.
3. Пизани В. Этимология / В. Пизани; [пер. с итальянск. Д. Э. Розенталя]. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1956. – 188 с.
4. Трубачев О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура : в 4 т. / О. Н. Трубачев. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – Т. 1. – 2004. – 800 с.
5. Трубачев О. Н. „Молчать” и „Таять”. / О. Н. Трубачев // Проблемы индоевропейского языкознания. – М.: Наука, 1964. – С. 100 – 105.

Pampura S. Yu.
(Slavyansk)

ON THE PROBLEM OF THE SEMANTIC CRITERION OF THE ETYMOLOGY OF BORROWED WORDS

The article deals with the problem of etymology of borrowings. There given the basic methods and the significance of the criterion, which is the basis to any etymological research. The methods of adaptation of the semantic criterion for etymology of borrowed words are described on the data of the Slavonic and other Indo-European languages.

Key words: etymology of borrowings, semantic criterion, distinction of original and borrowed words.

© **Нина Н. Парфёнова**
(Сургут)

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В РУССКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ МИКРОТЕКСТАХ

Антропонимия

оказывается основным разделом ономастики, а также важнейшим материалом при исследовании вопроса о лингвистическом отражении истории культуры...

Трубачёв О.Н.

Языковая игра – всякое целенаправленное нарушение нормы и стандарта, когда свободное отношение к форме речи реализует поэтическую функцию языка, предполагает также шутку, иронию, каламбур.

Объектом исследования послужили пословицы, поговорки, загадки, присловья, скороговорки, частушки, дразнилки, потешки, считалки, притчи, собранные В.И. Далем [1] и другими собирателями народной мудрости [2], а также местные материалы, собранные во время фольклорной практики студентами педуниверситета. Дошедшие из глубин веков фольклорные тексты содержат личные имена, которые служат стилеобразующим средством создания богатого подтекста.

Фонетическая игровая организация опирается на своеобразную рифмовку, ритмику, интонацию, повторы одного и того же звука (согласных – аллитерация, гласных – ассонанс). Диапазон фонетических возможностей характеризуется богатством оттенков в разных жанрах.

Приёмом языковой игры являются **рифмовки личных имён**. Рифма выделяет личное имя и рифмующееся с ним слово, обладающее эмоциональной окрашенностью, при этом происходит развитие образной основы имени на основе ассоциаций. Следует отметить следующие типы рифм.

Поглощающая рифма – одно слово рифмы целиком входит в другое:

Придёт Илья,
принесёт гнилья (дождей).

Деревенщина Ермил,
но посадским бабам мил.

Полетел от Машки
Вверх-тормашки

Два Егорки
Живут возле горки

Смежная рифма – рифмуются соседние строки:

Нет тебе дела Федосья
собирать чужие колосья.

Невесту доставай собою,
а не Федулом да Фомою.

Добр Мартын,

Худ Роман,

коли есть алтын.

Голодному Федоту
и репа в охоту.

Наш Авдей
Никому не злодей

коли пуст карман.

Наш Ерошка
Не пьёт понемножку

В праздник Груша,
А в будни Клуша

Внутренняя рифма – созвучны слова или части слов внутри строки:

Вавило, утирай рыло, проваливай мимо.

Афанасья ломает с ненастья,
А Савелья – с похмелья.

Не идёт Федора за Егора:
а Федора идёт, да Егор-то не берёт.

Было у Макея четыре лакея,
А ныне Макей сам лакей

Живёт и на Машку промашка

Наша Дунька не брезгунька, жрёт и мёд

Ванька, встань-ка;
Сёмка, пойдём-ка;
Да ступай и ты, Исай!

Марья-Марина –
Очи голубины

Пошла Настя по напастям.

Марфуша – покушай,
Маковой – поговей.

Муж Нестёрка, да детей шестёрка, воровать
боимся, а работать ленимся.

У нашего Андрюшки ни полушки

Аринушка Маринушки не хуже

Окульки в люльках, Олёнки в пелёнках

Ты, Исай, навверх ступай;
Ты, Денис, иди на низ;
А ты, Гаврило, подержись за мотовило!

Сашки – канашки,
Машки – букашки,
Маринушки – разинушки

Смежные и внутренние рифмы в одном контексте:

У Фили пили,
да Филю ж побили.

Сашки – канашки,
а Машки – букашки.

Параша-то ваша,
да рубашка на ней наша.

Ушёл Гаврило по мотовило,
да видно лесом задавило.

Людской Семён как лук зелён,
а наш Семён в гряди завалён.

Перекрёстная рифма – рифмуются слова через строку:

Утром рано просыпаюсь
и сажусь на коечку,
закрываю свою глазки,
думаю про Колечку.

Кому Вася, кому Вася,
А мне Вася-Василёк.
Кому Вася некрасивый,
А мне аленький цветок.

Неоднородные рифмы – рифмуются разные части речи:

Проход да Борис
За носы подрались

Ушёл Вавило по мотовило,
Да, видно, лесом задавило

Деревенщина Ермил,
Но посадским бабам мил

У тётушки Василисы
Дыбом волосы свилися

Однородные рифмы – в рифме сочетаются одинаковые части речи:

Нет тебе дела Федосья
Собирать чужие колосья

Стоит Андрюха
Набитое брюхо

Открытые рифмы:

Ну, Яшка, плоха твоя замашка

Милёнок Ивашка в белой рубашке

Закрытые рифмы:

Добр Мартын, коли есть алтын

Ходит Ермак заломя колпак

Рифма в анализируемых оборотах выделяет слова – личное имя и рифмующееся с ним слово. Связанные звуковым повтором созвучия (Наталья-каналья, Семён-зелён, Маша-растеряша и т.п.) усиливают ассоциативную связь между словами, их смыслами, создают эмоциональную окрашенность. Созвучия усиливают структурную организованность фразы и тем самым усиливают эстетическое впечатление.

Звуковую экспрессию фразы создаёт также **ритмика**:

По Сеньке шапка, по горшку и крышка.
У Сидора обычай, у Карпа свой.
У всякого Мирона свои приёмы.
Иван Марье не товарищ, Иван Марье обычный друг.
Люди Иван – и я Иван; люди в воду – и я в воду.
Иван Марьи не слушается: сам приказывать горазд.
Я тебя туда спроважу, куда Макар телят не гонял.
Не рука Макару калачи есть.

Приёмом языковой игры является близость звуковой формы – повтор одинаковых звуков: гласных – *ассонанс*, согласных – *аллитерация*. **Повтор однородных звуковых элементов** создаёт различные виды симметрического звукового построения микротекста. Приведём примеры:

Ассонанс и **аллитерация** одновременно наблюдаются в микротекстах:

Шли три попа,

Мыла Мила мишку с мылом,

Три Прокопья попа,
Три Прокопьевича,
Говорили про попа,
Про Прокопьевича.

Два брата с Арбата, оба горбаты

Мама мыла Милу мылом,
Мила мыло не любила.

Мыло Мила уронила,
Уронила Мила мыло –
Мишку мылом не домыла.

В один, Клим, клин колоти.

Не мели, Емеля, не твоя неделя!

Ассонанс:

Федул губы надул.

У всякого Гришки свои делишки.

Гришка не просит лишка.

Сухой Гаврилка вскочил в лядинку,
разогнал всю скотинку (гребень)

Аллитерация:

Ничто нипочём: был бы Ерофеич с калачом

Варвара ночи урвала.

Параша-то ваша, да рубашка на ней наша.

Варвара заварварит.

Хороша Параша, да не наша.

Яков лаком, съел кошку с маком.

Эмоциональность и **экспрессия** может передаваться с помощью суффиксов субъективной оценки. Приведём примеры:

-ушк(а)(-юшк(а)): Аринушка Маринушки не хуже. Вольно было Фомушке жениться на вдовушке. Ох-охонюшку, хорошо жить Афонишку, одним Фонушка не хорош, промысел его негож;

-шк(а): Зачал Мирошка пить понемножку. Богат Тимошка: у него собака да кошка. Наш Ерошка не пьёт понемножку;

-х(а): Малаха Парахи не лучше;

-уньк(а)(-юньк(а)): У тебя ли, Дунька, ночевал Федунька?

-ечк(а): У милёнка Ванечки есть в кармане прянички;

-ищ(е): Один сынище и тот Фомище;

в частушках:

-к(а), -уньк(а)(-юньк(а)): Ай, пой, Дунька, веселей, сеструнька. У тебя ли, Дунька, ночевал Федюнька?

-к(а), -ек: Кому Вася, кому Васька, а мне Вася-Василёк. Кому Вася некрасивый, а мне аленький цветок;

-ечк(а): Мой милёночек неплох, сеет во поле горох, ну а я для Сенечки сею в поле семечки. У милёнка Ванечки есть в кармане прянички. Только Ваня целовать, а я прянички жевать.

Фольклорные микротексты с личным именем в своей структуре отражают русскую культуру, особенности национального характера, самобытный живой русский ум, сметливость, добродушие, образность мышления. Семантика имени приобретает обобщённый смысл, тяготеющий к имени нарицательному, в структуре устойчивого изречения – это переосмысление, создающееся за счёт метафоризации или метонимии. Развитие образной основы имени происходит на основе ассоциаций, которые в дальнейшем закрепляются в народной памяти как обобщение каких-либо свойств человека. Приведём некоторые примеры:

Авдей из др.-евр. ‘раб, слуга Бога’ или из греч. – имя библейского пророка [3, с.103]. В русских говорах *Авдей* – прозвище глупого человека: «Наш *Авдей* никому не злодей», «Глупому *Авдею* наколотили шею», «Пропал *Авдей* от злых людей».

Агафья из греч. ‘добрая, хорошая’ [3, с.346]. В русских говорах *Агаша* ‘глуповатая, простоватая’: «Мели *Агаша*: изба-то наша», «*Агаша*, не ступи в кашу: *Агаша* ноги трясёт».

Акулина из лат. ‘орлиная’ [3, с.348]. В русских говорах: *Акуля*, *Акулька* (*Окулька*) известны в значениях: ‘неряха’, ‘неумытая’, ‘неумелая’, ‘рассеянная’; ‘неопрятная женщина’: «*Акуля*, что шьёшь не оттуля? – А я, мачка, ещё пороть буду!», «Наварила, напекла *Акулина* про Петра», «Дуй, Дунька, подувай *Акулька*, считай разы!», «*Акулина* Федосеевна до чужих ребят милосерда», «Улька *Акульки* не хуже».

Гаврила из др.-евр. ‘моя мощь – бог’: *габри* – ‘сильный муж’ + *эль* – ‘бог’ [3, с.151]. В русских говорах *Гаврик* ‘простак, простофиля, разиня, глупец’: «Ты, Исай, наверх ступай; ты, Денис, иди на низ; а ты, *Гаврила*, подержись за молотило».

Евдокия из греч. ‘благоволение’ [3, с.340]. В русских говорах имена *Дуня*, *Дуняша*, *Дунька* бытуют в значении ‘простоватая, глуповатая’: «Наша *Дунька* не брезгунька, жрёт и мёд».

Елисей из др.-евр. ‘бог, спасение’ [3, с.181]. В русских говорах ‘проньра, пролаза’; ‘льстец’: «Сидит *Елеся*, ножки свеся».

Емельян из лат. ‘римское родовое имя’, возможно, ‘участник соревнования’ или по названию местности [3, с.182]. В русских говорах: ‘болтун, глупый’: «Мели, *Емеля*, твоя неделя», «Не мели, *Емеля*, - не твоя неделя!», «Ему говорят про попа, а он про *Емелю* дурака».

Ерёма из др.-евр. ‘вознесённый богом’ [3, с.184]. В русских говорах – ‘глупый, недалёкий человек’: «Сунуло *Еремешку* к семи чертям», «*Ерёма*, *Ерёма*! Сидел бы ты дома, да точил веретёна», «Всяк *Еремей* про себя разумеи!», «Указчик *Ерёма*, указывай дома!», «Наш *Ерёма* не сказался дома», «По *Ерёмке* шапка, по Сеньке кафтан».

Кирилл из греч. *кириос* ‘повелитель, владыка’ [3, с.209]. В русских говорах *Кирилка*, *Кирюша*, *Кирюха* ‘пьяница’, ‘прозвище человека сердитого, мрачного, надувшего губы’: «*Кирила* не отворачивает от чарки рыла», «Радуйся,

Кирюшка, будет у бабушки пирушка», «Эх, *Кирей*, не нашёл ты дверей!», «Расход *Кириллова* монастыря, а приход – Репной пустыни».

Кузьма из греч. *Косма* ‘космос, мир, порядок, мироздание’ [3, с.216]. В русских говорах: ‘горемыка’, ‘злой человек’. *Кузенька* – ‘о простодушном, беззлобном, а также несчастном, бесталанном человеке’: «*Кузеньку* подкузьмили. Горькому *Кузеньке* – горькая и долюшка», «Поживёшь – и *Кузьму* отцом назовёшь», «Не грози, *Кузьма*, не дрожит корчма», «Прежде *Кузьма* огорода копал, а ныне *Кузьма* в воеводы попал» [2, с.21].

Мартын из лат. ‘воинственный’, ‘римский бог войны Марс’ [3, с.232]. В русских говорах *Мартын*, *Мартынушка* ‘безобразное лицо»; ‘человек с шутовскими манерами’: «*Мартын* с балалайкой»: «Добр *Мартын*, коли есть алтын», «Потерял *Мартын* отцов алтын», «Не ждёт *Мартын* чужих полтын; стоит *Мартын* за свой алтын», «Алтын *Мартыну* – ни сапог подшить, ни скоба подковать», «Шутил *Мартын*, да и свалился под тын».

Фока из греч. *Фокас* ‘имя легендарного основателя Фокиды – области Средней Греции, включающей гору Парнас’ [3, с.327]. В русских говорах: ‘дурачок’, ‘простофиля’: «Взяло *Фоку* сзади и сбоку», «Денис, ступай на низ; а ты, *Фока*, гляди сбоку», «*Фоку* да *Якова* и сорока знает», «Не вздыхай тяжело, не отдадим далеко: хоть за *Фоку*, да подле боку», «*Фоку* приставляй сбоку, а *Демид* прямо глядит».

Фома из греч. ‘близнец’ [3, с.327]. Имя широко известно в народе. Оно употребляется с иронией в значениях: ‘простофиля’, ‘шут’: «Один сынище, и тот *Фомище*», «Ищи, *Фома*, чтоб полна была сума; ищи, *Еремей*, чтоб не растрясти своей!», «Знают *Фому* и в рогозинном ряду», «*Фома* не купит ума, своего продаст», «Горюет *Фома*, что пуста у него сума», «*Фома* на гудке играть, а *Ерёма* глазами мигать», «У *Фомки* пили-пили, да *Фомку* же и били», «У *Фомушки* денежки – *Фомушка Фома*; у *Фомушки* ни денежки – *Фомка Фома*», «Зовут *Фокою*, а живёт собою: в гости не ездит, и к себе не зовёт».

Яков из др.-евр. *якоб*: *акэб* ‘пятка; согласно библейскому преданию, *Яков* – близнец, родившийся вторым, – держал своего первородного брата *Исава* за пятку, чтобы не отстать от него’ [3, с.342]. В русских говорах: ‘недалёкий человек’: «Потягота на *Федота*, с *Федота* на *Якова*, с *Якова* на всякого», «Солдат *Яшка*, красная рубашка, синие ластовицы», «Перепадает и всякому, да не как *Якову*», «Ну, *Яшка*, плоха твоя замашка!», «Затвердил, что сорока *Якова* одно про всякого», «Не тужила, не плакала – пошла *Марфа* за *Якова*!».

В качестве приёма языковой игры может быть использовано личное имя в характеризующей функции. Например: «Ваша-то *Катерина* да нашей *Орине* двоюродная *Прасковья*», «*Андрей* *Кузьме* родной *Фёдор*». Личные имена с определениями (ваша, наша, двоюродный, родной) эксплицитно утверждают наличие родственных связей, однако имплицитно их нет. Синонимичные значения репрезентированы в следующих записях фольклорной речи: «На его

бабушке сарафан горел, а мой дедушка пришёл, да руки погрел», «Вот какая мне родня-то: его-то бабушка моего-то дедушка из Красного Села пьяного вела».

Языковая игра, запечатлённая в фольклорных жанрах, репрезентирует творческий потенциал русского народа, даёт богатейший материал для исследования русской ментальности.

Библиография

1. Даль В.И. Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр. [Текст] / В.И. Даль. – Москва, 1862 г.
2. Иллюстров И.И. Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках [Текст] / И.И. Иллюстров. – Санкт-Петербург, 1910 г. – 469 с.
3. Суперанская А.В. Словарь русских личных имён. – М.: ООО «Фирма “Издательство АСТ”», 1998. – 528 с.

Nina Parfenova
(Surgut)

THE LINGUISTIC GAMES PLAYED THROUGH THE RUSSIAN FOLKLORE MICRO-TEXTS

Abstract: The paper under consideration deals with the cross-cultural problem how the senior generations' experience has been passed to the youngsters by using the Russian folklore proverbs and sayings within the Speech communication settings. The author has been analyzing the role of the Russian Proper Names used in the Russian folklore paremiological micro-texts and their discourse paying much of her attention to the discourse of the texts analyzed.

Key words: A proper name, a micro-text, a folklore micro-text, a linguistic game, a cross-cultural communication setting.

© **Е. И. Пуяткина**
(Surgut)

КАТЕГОРИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ РУССКИХ ПОРЯДКОВЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Вопрос о категориальном статусе порядковых числительных поднимался не раз на различных симпозиумах, посвященных проблемам частей речи, а также проблемам количественной лексики и числительных, на протяжении всего XX века. Еще в работах И. А. Бодуэна де Куртенэ (1964) и Л. В.Щербы (1974),

относящихся к началу XX века, обосновывалась необходимость оформлять количественные слова и количественные числительные в отдельный морфологический класс и рассматривать их как именной класс числительных. С этим положением русские лингвисты частично соглашались, выделяя только количественные числительные в отдельный морфологический класс знаменательных частей речи [Грамматика, 1970; 1980; 2005].

В середине XX века были определены основные и достаточно объективные критерии, необходимые для выделения отдельного морфологического класса и для разграничения классов знаменательных и служебных частей речи. Самым важным, по мнению Е. С. Кубряковой и Е. В. Клобукова, является специфическое для каждой части речи общекатегориальное грамматическое значение, тождественное для всех слов одной части речи. Тождественность общекатегориального значения позволяет им выполнять одну и ту же когнитивную функцию, поскольку они независимо от своих лексических значений одинаково категоризируют явления окружающей действительности, используя для этого присущие той или иной части речи формально-грамматические средства [Клобуков, 2013: 419].

К числу морфологических признаков слов, позволяющих решить вопрос об их частеречной принадлежности, относятся: 1) общекатегориальное грамматическое значение; 2) частные морфологические категории как средство выражения частеречного значения; 3) особенности словоизменения; 4) характер грамматической сочетаемости со словами и словоформами других частей речи [Клобуков, 2013: 419].

Наличие у всех слов одной части речи одного и того же общекатегориального грамматического значения доказывается методом субституции (подстановки, взаимозамены), поскольку все слова с одним частеречным значением могут заменять друг друга в высказывании, не нарушая его грамматической правильности (*вижу стол; вижу бежит; вижу синий, вижу десять*) [Клобуков, 2013: 420]. Из приведенных примеров можно увидеть, что метод субституции не всегда даёт объективную картину употребления изучаемой лексемы.

Более правильным видится подход Б. А. Ильиша, сформулированный им в 60-е – 70-е годы XX века в монографии *The Structure of Modern English* (Строй современного английского языка), в которой предлагается следующий перечень частеречных морфологических признаков, характерных для слов одной части речи: 1) *Meaning* – значение: грамматическое или категориальное значение, общее для всего класса слов; 2) *Form* – форма: словоизменяемые и словообразовательные парадигмы, общие для всего класса слов; 3) *Function* – функция: синтаксическая или синтаксические функции, которые выполняют все слова данного класса в предложении [Ильиш 1971: 28–31].

Для числительных, по мнению Б. А. Ильиша, грамматическим значением, объединяющим все числительные в один морфологический класс, является значение числа или /и порядка при счете (*Numerals denote either number*

of place in a series – числительные обозначают число или место объекта в ряду других объектов).

Все числительные выполняют следующие синтаксические функции в предложении: 1) определения в словосочетании с существительным; 2) именную часть составного именного сказуемого; 3) подлежащего; 4) дополнения.

Взаимозаменяемость лексем в предложении является одним из главных вопросов синонимии лексических единиц. Как показало наше исследование синонимических отношений английских и русских глаголов значения «думать», взаимозаменяемость лексем обуславливается именно синтаксической функцией или синтаксическими функциями лексем-синонимов. Если синтаксические функции двух и более слов схожи, то и лексемы взаимозаменяемы, если их функции не одинаковы, то ни о какой взаимозаменяемости не может быть и речи [Путятина 1979: 17–37; 46–68]

В конце XX века и поныне в теоретической грамматике русского языка закрепилось мнение, что класс однозначных языковых номинативных единиц – числительных включает только количественные числительные. В отношении морфологического статуса порядковых числительных продолжаются споры, так как они сами, их морфологические и синтаксические свойства склоняют русских лингвистов рассматривать их как разновидность прилагательных.

В академической грамматике русского языка Е. В. Клобуков, автор раздела «Морфология», сетует на разногласия в трактовке числительных авторами школьной грамматики и в трактовке числительных авторами академической грамматики [Клобуков 2013: 490].

В школьной грамматике русского языка, которая создавалась в довоенные годы под руководством Л. В. Щербы, количественные и порядковые числительные составляют один грамматический класс именной части речи на основании общего грамматического значения и их словообразовательных характеристик.

Таким образом, при рассмотрении числительных мы должны руководствоваться наличием у них общекатегориального значения, а также частных средств, выражающих их частеречное значение и характер синтаксической сочетаемости.

В академической грамматике Е. В. Клобуков, опираясь на труды В. В. Виноградова, А. А. Зализняка и других ученых, доказывает, что между количественными и порядковыми числительными существуют принципиальные различия, поскольку словоизменительная парадигма порядковых числительных аналогична соответствующей словоизменительной парадигме относительных прилагательных, например: *пятый – мятый*. Отсутствие словоизменительной парадигмы у количественных числительных по роду, падежу и числу свидетельствует и об отсутствии какой-либо лексико-грамматической связи между количественными и порядковыми числительными.

Если обратиться к русским количественным и порядковым числительным, то мы увидим общность морфем в составе лексем –

числительных, иллюстрирующих аффиксальный способ словообразования в виде его суффиксальной разновидности как продуктивного способа образования порядковых числительных с помощью суффикса-derivатора *-т*, к которому добавляются окончания –ой /-ый /-ий/ -ая /-ое /-ые /-ого/-ых соответствующих рода, числа и падежа:

Количественные числительные	Порядковые числительные
(0) ноль /нуль	нулевой, -ая, ое, -ые / нолевой, (0-ая, 0-ое, 0-ые)
(1) один /раз	первый, -ая, -ое, -ые (1-ая, 1-ое, 1-ые)
(2) два	второй, -ая, -ое, -ые (2-ая, 2--ое, 2-ые)
(3) три	третий, -ья, -ье, -ьи (3--ья, 3-ье, 3-ье)
(4) четыре	четвертый -ая, -ое, -ые (4-ая, 4-ое, 4-ые)
(5) пять	пятый, -ая, -ое, -ые (5-ая, 5-ое, 5-ые)
(6) шесть...	шестой, -ая, -ое, -ые... (6-ая, 6-ое, 6-ые)
(11) одиннадцать	одиннадцатый, -ая, -ое, -ые (11-ая, 11-ое, 11-ые)
(12) двенадцать...	двенадцатый -ая, -ое, -ые (12-ая, 12-ое, 12-ые)
(20) двадцать	двадцатый, -ая, -ое, -ые (20-ая, 20-ое, 20-ые)
(40) сорок	сороковой, -ая, -ое, -ые (40-ая, 40-ое, 40-ые)
(50) пятьдесят	пятидесятый, -ая, -ое, -ые (50-ая, 50-ое, 50-ые)
(90) девяносто	девяностый, -ая, -ое, -ые (90-ая, 90-ое, 90-ые)
(100) сто	сотый, -ая, -ое, -ые (100-ая, 100-ое, 100-ые)

Порождающими деривационными морфемами русских порядковых числительных выступают морфемы количественных числительных. Более того, в самой парадигме количественных числительных мы можем наблюдать уникальное словообразование лексем, обозначающих числа второго порядка. Здесь к основе количественного числительного первого порядка добавляется морфема «-дцать», видоизменённое «десять» и подразумевающая математическую операцию «плюс десять». В числительных второго порядка от 20 до 90 (кроме 40) мы вновь встречаемся с числительными первого порядка, которые следует умножить на 10. При образовании числительного девяносто (90) мы тоже имеем операцию с числом 10, но это число предполагается вычесть из ста, о чем свидетельствует морфема «-сто».

Из общего правила словообразования порядковых числительных от родственных им количественных числительных отличаются числительных «первый» и «второй», которые образованы супплетивным способом от индоевропейских и общеславянских основ – «*първъ*, *първый* – **pъrvъ*» и «*въторый* – **vъtrъ*» [Чернов 2006: 20; 172]

Русские порядковые числительные имеют категорию падежа (*второго*, *третьим*, *сотыми*), категорию числа (пятидесятый, -ая, -ое, -ые) и категорию рода (сотый, -ая, -ое).

Если принять тезис русских лингвистов о принадлежности порядковых числительных к классу прилагательных, то мы не сможем привести ни одного примера, когда относительное прилагательное имеет цифровой план выражения. Тогда как примеры с порядковым числительным, представленным в смешанном виде цифры, падежной и родовой флексий зафиксированы в письменных текстах. Например: *Соглашение с Британским Советом, а также с Всемирной службой Би-би-си было подписано 20 августа 1991 года – на второй день после путча* [Гениева 2008: 132].

В предлагаемом контексте дата «**двадцатого** августа **тысяча девятьсот девяносто первого** года» передается двумя порядковыми числительными, обозначенными цифрами 20 и 1991. Цифровой план выражения позволяет отправителю информационного сообщения сжать текст до минимума, сохранив при этом полную информацию.

Словосочетание «*на второй день после путча*» также содержит порядковое числительное «второй» в виде лексемы. Именно лексический план выражения порядка при счете подчеркивает важность для автора и его коммуникантов той дополнительной информации, которую может раскрыть только дискурс.

В другом примере: *Эволюционистская парадигма становится доминирующей со второй половины 19 – начала 20 в* [Гениева 2008: 23]. Порядковые числительные также разнесены графически «*второй*» и «*19 (девятнадцатого) – начала 20 (двадцатого)*». При обозначении крупных временных вех предпочтение, как правило, отдается римским цифрам, то есть план выражения порядковых числительных может быть в виде лексем «девятнадцатого» и «двадцатого», в виде арабских цифр 19 и 20, а также в виде римских цифр XIX и XX. Ни одно русское прилагательное такими свойствами не обладает. Из этого наблюдения следует, что основополагающие признаки числительных как части речи и, в первую очередь, их грамматическое значение «прилагательное» определено неверно.

В монографии Е. И. Путьтиной «Английские и русские числительные в сопоставлении с их аналогами в разноструктурных языках» предлагается при выявлении частеречного грамматического значения языковых единиц принимать во внимание комплекс фонетических, морфологических, синтаксических, словообразовательных и лексических признаков. Этот комплекс признаков вырабатывался учеными на протяжении всего XX века, начиная с работы И. А. Бодуэна де Куртенэ «Количественность в языковом мышлении», в которой автор обосновал необходимость выделения всех количественных слов в отдельный класс. В своей статье «О частях речи в русском языке» Л. В. Щерба подчеркнул, что «особой категорией приходится признать слова количественные, значением которых является отвлеченная идея числа, а формальным признаком – своеобразный тип сочетания с существительным, к которому относится слово, выражающее количество. Благодаря этим типам сочетаний категория слов количественных изымается из категории прилагательных, а также из категории

существительных, с которыми она сходна формами склонения [Щерба 1974: 88]. Также Л. В. Щерба отмечает различие двух соотносительных категорий слов: категорию знаменательных и категорию служебных слов.

Различия этих двух категорий, по мнению Л. В. Щербы, сводятся к следующим пунктам: 1) знаменательные слова имеют самостоятельное значение, тогда как служебные выражают лишь отношение между предметами мысли; 2) знаменательные слова сами по себе способны распространять данное слово или сочетания слов: *я хожу – я хожу кругом*; служебные слова неспособны распространять слова: *на, при, в, и, чтобы*; 3) знаменательные слова могут носить на себе фразовое ударение, служебные слова могут иметь фразовое ударение только в особых случаях [Щерба 1974: 82].

Б. А. Ильиш обращает внимание на синтаксические функции числительных, в том числе и порядковых: определения, именной части составного именного сказуемого, подлежащего и дополнения [Ильиш 1971: 27–36].

Например: функция определения (*третье – четвертое тысячелетие; первых памятников*) иллюстрируется контекстом *Документная эпоха отсчитывается со времени появления первых памятников письменности III – IV тысячелетия до н.э.* [Гениева 2008: 35].

Функция именной части составного именного сказуемого иллюстрируется в контексте: *Нас было **пятьдесят**, и выполняли мы работу, с которой легко бы справились **пятнадцать**.*

Функции подлежащего и дополнения числительные могут выполнять только в случаях метонимии, например: *На лед вышла известная **пятерка** (хоккеистов). К финишу наш спортсмен пришел **вторым**.*

Зарубежные лингвисты считают, что способность слова именной части речи образовывать слова другой или других частей речи является главным и единственным признаком принадлежности рассматриваемого слова к классу номинативных единиц.

Присоединяясь к мнению лингвистов о том, что признак словообразования является одним из ведущих, можно проверить, как ведут себя русские числительные. Мы видели, что внутри морфологического класса производящей лексемой является корневая морфема количественного числительного. Как обстоят дела при образовании слов других частей речи? Словарные статьи и реальные контексты предлагают следующие варианты такого словообразования:

Ноль (Num) – *нулевой* (Num) – *обнулить* (V) – *обнуление* (N) – *нулевики* (N);
один (Num) – *одинокий* (Adj) – *одинок* (Adv) – *одиночество* (N) – *одинарный* (Adj);

первый (Num) – *первенство* (N) – *первенец* (N) – *первенствовать* (V) – *во-первых* (Adv) – *первая любовь* (ФЕ);

два (Num) – *двоичный* (Adj) – *двойной* (Adj) – *двойня* (N) – *двоиться* (V) – *раздвоиться* (V) – *раздвоение* (N) – *двойственный* (Adj) – *двойственно* (Adv);

второй (Num) – *вторить* (V) – *повторно* (Adv) – *во-вторых* (Adv) – *двойное дно* (ФЕ);

три (Num) – *третий* (Num) *тройка* (N) – *троиться* (V) – *тройственный* (Adj) – *третичный* (Adj) и т.д.

Способность порядковых и количественных числительных образовывать слова других частей речи, входящих в другие морфологические классы, подтверждает суждение о том, что рассмотренные порядковые числительные являются знаменательной частью речи, что опровергает мнение зарубежных и части отечественных ученых о принадлежности количественных и порядковых числительных к разным морфологическим классам. Описанное словообразовательное свойство всех числительных образовывать слова других частей речи указывает на существование эпидигматических связей числительных с другими классами слов, придавая гибкость речевому сообщению.

Еще одно качество порядковых числительных остается вне поля зрения ученых. Это способность числительных, как порядковых, так и количественных, выражать дробные числа. Дробное число, например, *две пятых* или **2/5** представляет собой количественное числительное в числителе и порядковое числительное в знаменателе, которое невозможно заменить никаким прилагательным. Иными словами, даже математические формулы и математические выражения указывают носителям языка, что количественные и порядковые числительные принадлежат к одному морфологическому классу и несут на себе фразовое ударение.

Более того, приведенные примеры с русскими порядковыми числительными доказывают, что в семантике порядковых числительных присутствуют качественные признаки описываемого им предмета или явления, которое исключает значение «относительность», свойственное только относительным прилагательным, например: *Первый тайм закончился со счетом 0: 0*.

В этом контексте порядковое числительное *первый* несет на себе фразовое ударение. Кроме того, невозможно заменить порядковое числительное «первый» прилагательным, поскольку за этим числительным подразумевается дискурс о некоем футбольном матче и результатов его одной, только начальной, части, продлившейся 45 минут. Именно порядковое числительное «первый» указывает на возможность изменений окончательных результатов, важных не только для игроков, но и для их болельщиков.

Наши наблюдения в отношении порядковых числительных в русском языке свидетельствуют о необходимости пересмотра основополагающих грамматических признаков слов при распределении слов и словоформ русского языка по соответствующим морфологическим классам и, в частности, класса числительных.

В заключение следует напомнить о том, что рассмотренные нами порядковые числительные современного русского языка свидетельствуют о

важности выделения частеречных категориальных языковых признаков, которые представляют собой комплекс, состоящий из:

- 1) фонетического признака – фразового ударения;
- 2) цифрового графического эквивалента лексемы и графики смешанного типа (пятый, 5-ый; V);
- 3) морфологических признаков:
  - (а) грамматического значения «порядок при счете»;
  - (б) словоизменительной парадигмы, отражающей категорию числа, рода и падежа;
  - (в) словообразовательной парадигмы внутри класса (*пять – пятый*);
  - (г) словообразовательной межклассовой парадигмы (*первый – первенец* и т. д.);
- 4) синтаксических признаков:
  - (а) функция определения;
  - (б) функция именной части составного именного сказуемого;
  - (в) функция подлежащего (при условии метонимии);
  - (г) функция дополнения (при условии метонимии).

Числительные, как количественные, так и порядковые, будучи знаменательной частью речи, активно участвуют в объективной категоризации окружающего нас мира и в создании в национальном сознании общей картины мироздания.

Abstract. This paper concerns one of the actual Grammar issues of the Russian Ordinals which have been treated by the Russian linguists as the relative adjectives, having nothing to do with their original Russian Quantitative Numerals.

Key words: Morphology, Numerals, Relative Adjectives, a morphological class

Список литературы

1. Бодуэн де Куртенэ И. А. Количественность в языковом мышлении [Текст] / И.А. Бодуэна де Куртенэ // избранные труды по общему языкознанию в 2-х т.– М.: Изд-во АН СССР, 1964. – Т.2. – С. 311–324.
2. Гениева Е. Ю. Библиотека как центр межкультурной коммуникации. [Текст] / Е.Ю. Гениева. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2008. – 208 с.
3. Грамматика современного русского литературного языка / Гл. ред Н. Ю. Шведова [Текст]. – М.: Наука, 1970; Т.1. (раздел «Морфология», 1980: переизд. 2005.
4. Ильиш Б. А. The Structure of Modern English – Строй современного английского языка. [Текст] / Б. А. Ильиш. – Л.: Просвещение, 1971. – 366 с.
5. Клобуков Е. В. Морфемика. Словообразование. Морфология [Текст] // Современный русский литературный язык / П. А. Лекант, Л. Л.

Касаткин, Е. В. Клобуков, Л. П. Крысин; под ред. П. А. Леканта. – М.: АСТ–ПРЕСС КНИГА, 2013. – 766 с.

6. Пуяткина Е. И. Синонимические отношения при сопоставлении микросистем в двух языках [Текст] /Е. И. Пуяткина. – Томск: Изд-во Томского государственного ун-та, 1979. – 115 с.

7. Пуяткина Е. И. Английские и русские числительные в сопоставлении с их аналогами в разноструктурных языках: монография [Текст] / Е. И. Пуяткина. – Тюмень: Аксиома, 2013. – 216 с.

8. Чернов П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – 7-е издание, стереотипное. – М.: Рус.яз. – Медиа, 2006.

9. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука. 1974. – С. 77–100.

© Наталия Вячеславовна Пятаева
(Стерлитамак)

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ГНЁЗДА *DATI, *BER-, *JEŤI, *NESTI В ПРАСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ: К ПРОБЛЕМЕ ОПИСАНИЯ ГЕНЕТИЧЕСКИХ И СЕМАНТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

В статье рассматривается праславянское состояние этимологических гнёзд *dati, *ber-, *jeŭti, *nesti, объединяемых в генетическую парадигму «*Давать//дать* → *брать* → *взять* → *иметь* → *нести* → *давать*» на основании пересечения значений общеславянских корней, лежащих в их основе. Проблема, заявленная в статье, связана с задачей создания полного и систематического очерка русской исторической лексикологии, предмет которой можно определить как исследование словарного состава языка в его изменениях во времени, опирающееся на изучение истории отдельных слов и классов слов, объединяемых на основании общности происхождения и семантики, каковыми являются такие крупные группировки слов, как этимологические гнёзда. Осуществление этой задачи возможно на основе динамического (синхронно-диахронического) подхода к изучению семантической структуры всего гнезда, что даёт возможность проследить его функционирование в истории языка, объяснить многие факты современного состояния и обнаружить скрытые межгнездовые генетические связи, способствующие образованию в истории языка ещё более крупных системных образований, чем этимологическое гнездо.

Библиография:

1. Варбот Ж. Ж. История славянского этимологического гнезда в праславянском языке // Славянское языкознание. XI Международный съезд славис-тов: Доклады российской делегации. – М.: Наука, 1993. С. 23–35.
2. Меркулова В. А. К вопросу о семантической реконструкции // Общеславянский лингвистический атлас. – М.: Наука, 1989. С. 266–268.
3. Склярєнко В. Г. Етимологічні розвідки // Мовознавство. 1992. № 5. С. 11–16.
4. Трубачёв О. Н. Опыт ЭССЯ: к 30-летию с начала публикации (1974–2003) // ВЯ. 2002. № 4. С. 3–24.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. – СПб.: Азбука: Терра, 1996.
6. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка: В 2-х т. – М.: Русский язык, 1994.
7. Чумакова Ю. П. Лексика диалекта как источник реконструкции праславянского словаря // Этимология. 1984. – М.: Наука, 1986. С. 216–224.
8. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прозерпина, 1994.
9. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–32 / Отв. ред. О. Н. Трубачёв. – М.: Наука, 1974–2005.
10. Słownik prasłowiański. T. I–IV / Red. Fr. Sławski. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974–1980.

Natalia Vyacheslavovna Pyatayeva

ETYMOLOGICAL NEST *DATI, *BER-, *JEŦI, *NESTI IN PROTO-SLAVIC LANGUAGE: THE PROBLEM OF DESCRIBING THE GENETIC AND SEMANTIC RELATIONSHIPS

Keywords: historical lexicology of the Russian language, Dynamical approach, etymological nest, genetic paradigm, Proto-Slavic roots, semantic structure

This article discusses the state of Proto-Slavic etymological nests *dati, *ber-, *jeŦi, *nesti, united in the genetic paradigm «*To give* → *to take* → *to have* → *to carry* → *to give*» based on the intersection of the values of common Proto-Slavic roots underlying. The problem stated in the article linked to the task of creating a comprehensive and systematic essay Russian historical lexicology, the subject of which can be defined as the study of the vocabulary of the language in its changes over time, based on the study of the history of individual words and word classes, united on the basis of a common origin and semantics, which is the major groups such words as etymological nest. Implementation of this problem is possible based on dynamic (synchronous-diachronic) approach to the study of the semantic structure of all nests that makes it possible to trace its operation in the history of the language, to

explain many facts of the current state and discover hidden communication between nests genetic connection in the formation of history language even of larger systemic formations than etymological nest.

1. Varbot J.J. Istorija slavyanskogo etimologičeskogo gnezda v praslavyanskom jazike // Slavyanskoje jazykoznanije. XI Mezhdunarodnij sjezd slavistov: Doklady rossijskoj delegacii. – M.: Nauka, 1993. С. 23-35.
2. Merkulova V.A. K voprosu o semantičeskoj rekonstrukcii // Obščeslavjanskij lingvisničeskij atlas. – M.: Nauka, 1989. С. 266-268.
3. Sklyarenko V.G. Etimologični rozvidki // Movoznavstvo. 1992. № 5. С. 11-16.
4. Trubachyov O.N. Opyt ESSYA: k 30-letiju s nachala publikacii (1974 – 2003) // VJA. 2002. № 4. С. 3 – 24.
5. Fasmer M. Etimologičeskij slovar russkogo jazyka: V 4-h t. – SPb.: Azbuka : Terra, 1996.
6. Chernyh P.Ja. Istoriko-etimologičeskij slovar russkogo jazyka: V 2-h t. – M.: Russkij jazyk, 1994.
7. Chumakova J.P. Leksika dialekta kak istočnik rekonstrukcii praslavyanskogo slovarya // Etimologija. 1984. – M.: Nauka, 1986. S. 216–224.
8. Šanskij N. M., Bobrova T. A. Etimologičeskij slovar russkogo jazyka. – M.: Prozerpina, 1994.
9. Etimologičeskij slovar slavyanskih jazykov. Praslavyanskij leksičeskij fond. Вып. 1–32 / Отв. ред. О. Н. Трубачёв. – М.: Nauka, 1974–2005.
10. Slovník praslovjanský. T. I-IV / Red. Fr. Slavský. Vroclav; Varšava; Krakov; Gdansk, 1974–1980.

© Марина Юрьевна Савельева
(Киев)

«СУМЕВШИЙ ВЕРНУТЬСЯ К НАЧАЛУ»

(Ландшафтная мифопоэтика Максимилиана Волошина)

В истории мировой культуры встречаются деятели, неповторимость и душевная раскрепощённость творчества которых обуславливалась не особенностями характера или силой индивидуальных способностей, а *внешними причинами* — чаще всего «у-местностью», привязанностью к месту их земного пребывания. Так, для Александра «местом встречи» мысли и мира сначала была Греция, потом Египет, и, наконец, Индия; для Петра Великого — Петербург; для Канта — Кёнигсберг; для М. Булгакова — Киев; для Хайдеггера — Шварцвальд... Одиссеево стремление найти «единственно возможное» место для жизни и деятельности вовсе не означает бегства от действительности в

грёзы. Это неудержимое желание предметно воссоединиться с тем пространством, чувство которого было в душе задолго до того, как разум определил характер жизненного пути. И если такое место, наконец, обретается, миссия творца в любом проявлении достигает высот *поэтичности*, а сам он ощущает себя *поэтом* в самом широком, изначальном смысле — мастером, производителем, демиургом, гармонично соединяющем своей деятельностью искусство и ремесло.

Для Максимилиана Волошина таким *«место-нахождением»* стал Коктебель.

Именно там на него снизошло вдохновение, в буквальном смысле, первозданным поэтическим словом, — *словом как реально существующим миром*. Словом, проявляющимся наглядно, зримо и фундаментально — как *ландшафт*³⁴. Опыт *«ландшафтной мифопоэтики»* стал абсолютным в своей счастливой случайности опытом воссоздания бытия основательного, первозданного слова, парадоксально совпадающего своей простой, монолитной и всеобщей формой с простотой содержания, — слова, которое есть не что иное, как непосредственно воплощённая простота окружающего мира, сочетающая формальную лаконичность с бесконечностью содержания. Коктебельское мифотворчество Волошина имело своей целью показать, каким образом с помощью и под влиянием поэтического слова мир *способен не только представляться другим, но и действительно преображаться*. Когда ему удавалось вовлекать в этот непостижимый процесс окружающих, он становился похожим на древнего мудреца. В нём появлялось что-то от Сократа, потому что «отношение его к людям было сплошное <...> извлечение из человека основы и выведение её на свет... <...> Ни одного человека Макс — знанием, опытом, дарованием — не задавил. Он, ненасытностью на настоящее, заставлял человека быть самим собой» [3: 4, 205, 206]. И, значит, быть другим в отношении к предметной действительности, воспринимать её другой, нежели с позиции рационального мышления.

Однако постоянная подмена смыслов рождала у читателей множество противоречивых впечатлений. Многие отмечали, что мышление Волошина *очень живописно и потому не описательно*; оно настолько ёмко своей интонацией переживания душевных движений, что сюжетные линии только перегружают его. Сосредоточенное на себе, оно насквозь пропитано какой-то неопикуемой мифологической экзистенциальностью; подобной скупостью содержания

---

³⁴ Последнее выражение (скорее, концепт) Волошину не принадлежит, вырываясь смыслом и функциями за пределы мышления эпохи модерна, но точно накладывается на контекст его размышлений. Уже в конце XX века «ландшафт» как пространство, затронутое и увлечённое мыслью, был определён как «изнанка мира», его смысловая внутренняя поверхность (См.: [2, 25–26]).

отличались полотна импрессионистов. Мышление поэта не летописно, не хроникально, иногда прямо-таки *асоциально*. Будучи педантично внимательным к происходящему, он, видимо, поэтому не испытывал желания умножать его сущности. Его размышления *впечатляющи своей впечатлительностью* — не просто субъективны, а полностью дистанцированы от занимающих умы политических или экономических проблем. Его внимание было, кажется, всецело приковано к сфере духовного творчества, он кропотливо исследовал перипетии судеб мирового искусства и литературы. Но это были даже не попытки разобраться с личными пристрастиями и эстетическими вкусами — это вспышки чистой рефлексии, демонстрация первоначального единства чувственного и рационального в отношении к миру. Поэтому, даже рассуждая о современном состоянии духовной культуры, он как будто пребывал в полном безразличии к настоящему времени. Его размышления всегда сопровождались глубокомысленными и дальновидными выводами живущего полной жизнью образованного человека. И потому демонстрировали особенное — не мучительное, но *восторженное от предвкушения* — переживание изначальной *пустоты (не опустошённости)* человеческой самости, во что бы то ни стало требующей наполнения.

Его поэзия была преисполнена особого рода *алчной жертвенностью, просвещённым неистовством, сверхразумным эгоизмом*, где жажда *брать* есть не что иное, как обратная сторона жажды *отдавать*. Это предчувствовалось ещё в Париже, но сполна раскрылось в Коктебеле: *невозможно не творить от первого лица, но только если это лицо — не твоя воплощённая индивидуальность, если ты Другой — весь мир, космос, Земля, другой человек*. Рационального самосовпадения и самоузнавания не выносят, не прощают, не желают, это кажется чрезмерным и губительным. Эгоцентризм должен быть обезличенным, чтобы восприниматься как должное.

Размышления Волошина неожиданны и парадоксальны: душа, обособленная от мира, немногого стоит; но эта самая обособленность сковывает её в момент погружения в трясину сиюминутных событий, наполняющих предметный мир и передающихся человеческой «самости». От этого душа исполняется ложностью гордыни, прорывающей, раздирающей на клочки абсолютное, первозданное умиротворённое космическое Всеединство. И чтобы его сохранить, нужно стать Другим. *Пересоздать* себя или позволить это сделать другому. А, став Другим, нужно найти такое место, где твоя «инаковость» была бы естественной и безусловной. Иногда стоит выбираться в густонаселённый мир, чувствовать его плотность, тревожность и агрессивность, чтобы бесповоротно потерять себя в бесконечных просторах его предметности. Но тогда становится понятно, что нужен мир, который... не нужен, не может быть *употреблён* как объект отчуждённой «нужды» — лишь молчаливо принят, ибо сам бесконечно скуп на содержание, но своей бесконечностью открыт для внешнего воздействия и готов принимать в себя всё: Таким было Коктебельское побережье — с величавой сдержанностью и смирением в тишине ожидавшее

прихода людей (среди которых не было случайных!), наполнения голосами, движением, жизнью, замерший в ожидании *присутствия Духа*. Только здесь по-настоящему свободная душа, как книга, раскрывается навстречу природе и космосу, — глядит в себя, как в зеркало, понимает абсолютно всё, успокаивается и обретает счастье, застывая очертаниями скалы у самой кромки моря. И если состояние душевного самопонимания совпадает с физическим удовлетворением от местонахождения, это может рассматриваться как первичная — мифологическая, — непосредственная и устойчивая форма взаимоотношения человека и мира, неизбежно порождающая всеобщую, правильную и «неслучайную» мысль.

Поэтому Волошин, подобно Декарту или Канту, стремился пребывать там, где мысль могла бы легко удерживать себя в нужном состоянии. Это было своеобразным «примирением с действительностью» (той, которая скрывается за реальностью и питает реальность), когда мысль проявлялась в унисон физическому пространству и происходило их взаимное освобождение друг в друге, взаимная зависимость проявлялась через противоположность — как независимость. Время на берегу текло по-особенному — *не стояло на месте, но и не истекало в прошлое, не манило иллюзией будущего, целиком раскручиваясь в настоящем и ничего не оставляя вне себя*. И с приездом новых жителей всякий раз как будто возвращалось к началу, к исходному, открывая вновь прибывшим истину перспективы рождения мира — *их мира, мира как их самих*. Скупость цивилизации уступала место щедрости души, позволяя в каждом с виду заурядном происшествии видеть перст судьбы и закрывать глаза на привычную суету повседневности. Потому, живя в Коктебеле, поэт легко порывал с *очевидными* условностями мира современной городской жизни: с удовольствием носил странные одежды других времён, и влюблял в себя талантливых и мечтательных современниц, сам же с равной силой страсти влюблялся в таинственных царевну Таиах, Эвридику, фею Раутенделейн... И картины писал не с натуры, а подчиняясь беззаконному зову собственной химерической «натуры». И неудивительно: если «хороший портрет никогда не бывает похож» [1: 5, 140], очевидно, и пейзаж как «портрет Земли» не должен быть похож на видимое глазу дилетанта. Эти «инопланетные» панорамы — возможно, истинный облик Коктебеля незапамятных, доисторических времён, таких современных, ибо естественно «припомненных» душой поэта и запечатлённых хрустальной прозрачностью акварели.

Истина всегда проста: мир — не нагромождение бездумной и бездушной техники, порождённой «железным» XIX-м веком и преумноженной веком XX-м, не борьба амбициозных властных идей. Всё проще (или сложнее?): он — «мир живых прозрачных пятен / и упругих, гибких линий» [1: 1, 24]. *Создать* такой мир или *перекроить* его из уже имеющегося *невозможно*, — нужно его *отыскать в неприкосновенности*, а для этого просто уйти, покинуть ставший привычным «мир души, одетый в платье / из священных, лживых слов» [1: 1, 40]. И Волошин пришёл туда, где когда-то зародилась рефлектирующая мысль,

выбралась из воды на берег и с тех самых пор «есть одно и то же» с миром. И «затворничество» на Коктебельском берегу от суетного общества в действительности было воссоединением, возвращением к общебытийным истокам мышления, в тишине которых обретается абсолютная свобода самопостижения.

Литература

1. *Волошин М.* Собрание сочинений. М.: Эллис Лак, 2000–
2. *Подорога В.* Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX–XX веков. 2 изд., перераб. и доп. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2013. С. 25–26.
3. *Цветаева М. И.* Собрание сочинений: В 7 томах. — М.: Эллис-Лак, 1994.

Marina Yu. Savel'eva
(Kiev)

«THE ONE WHO WAS ABLE TO RETURN TO SOURCES» (Landscape Mythopoetics of Maximilian Voloshin)

The report explores the correlation between style features of creative thinking and geographical space. In particular, it considers the peculiarities of creative thinking of M. Voloshin during his stay in Koktebel. It is shown that staying in conditions of the historical origin of reflection, the poet discovered his own ability to mythmaking manifested in non-contradictory attitude to reality and in the poet's aspiration for finding the general and the specific basis of unity of himself and world. Such a discovery resulted in creation of a special — mythological — poetics endowing the word with the power of real world and real action.

Key words: Maximilian Voloshin, poetics, myth, basis, creativity.

References:

1. Voloshin M. [Works]. *Sobranie sochineniy*. M.: Ellis Lak, 2000– (In Russ.)
2. Podoroga V. [Metaphysics of Landscape. Communicative Strategies in Philosophical culture of the 19–20 centuries]. *Metafizika landshafta. Kommunikativnye strategii v filosofskoy kul'ture 19–20 vekov*. M.: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya», 2013. 552 p. (In Russ.)
3. Tsvetaeva M. I. [Works]. *Sobranie sochineniy v 7 tomakh*. M.: Ellis Lak, 1994. (In Russ.)

© Елена Вячеславовна Сердюкова
(Ростов-на-Дону)

МОТИВИРОВОЧНЫЕ ПРИЗНАКИ И ПРИНЦИПЫ НОМИНАЦИИ ПРАСЛАВЯНСКИХ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ

The features which serve as the basis for names of plants in Common Slavic languages fall into certain patterns. This study focuses on the most productive patterns for naming trees, based on their place of origin and their characteristics.

Модели номинации позволяют увидеть систему представлений человека об окружающей его действительности, в них отражены результаты его познавательной и классифицирующей деятельности. Для славян были характерны земледельческие приоритеты, поэтому именно в этой сфере образ жизни особенно влиял на образ мышления. В семантической сфере «Растительный мир» Т. И. Вендина для русского языка ведущими называет три мотивировочных признака – качественно-характеризующий, локативный и акциональный [Вендина 1998, с. 223–224]. При номинации названий деревьев мы сталкиваемся с непроизводными с синхронной точки зрения образованиями, со словами, имеющими скрытую внутреннюю форму. Восстановить модели номинации в таких случаях позволяет только этимологический анализ данных слов. При этом становится очевидным, что мотивировочные признаки для праславянских названий растений имеют закономерный характер. Рассмотренные с этой точки зрения названия деревьев позволили выделить наиболее продуктивные модели и признаки, которые легли в их основу.

Один из распространённых признаков, лёгших в основу номинации деревьев, ‘колкость’ (это может касаться либо формы листьев, либо действий). К словам с таким признаком можно отнести *клён*, *ель*, *явор* и др. Слово *клён* является общеславянским, имеет соответствия и в других индоевропейских языках, восходит к и.-е. **kleno-* наряду с **klimo-*. О. Н. Трубочёв в ЭССЯ связывает этот корень с и.-е. **kel-* ‘колоть’, причём более конкретная мотивация оказывается спорной, во-первых, дерево клён обращает на себя внимание характерной расчленённо-заострённой формой своих листьев, во-вторых, возможна и иная реально-семантическая мотивировка: клён прокалывается ради своего сладкого сока. Обе названные мотивировки могли иметь место. Следует также отметить, что и латинское название *Acer* связано этимологически со словом *acer* ‘острый’. Следовательно, данная мотивировка имеет широкое распространение и в других языках. Праславянское слово **avorъ* является заимствованием из германского **āhor-* (ср.: др.-в.-нем. *āhorn*, совр. нем. *Ahorn* ‘клен’). Германское название связано с латинским *acer* ‘клён’, которое, в свою очередь, связано с *acer* ‘острый’, о чем уже говорилось выше. Словом *явор* (цслав. *аворъ*) называли также *Platanus orientalis*. Такое значение зафиксировано

в САР, в словаре Даля. Платаны растут только на Кавказе, где они называются словом *чинар*. Более распространенным для **avorъ* во всех славянских языках является значение ‘клён’. В русском языке *явор* ‘особый вид клена, белый клён’. Латинские ботанические названия этих разновидностей клена *Acer platanoides* и *Acer pseudoplatanus* указывают на связь названий двух разных деревьев. Значение ‘Platanus’ не могло сохраниться за словом *явор* из-за отсутствия у славян самого растения. Для таких растений более уместными являются названия, принятые в научной ботанической номенклатуре. Это слово *платан*, заимствованное из греческого или латинского языков. В современном русском языке словом *явор* называют только разновидность клёна. Об этом свидетельствуют и многочисленные образования, известные во всех славянских языках, в том числе и русском:

и др.

Праславянское название ели **(j)edьlь* имеет соответствия в древнепрусск. *addle* ‘ель’, латыш. *egle* ‘ель’. В других индоевропейских языках соответствия имеют значения ‘бузины’: лат. *ebulus*, галльск. *odocos*. Все эти слова можно возвести к и.-е. **edh-l-* от **edh-* ‘острый’, ‘колючий’. Этот же корень содержится в лит. *data* ‘игла’ *adyti* ‘штопать’. По всей вероятности, первоначально слова с корнем **edh-l-* в праславянском языке имели значение ‘игла’. Это значение было вытеснено словом **jьgьla* ‘игла’, а слово **edla(ь)* получает новое значение – ‘хвойное дерево’, ‘ель’. Этот мотив номинации характерен для хвойных деревьев, следовательно, перенос ‘острый’, ‘колючий’ → ‘название хвойного дерева’ является продуктивным для названий хвойных деревьев.

Модель номинации, связанная с местом произрастания, характерна для слов *дуб*, *бор* ‘сосна’, *бред* ‘ива’. Для славянского слова *дуб* значение ‘дуб’ (*quercus*) не было первоначальным, более ранним для слова *дуб* было значение ‘дерево.’ М. Фасмер связывал это слово с греческим *δρυς* ‘строю’, т.е. первоначальное значение ‘материал’, а затем ‘дерево.’ Самой интересной и обоснованной в семантическом плане является точка зрения О. Н. Трубачева в ЭССЯ, который вслед за О.-К. Фальком связывает его с и.-е. корнем **dheu-* ‘глубокий’, ‘углубление’, а далее восстанавливает значение ‘низинный’. Связь фитонимов, особенно деревьев, с терминами рельефа (значения ‘верх’ или ‘низ’) – факт известный, он уже неоднократно описывался в лингвистической литературе в связи с другими словами. Семантические изменения в слове *дуб* происходили следующим образом: ‘низменность’ → ‘растение, растущее в низине, в том числе и дерево’ → ‘дуб, растущий в низине’ → ‘дуб’. Славянское **borъ* родственно др.-англ. *bearu* ‘лес, роща’. Н. И. Толстой считал, что значение ‘возвышенность’, ‘лес на возвышенном месте’ являются самыми архаичными. Семантический переход ‘гора, возвышенность’ → ‘лес’ является почти универсальным. Ср. болг. *гора* ‘лес’, а *горун* ‘дуб’. Но для слова **borъ* существует и другая этимология: его возводят к и.-е. корням **bher-*: **bhor-*: **bhr-* ‘резать, брить, обрезать при помощи острого орудия’, т.е. связано с признаком ‘острый, колючий’, что характерно для хвойных деревьев.

Литература

Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: Индрик, 1998. 236 с.

© Людмила Владимировна Табаченко
(Ростов-на-Дону)

**СЕМАНТИКА ПРИСТАВОЧНЫХ ГЛАГОЛОВ В
ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ**
(на примере позиционных глаголов с приставкой *на-*)

Важным этапом в развитии внутриглагольной приставочной префиксации было развитие глагольных категорий предельности и результативности: предельность пространственных префиксов привела к невозможности их сочетаний со стательными основами и исчезновению соответствующих словообразовательных типов, включающих пространственные приставки и стательные позиционные глаголы.

Существенным для определения динамики русского приставочного глагольного словообразования является изучение истории одного из видов стательных, а именно позиционных (положения в пространстве относительно поверхности) глаголов с пространственными приставками. Пространственные приставочные дериваты – реликтовые образования уже для древнерусского периода, наследие того состояния праславянского языка, когда приставки не имели еще значения предельности. Позиционные глаголы с приставкой *на-*, в основном, утратили пространственные значения еще до появления первых памятников письменности древнерусского языка, за исключением глагола *належати* ‘находиться, лежать на чём-л. сверху’. Глагол *наседѣти* на протяжении всего исторического периода имел специализированное значение ‘сидеть на яйцах’, однако до XVIII в. это было пространственное значение ‘сидеть сверху яиц’ (специализация ЛСВ ‘сидеть на чем-л.’).

Уже в древнерусском языке позиционные глаголы с приставкой *на-* развили ряд производных значений на базе пространственных. Основными ЛСВ, связанными с пространственным ‘стоять, находиться на чем-л.’, у глагола *настояти* были ‘быть в наличии, присутствовать’, ‘начинаться, наступать’, ‘грозить’, а также ‘усердно заниматься’ и др.; у *належати* – ‘напирать’, ‘лежать тяжким бременем’, ‘предстоять’, ‘грозить’, ‘надлежать’, ‘усердно заниматься’, ‘относиться’ и др. И в исходных пространственных, и в производных значениях, развившихся на их основе, позиционные глаголы с приставкой *на-* сохраняли грамматические особенности бесприставочных мотивирующих глаголов: были имперфективными и непереходными.

С развитием у всех глагольных приставок значений предельности и результативности позиционные глаголы, как ядро стальных, онтологически неопредельные и нерезультативные, в сочетании с результативными приставками могли реализовывать результативность полиситуативную (полипропозициональную) (см. [Лебедева 2010]) – в рамках омонимичных пространственным словообразовательных типов. Мутационные типы внутриглагольной префиксации связаны с формированием новых когнитивных структур, которые развиваются при актуализации анимальных, ментальных и социальных планов глагольной ситуации с одушевленным субъектом в качестве источника результативности и объектности. «Новые» приставочные позиционные глаголы, появившиеся в рамках словообразовательной мутации, являются переходными, поскольку базируются на ситуациях, в которых в качестве объектов осознаются фрагменты смежных ситуаций полиситуативного комплекса.

Как и у большинства префиксов, у приставки *на-*, по-видимому, еще в поздний праславянский период развилось результативное значение. На его базе оформляется ряд словообразовательных типов со вторичными значениями приставки *на-*, не связанными непосредственно с пространственным.

В рамках результативно-накопительного словообразовательного типа развиваются мутационные значения для обозначения новой ядерной ситуации («приобрести, получить»), связанной с «сидением» и «стоянием» отношениями цели, или причины и следствия, или способа и результата: *настоять* 1) ‘находясь на государственной военной службе по найму общины, выслужить какую-то сумму наемных денег (которая является долгом общины по отношению к нанятому лицу)’; 2) ‘стоять до каких-л. последствий’, а также ‘накопить долг’; 3) ‘накопить (навоз) за период зимнего стояния в хлеву’; *насидеть* 1) ‘сидением в тюрьме, в оковах довести до какого-л. размера сумму, подлежащую уплате в качестве пошлины судебным властям’; 2) ‘наготовить перегонкой, сбраживанием’; 3) ‘приобретать, наживать, сидя на месте, сиденьем’; или ‘нажить долги’; ‘получать расстройство в теле или повреждать здоровье от долговременного сиденья’ *належать* ‘от долгого лежания получить (пролежни, красноту и т. п. на какой-л. части тела); отлежать себе какую-н. часть тела’ (СлРЯ XI–XVII вв., 10; Даль, 2).

В рамках номинации «сообщить определенные качества объекту» развиваются мутационные дериваты *належать* ‘сделать удобным в результате лежания’ и *насидеть* ‘пригревать местечко’. В качестве варианта этой номинации можно рассматривать и значение ‘согреть яйца до вылупления птенцов’. В рамках номинации «покрыть чем-л., запачкать поверхность» развивается значение ‘замарать, загадить’ (*насидѣть*) (Даль, 2). В результате обратной деривации от глагола *настояться* (о напитке) в XVIII в. появляется мутационный дериват *настаивать/настоять* ‘приготовить настой’.

Таким образом, в исторических словарях русского языка отражена семантическая история приставочных позиционных глаголов с приставкой *на-*

двух типов: 1) в пространственных и связанных с ними производных значениях и 2) в результативных мутационных значениях.

Сокращения словарей

Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1979. Т. 2. 779 с.
СЛРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 10. М.: Наука, 1983. 327 с.

Литература

Лебедева Н. Б. Полиситуативный анализ глагольной семантики. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 192 с.

Ludmila V. Tabachenko
(Rostov-on-Don)

SEMANTICS OF THE PREFIXED VERBS FROM THE HISTORIC VIEWPOINT (BY THE EXAMPLE OF THE POSITIONAL VERBS WITH THE PREFIX НА-)

Summary: In the history of the Russian language positional verbs with spatial prefixes, for instance the prefix *на-* (*належать, насидеть, настоять*), do not retain their direct spatial meanings because of the effective and spatial prefixes incompatibility with stable stems. As a result these spatial verbs disappeared from the contemporary Russian language. The mutation types of verb prefixion are resultiveness-based and connected with the formation of the new cognitive structures developed by the actualization of animate, mental, and social planes of the verbal situation with an animate subject as the source of the above resultiveness and objectness.

Key words: the history of the Russian language; word semantics; verbal prefixes

© Татьяна Михайловна Фадеева
(Москва)

АКАДЕМИК О. Н. ТРУБАЧЕВ И ХУДОЖНИК Л. Н. ТИМОФЕЕВ

Это рассказ о человеке, которому посвящена книга “Индоарика в Сев. Причерноморье”, о дружбе, оказавшейся необычайно плодотворной и в научном, и в человеческом отношении. В ходе презентации книги в 1999 г., на конференции лингвистов, происходившей в санатории “Курпаты”, Мисхор, Крым, автор, академик О. Н. Трубачев, сам рассказал о Леониде Тимофееве.

“Подзаголовок книги: "Реконструкция реликтов языка". Книга посвящается памяти Л. Н. Тимофеева, художника-реставратора, пытливого крымского краеведа, пейзажиста древней и новой Тавриды, человека разносторонних дарований и высоких помыслов. Его акварель на форзаце книги - это тоже реконструкция древних окрестностей Алупки. От себя я аннотирую эту художественную реконструкцию Тимофеева:

Нет еще Алупки – но был этот обвал камней и водопады, рвущиеся сквозь них, выше видно таврское городище на горе Крестовой, такие же городища-святилища видны справа и слева на мысах с огнями, видно, сигнальными.

Вот такая книга стала поводом нынешней презентации. Тимофеев был художником-реставратором, довольно известным в Крыму, человеком беззаветно преданным делу, абсолютным бесребренником, человеком исключительно способным и даровитым. Он имел вкус к филологии, довольно свободно пользовался материалом на разных языках всю свою трудную жизнь. У нас было сравнительно краткое знакомство с 1979г., а в 1985 г. он уже умер: застарелые болезни и суровый февраль, когда Крым уже окончательно остывает, скошил его – легочника, туберкулезника. Его дело продолжается, и это, я думаю, имеет прямое отношение к моим занятиям.

“... Я занимаюсь именно реконструкциями, то есть восстановлением того, чего нет, но что реально может быть воссоздано. Это ведь относится не только к эпохам, давно прошедшим. Лексикографы, работающие над историческим словарем, например, компилируют данные, засвидетельствованные в письменности, но сплошь и рядом при этом они вынуждены восстанавливать отсутствующие формы, так по зафиксированным личным формам глагола они дают отсутствующий инфинитив.

Это имеет принципиальное значение в том смысле, что само занятие реконструкциями необходимо, хотя на практике всевластен сильный принцип позитивизма - только наблюдаемый факт и больше ничего другого избирать как основу своих суждений. Но даже зафиксированная письменность с ее фактами порой грешит неизбежными лакунами. В этом плане значение реконструкции универсально...апологией реконструкции я и закончу свое выступление”.

Этими словами Олег Николаевич поставил знак равенства между реконструкцией научной и художественной, а если шире – между научным и художественными способами познания мира. Академик Трубачев и художник Тимофеев – эти два имени, поставлены рядом неслучайно. Дружба, соединившая их, – это и дань любви и привязанности к местам, где ученый был по-настоящему счастлив.

“Человек редких и разносторонних дарований...” Кто же он – художник Леонид Тимофеев, уроженец Петербурга, потомок старинного дворянского рода, по прихоти судьбы оказавшийся в Крыму?

От этого человека помимо небольших картин и акварелей, щедро даримых знакомым, могли бы остаться научные труды, сообщения об открытиях, оригинальные гипотезы... Но время и обстоятельства жизни не способствовали расцвету его многочисленных талантов... Впрочем, разносторонность интересов порой сама по себе тормозит глубокие занятия какой-то одной проблемой. Но этот человек, духовно богатый, совершенно свободный от условностей, нашел возможность самовыражения – он творил вокруг себя среду, настолько насыщенную идеями, прозрениями, эвристикой всякого рода, что люди самых разных профессиональных интересов и занятий уходили обогащенные, получившие заряд творческой энергии, неожиданный поворот в своих изысканиях... С полным основанием можно сказать, что роль таких неформальных “очагов культуры” в эпоху застоя была велика. Излишне напоминать, что человека, оказавшегося “центром” притяжения, советская система не жаловала; а круг общения, который именовали “сборищем”, неизбежно попадал в поле зрения спецслужб, тем более, что сюда приезжали граждане Литвы, где диссидентские настроения проявлялись более интенсивно. Вот и получилось, что он остался в памяти своих друзей как автор идей, смелых замыслов и проектов, открытий, щедро разбросанных, но реализованных другими. К их числу может причислить себя и автор этих строк. Они – дань признания Т. за горячие, эмоциональные обсуждения проблем и загадок таврической и отечественной истории, когда самые смелые и неожиданные гипотезы и догадки обретали право на существование.

Вехи его биографии – достаточное свидетельство того, что таких людей с трудом терпели в советской системе. Родился он в Ленинграде 20 июня 1928 г. Отец его был участником гражданской войны, командиром конного эскадрона у Фрунзе; умер рано – в 1933 г., прожив всего 31 год. Мать осталась в блокадном Ленинграде, работала в типографии и на оборонных работах. Как инвалид войны, больная туберкулезом, она вместе с сыном перебралась в Алупку, где и умерла в 1972 г.

После окончания школы Леонид поступил в Художественно-Промышленное училище им. В. И. Мухиной на отделение монументальной живописи (школа мастеров) В 1947 г. он закончил училище и был направлен в Специальные Научно-реставрационные мастерские (СНРПМ) при

Ленгорисполкоме. Здесь он работал по реставрации станковой и монументальной живописи в музеях и пригородных дворцах.

С 1951 по 1954 гг. находился на военной службе в Балтийском флоте (береговая охрана) в должности комендора.

После демобилизации продолжил работу в научно-реставрационных мастерских. Тем временем здоровье матери, подорванное блокадой, ухудшалось. И поэтому, когда возникла возможность работы в Крыму, он с матерью переехал в Алупку и стал работать в Алушкинском дворце-музее сначала старшим научным сотрудником, а с 1965 по 1967 гг. – главным хранителем музея. В 1967 г. Л. Тимофеев поступил на заочное отделение факультета искусствоведения института им. И. Е. Репина, и закончил его, получив диплом искусствоведа в 1963 г. С 1965 по 1969 гг. учился в аспирантуре Института им. Репина (кафедра русской и советской живописи) без отрыва от производства.

В 1965 г. он организовал при музее первую мастерскую по научной реставрации живописи, где работал старшим реставратором, а в 1967 г. ему было присвоено звание художника-реставратора высшей квалификации по специальности “станковая масляной живопись”.

Тимофеев был необычайно деятелен. Работая художником-реставратором, он писал маслом и акварелью чудные пейзажи, охотно раздаривая их многочисленным друзьям. Его научные интересы выходили далеко за пределы учебы и написания студенческих работ, а затем диссертации. Тема его дипломной работы – “Максимиллиан Волошин – художник” в то время являлась одной из первых попыток вывести из тени забвения эту сложную и необычайно одаренную фигуру. В сохранившейся стенограмме защиты дипломной работы, есть строки, ярко рисующие черты студента, уже тогда воспринимавшегося как личность незаурядная. Приведем отзыв профессора “Репинки” Олимпиады Исаевны Галеркиной:

“С тов. Тимофеевым работать было легко и интересно. Все его курсовые работы написаны зрело, хорошо, профессионально. Он рисует, у него большие способности к языкам. Способность полиглота нужно развивать так же, как и абсолютный слух. И мы постоянно видели тов. Тимофеева с иностранными словарями.

Из-за состояния здоровья матери тов. Тимофееву пришлось переселиться в Крым. Кафедра столкнулась с затруднениями при определении темы диплома. Сперва наметили темой Генуэзскую крепость. Потом решили, что не стоит ее штурмовать как тему диплома и остановились на творчестве М. Волошина. О том, как он с этим справился, здесь уже говорили (Работа получила высокую оценку. – Прим. авт.). Я только хочу сказать, что т. Тимофееву было нелегко, как человеку; последнее время он работал кочегаром, но от него мы жалоб не слышали. Мы слышали только захлебывающиеся рассказы о находках.

Его знания, эрудиция могут принести большую пользу Крыму. Хочется, чтобы он не оставлял их втуне, он может быть чрезвычайно полезен в организации публичных лекций, университетов культуры, воскресных чтений.

Хотелось бы, чтобы он занялся организацией лектория. В Алупку приезжают люди со всего света, и они нуждаются в эстетическом просвещении. Проведение таких лекций под силу Тимофееву и сотрудникам Алупкинского дворца-музея. Я уверена, что вы будете там очень полезным способным человеком, и мы скоро о вас услышим”.

Последние слова были пророческими, как в том могла убедиться сама проф. Галеркина, приезжавшая погостить к своему бывшему ученику в Алупку..

Постепенно вокруг Тимофеева собирались интересные люди. Здесь можно было говорить на темы, в то время запретные. Слух об этой фигуре распространялся среди творческой интеллигенции. Его дом (скромное обиталище, но зато в четверти часа ходьбы от дворца, который он показывал, сопровождая интереснейшим рассказом) не зря называли вторым домом Волошина: этому его друзья-литовцы посвятили специальную статью в своем журнале. Действительно, это был оазис свободной мысли.

Настоящий университет организовал Тимофеев на страницах “Курортной газеты”. В 1965 г. он избрал в качестве темы диссертации “Дворцово-парковый ансамбль в Алупке. История создания” (научный руководитель – член-корр. АХ СССР профессор И. А. Бартенев). И все результаты своих изысканий он публиковал в многочисленных статьях, доступных широкому читателю. Занявшись историей строительства дворца и прекрасно владея английским, он наладил переписку с потомками графа Пемброк, владельцами старинного поместья Вилтон-хауз, превратившими его в музей. Они состояли в родстве с Михаилом Семеновичем Воронцовым: его родная сестра некогда стала женой графа Пемброка. Благодаря этой переписке раскрылись важные страницы истории Алупкинского дворца. Можно сказать, что благодаря его неутомимому научному любопытству коллекция живописи дворца, в основном датируемая XVIII–XIX вв., обогатилась двумя произведениями принадлежащими XVI столетию. Это прославленная “Мадонна Магнификат” Боттичелли, которая оказалась не поздней копией, а авторским повторением; это портрет одного из предков Пемброков в латах венецианской работы, аналогичный портрету, хранящемуся в родовом замке Вилтон-хауз, Англия. Как реставратор, он вернул к жизни немало ценных полотен. Замечательно и другое его деяние – благодаря его изысканиям знаменитая Альгамбра – так называют нишу южного фасада Алупкинского дворца - вновь обрела свои нежные краски. Нам теперь трудно представить, что она после ремонта была просто белой. Понадобились поиски доказательств, настойчивость в том, чтобы убедить начальство, и неусыпное наблюдение за ходом работ, чтобы Альгамбра снова пришла в прежнее состояние.

Многое, чем увлеченно занимался Тимофеев, не могло быть тогда напечатано. И в результате остались папки, набитые материалами, – готовые разработки тем, где тексты и вырезки были смешаны с иллюстрациями, – ведь он был художник и мыслил не только в слове, но и в образе. Но он привык выражать себя больше в слове, в общении – кто-то метко назвал его “человеком

устной культуры”. Это был ходячий университет для многих, жаждущих правдивого слова о нашей действительности как живой воды.

Среди его увлечений видное место занимала лингвистика. Судьба не напрасно привела его жить в краю, населенном некогда древним и загадочным народом тавров. Были известны их каменные ящики, циклопическая кладка стен, античные легенды, согласно которым они поклоняются богине Деве и приносят ей в жертву чужеземцев. Похоже, античные греки черпали представление о таврах по трагедии Эврипида “Ифигения в Тавриде”. Ифигения, дочь Агамемнона, была предназначена в жертву Артемиде, но богиня перенесла ее в Тавриду, где сделала своей жрицей. Ей пришлось приносить в жертву чужестранцев, пока в руки ее попали родной брат Орест с другом Пиладом. Возник заговор с целью их спасения и похищения кумира богини, уставшей от кровавых жертвоприношений, в Грецию... Легенды – легендами, а народ тавров оставался загадкой: *“С этими таврами в лингвистическом отношении просто не знали, что поделать, ведь ничего от них не осталось, - говорил Олег Николаевич. - Ну, в культурном, историческом, археологическом отношении остались известные каменные ящики, и пресловутая какая-то жестокость самих тавров, - может быть, "санитарная" их жестокость по отношению к заезжим чужеземцам, которым они всегда готовили смертельный исход, и так далее. Уже у Геродота, далее, ясно, что тавры - это "другой народ", не скифы. Несмотря на все эти попытки нащупать предков тавров в Сев. Предкавказье, какие-то связи с абхазами, черкесами и т.д., очевидно другое, - а именно, что они имели совершенно отличную этнолингвистическую принадлежность.*

Словом, народ получался мифический, а каковы же были в действительности жившие в этих местах племена? Случилось так, что Леонид хорошо знал не только языки европейские, но и литовский, знание которого, согласимся, достаточно редко. Это один из самых древних языков индоевропейской языковой семьи, и нетрудно понять, что в круг интересов Лени это также входило. И вот, задумываясь над загадкой тавров, он обратил внимание на местные названия и попытался их расшифровать. Разумеется, будут правы те, кто скажет, что это был интерес дилетанта, но на это можно возразить, что, во-первых, открытия делаются на стыке наук и для этого требуется очень широкий кругозор, а во-вторых, во время поставленный вопрос – искать ответ в остатках таврской топонимики – весьма ценен и в какой-то степени предreshает ответ.

Для нас весьма примечательно, что примерно в это же время вопрос о языке тавров прочно завладел вниманием ученого, как нельзя лучше подготовленного к решению подобной задачи – О. Н. Трубачева – в то время известного слависта, члена-корр., с широкими интересами в области индоевропейистики. В ходе презентации книги “Индоарика” он сам рассказал, как это произошло: “А в 1973 году приключился со мной казус – острый приступ панкреатита, который отправил меня в больницу. И вот, как ни забавно это звучит, острые боли, необходимость соблюдать врачебную диету (холод,

голод, покой) и... как следствие этого, – прояснение ума, умственных способностей, которое естественно возникает во время поста.

И вот тогда я вдруг задумался над словами Плиния из "Естественной Истории", с латинской краткостью там было приведено название Черного моря у скифов. Скифами называлось население этих мест, куда входит не только Крым, но и Новороссия, Одесская, Херсонская области, Запорожье, части Придонья, Украины и России, Предкавказье. Я уже интересовался кое-какими вещами, читал классиков, знал слова Плиния – *Temarundam matrem maris*. Значит, Меотиду скифы называли *Temarundam* (винительный падеж), что означало "мать Черного моря"; естественно, я увидел в этом кальку, спрашивается, - на каком языке?

У всех толкование получалось по-разному, а я прочел так: *Tem-arun-da*, первый член – "Тем" – видимо, "темный", "черный" – это видел уже А. И. Соболевский. и некоторые другие. Я же увидел здесь второй член *arun-*, родственный индоевропейскому названию моря, имеющемуся в хеттском *aruna* "море", древнеиндийском (*arṇa* "пучина"); и последний, третий член "да" из индоевропейского *dhe* "кормящая грудью". Это на все сто процентов соответствовало плиниевскому глоссовому концу толкования "мать моря". *Temarun* – это название Черного моря, *da* "кормящая". Спрашивается, на каком языке? Тут и пошли мои расхождения со скифским, ибо скифы, – это надобно ради ясности сказать, с точки зрения современных индоевропейцев относятся к иранской группе. Скифы, сарматы, а сейчас осетины – все, что осталось от этих восточных иранцев, ранее заполнявших весь Юг нашей родины. Иранцами они были по языку. По-ирански это не читалось. Доказано, что *axšaina* "темный", "не-светлый", " море" *zraua* (ср. перс. *darua*) в древней его форме, то есть по-скифски это звучало бы совсем иначе. Так, для меня пребывание в больнице в полуголодном, постном состоянии проходило под знаком поисков "не-скифского в скифском". Итак, В 1973 г. было выдвинуто, а в 1975 г. вышло очерком "*Temarundam matrem maris*" – моя заметка по Плинию; за ней последовали "Язык синдов" в "Вопросах языкознания" (1976 г) и другие.

Эти-то статьи, напечатанные в достаточно редком, точнее, предназначенном для узкого круга специалистов журнале, и попали на глаза Лене Тимофееву, что само по себе свидетельствует об интенсивности его интереса. И он принял решение отправить письмо их автору. Его отговаривали – станет ли маститый ученый отвечать искусствоведа, заведомо дилетанту в вопросах лингвистики! Леню это не смутило, письмо он отправил – и получил ответ! Обстоятельный, ободряющий... Как видно, самому О. Н. было приятно и виделось что-то символическое, что в далекой Тавриде, сохранившей реликты языка древнего исчезнувшего народа, нашелся человек, воспринявший его открытие столь горячо и эмоционально.

Можно сказать, что в лице Леонида Тимофеева он обрел "собеседника и совопросника". А новый его собеседник и совопросник был человеком, от которого как круги по воде распространялась информация об этом открытии,

становясь достоянием тех, кто живо интересовался историей. В том числе для автора этих строк слова “Темарундам матрем марис” впервые прозвучали как музыка именно в доме Тимофеева.

Читая сохранившиеся письма, видишь, что именно в это время ученый именно в это время был занят “поиском возможных следов языка тавров, а также вообще индоарийцев в Сев. Причерноморье” (письмо от 11.10.1978). Живое обсуждение этих вопросов, участие столь заинтересованного собеседника, каким был Тимофеев, вероятно, способствовало созданию благоприятной рабочей атмосферы вокруг этих поисков. Как явствует из писем, О. Н. высылал Л. Т. собственные статьи, словари Фасмера, выпуски Этимологического словаря русского языка XI–XVII веков, информировал о новых книгах. А Леня посылал свои акварели, получившие высокую оценку: “Все домашние, которым были показаны ваши акварели, пришли от них в восторг, – писал Олег Николаевич. – Теперь надо приискать хорошие рамочки для достойного содержания “Тимофеевки” (назовем так это собрание)” (письмо от 24.05.1979).

Переписка перешла в личное знакомство и дружбу. О. Н., бывая в Крыму на отдыхе и посещая вместе с супругой дом Тимофеевых, теплел сердцем, глядя на это совершенно “тавское” жилище, на маленьких дочек, которых было уже четверо. Жизнь была трудной, но благодаря помощи друзей, встречам и необычайно интересным беседам, жизнерадостности и неистощимому юмору самого хозяина дома посещение его оставляло ощущение праздника. Дом этот стоит того, чтобы его описать, иначе трудно пояснить, где именно происходит изображенная на фотографии сцена застолья с участием четы Трубачевых. Так вот, по приезде в Алупку Л. Тимофеев с матерью получили комнату с кухней в доме старой застройки и чрезвычайно узкую, но длинную полосу двора. Неудобство расположения искупалось близостью к морю и ко дворцу-музею. Тимофеев подошел к вопросу благоустройства своего жилища творчески: там, где было крыльцо, он устроил дворик – “патио”, отделив его маленькой, но двухэтажной постройкой, с хозяйственным назначением внизу и “кабинетом” наверху. Был он деревянный, три стены его составляли полки с книгами, а четвертая была застеклена и сквозь нее за завесой зелени было видно море; на крыше был люк, туда забирались по приставной лестнице – днем можно было загорать, а ночью созерцать звездное небо. Все было рассчитано на благодатный климат, но каково там было осенью и в сырую зиму, когда ветер задувал во все щели?... Но возвратимся к патио, где все обычно собирались. Это была своего рода комната под открытым небом, вымощенная каменными плитами, одна стена старинной каменной кладки принадлежала самому дому и была увита виноградной лозой и вьющейся розой, над головой было небо и можно было ухитриться увидеть кусочек моря; четвертую стену, возведенную собственноручно, Леня расписал видом Тракайского замка. Фреска эта, периодически подновлявшаяся, имела важное значение: она символизировала путь “из варяг в греки”, или из Балтики в Таврику, сделанный самим Леонидом – уроженцем Санкт-Петербурга, где проживали его предки, в

большинстве своем офицерского звания. Но почему же был выбран именно Тракайский замок? Леня гордился своим предком – генералом Тимофеевым, героем Бородина, которому был поставлен в Новодевичьем монастыре большой мраморный памятник с надписью “От благодарных подчиненных”, с его барельефным портретом и гербом, составленным с преобладанием западных рыцарских мотивов. Это объяснялось тем, что генерал И. Тимофеев за заслуги был награжден поместьями в Литве, где с тех пор сохранялось немало дружеских связей.

▣

© Андрей Геннадиевич Чередниченко
(Коктебель – Белгород)

ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ГОРОДИЩА САРЫ-КАЯ (АНТИЧНОГО ГЕРМИЗИЯ) В КОКТЕБЕЛЬСКОЙ ОКРУГЕ

Городище Сары-Кая в окрестностях п. Коктебель и с. Наниково можно отождествить с античным Гермизием. Будущие археологические изыскания на Сары-Кая позволят более полно реконструировать картину жизни боспорского города, выяснить, существовало ли какое-либо поселение на его месте ранее IV в. до н. э., использовались ли укрепления античного города в раннесредневековую эпоху.

Ключевые слова: Коктебель, Наниково, городище Сары-Кая, Гермизий, Боспорское царство, скифская ономастика.

Многие древности Таврики и Великой Скифии всё ещё ждут своих открывателей. Но, благодаря изысканиям академика О.Н. Трубачёва, число «белых пятен» в древней истории и лингвистической палеонтологии Северного Причерноморья значительно сократилось. Отождествление сохранённых античной традицией географических названий с конкретными археологическими и природными объектами – важная задача исследователей Крымского полуострова и сопредельных территорий. Например, в округе Коктебеля обнаружено городище, расположенное на горе Сары-Кая. Оно известно только по археологическим разведкам 70–80-х гг. прошлого века. Полномасштабные раскопки там не велись. Но очень вероятно, что данное городище является античным Гермизием, о котором сообщает географ Помпоний Мела (I в. н.э.).

В 70–80-х гг. XX столетия экспедиции Феодосийского краеведческого музея (ныне – Феодосийский музей Древностей (краеведческий музей)) и исторического факультета Запорожского государственного университета (ныне – Запорожский национальный университет) проводили археологические разведки на горе Сары-Кая (высотой 336 м), составляющей единый комплекс с горой Коклюк (высотой 345 м). Коклюк и Сары-Кая являются западной

оконечностью хребта Узун-Сырт (горы Клеменьтева) в 16 км к юго-западу от Феодосии, в 3,5 км к юго-западу от с. Отважное Феодосийского горсовета, в 1,5 км к северо-западу от с. Наниково Коктебельского поссовета Феодосийской административной зоны. Северный склон Сары-Кая покрыт густым лесом и кустарником, южный склон крутой, с выходами скальной породы. Северный склон широкими террасами понижается к плато. На востоке Сары-Кая («Желтая скала») отделяется от соседней горы широкой ложиной, на западе и северо-западе отделена от плато оврагами. Во всем обозначенном ареале с прилегающей частью плато были выявлены находки, свидетельствующие о существовании здесь городища античной эпохи³⁵. Площадь городища составляет до 8 га. Общая площадь распространения находок примерно 50 га.

Городище имело внушительные укрепления. На скальной вершине Сары-Кая находился акрополь, окруженный стенами. Жилые кварталы располагались в основном на восточном склоне горы и защищались земляным валом.

Основание городища датируется концом IV в. до н. э. В начале I в. до н. э. начинается его упадок. Затухает жизнь на Сары-Кая к началу II в. н. э.

Город-крепость на Сары-Кая входил в оборонительную систему хоры полиса феодосиополитов, в эпоху подчинения того царям Боспора Киммерийского (примерно с 355 г. до н.э.). Расцвет города пришёлся на время правления боспорских царей из династии Спартокидов (438–109 гг. до н. э.).

При осмотре Сары-Кая, на поверхности различных участков этой горы, преимущественно в юго-западной части, наименее потревоженной, были видны впадины прямоугольной формы размером до 10 x 25 м, ориентированные с запада на восток и ограниченные каменной кладкой. По ширине они расчленялись двумя-тремя кладками из мелких камней. Судя по всему, это – остатки сооружений. Выходы на поверхность кладки и мелких камней отмечены также в центральной части северного склона.

Северный и северо-восточный склоны изрыты траншеями, ориентированными по длинной оси в различных направлениях. В срезам траншей обнаружены остатки культурного слоя мощностью на отдельных участках до 1,5 м. В северо-западной части склона, в траншеях, ориентированных с севера на юг, прослеживаются остатки выложенных из мелких камней кладок, располагающихся параллельно друг другу. На отдельных участках кладка имела высоту до 1,4 м, а ширину до 6 м. По срезам траншей можно предположить наличие двух рядов кладки, длина которых могла

---

³⁵ Археологическая экспедиция Феодосийского краеведческого музея проводила в конце 70-х гг. в т. ч. раскопки античного укрепленного поселения на вершине северо-западной оконечности хребта Биюк-Янышар (в 1,2 км к югу от южного конца улицы Хуторской с. Южного Феодосийской административной зоны), которое в IV в. до н. э. – III в. н. э. входило в оборонительную систему сельскохозяйственной хоры античной Феодосии.

достигать 100 м. Наличие в вертикальном срезе траншей кладок, разделённых грунтовой прослойкой, свидетельствует о двух и более строительных горизонтах.

В срезах траншей и на территории памятника выявлены фрагменты амфор. Преобладают фрагменты косских амфор, меньше представлены синопские, родосские и боспорские амфоры. Сборами на поверхности памятника составлена достаточно большая коллекция гончарной и лепной посуды, бус.

Наибольшая мощность культурного слоя, отмеченная в центральной зоне памятника, достигает 2-х и более метров. Здесь же в срезе траншеи обнаружена кладка из мелких камней, уложенных плашмя друг на друга, и многочисленные куски печины. В северо-восточной части горы находится разрезанный на две части мощный зольник высотой до 4-х метров. В срезах зольника обнаружены немногочисленные обломки керамики – красноглиняной и сероглиняной посуды. Восточнее зольника в 100 м обнаружены выходящие на поверхность плоские камни, образующие круг диаметром до 3,5 м; поверхность их чуть наклонена. Не исключено, что эти камни искусственного происхождения.

У подножия северо-восточного склона Сары-Кая исследованы несколько курганов некрополя античного городища, отделённого от горы неглубокой ложиной. Невысокие насыпи этих курганов окружались обкладками из камней – кромлехами. В центре огороженных кромлехами площадок помещались погребальные камеры. Некоторые могилы имели вид каменных ящиков – дольменов, которые были возведены на уровне древней поверхности и присыпаны поверху тонким слоем земли. Но в большинстве случаев погребальные камеры заглублялись в грунт и покрывались массивными плитами. Такие сооружения предусматривали возможность повторных захоронений. Так, в одном из склепов обнаружены 40 погребённых, размещённых не только в погребальной камере, но даже в коридоре-дромосе. Кремации в некрополе городища на Сары-Кая не найдены. В могилах выявлен разнообразный погребальный инвентарь: браслеты, бусы, изготовленные из стекла, пасты, сердолика и яшмы, перстни, бронзовые зеркала, лепная посуда, выполненная в традициях скифского и гето-фракийского керамического производства, и другая утварь, в т.ч. фрагменты чернолаковой посуды, «мегарских» чаш, амфор, а также пряслица, железные ножи. Лепная керамика представлена, прежде всего, сосудами горшковидной формы, диаметр венчиков которых в ряде случаев достигает 25 см. Отдельные сосуды подлощены. Учитывая присутствие лепной керамики и каменных ящиков, можно сделать вывод, что погребальная обрядность данного некрополя сочетала скифо-фракийские и таврские черты.

Есть все основания поддержать гипотезу А. К. Шапошникова, согласно которой, либо скалы на южном склоне горы, либо кромлехи на курганах некрополя дали повод эллинам и скифам назвать укреплённый городок на Сары-Кая *'Ερμεῖσιον, т.е. 'место, изобилующее гермами (вертикальными каменными стелами, истуканами)'. Римский географ Помпоний Мела (I в. н. э.) передал это

название на латинском языке как **Hermisium** (Pomponii Melae De chorographia [De situ orbis] libri tres. I, 2, 3).

Возможные будущие археологические изыскания на Сары-Кая позволят более полно реконструировать картину жизни древнего Гермизия, выяснить, существовало ли какое-либо поселение на его месте ранее IV в. до н.э., использовались ли укрепления античного города в раннесредневековую эпоху.

Литература

Гаврилов А. В. Округа античной Феодосии. – Симферополь: Азбука, 2004. – 368 с. [С. 33].

Катюшин Е. А. Феодосия. Каффа. Кефе: Исторический очерк. – Феодосия: Издат. дом «Коктебель», 1998. – 160 с., ил., 8 с. цв. вкл. – (Библиотека альманаха «Крымский альбом». Вып. 6) [С. 39 – 49].

Маленко Л. М. Городище Сары-Кай // Древности степного Причерноморья и Крыма: Сборник научных трудов / Запорожский государственный университет; Ред. коллегия: Г. Н. Тошев, Г. И. Шахров, Г. И. Шаповалов. – Вып. 1. – Запорожье: Изд-во Запорожского госуниверситета, 1990. – С. 145 – 150, ил.

Andrei G. Cherednichenko
(Koktebel – Belgorod)

Perspectives of Archaeological Researches at the Site of Sary-Kaya (Antique Hermisium) in Koktebel Area

The archaeological site on the hill of Sary-Kaya is situated near the village of Nanikovo in Koktebel area. It can be identified as the antique town of Hermisium. Future archaeological researches will better reconstruct the picture of life of the Bosporan town. They can help to determine whether there was a settlement on the hill of Sary-Kaya before the 4th century BC. It will be possible to answer the question on the use of the fortifications of the ancient time in the early medieval era.

Key words: Koktebel, Nanikovo, the archaeological site on the hill of Sary-Kaya, Hermisium, the Bosporan Kingdom, Scythian onomastics.

© Нурсулу Жамалбековна Шаймерденова
(Астана)

«КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ» КАК УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИЯЗЫЧИЯ

В поликультурном и полиязычном Казахстане на государственном уровне реализуется культурный проект «Триединство языков», направленный на овладение гражданами Казахстана тремя языками. Согласно данному проекту. «Казахский язык – государственный язык, русский язык как язык межнационального общения и английский язык – язык успешной интеграции в глобальную экономику».

Естественно, все это сказывается на обучении студентов гуманитарного профиля в вузах Казахстана, проявляющееся в рассмотрении некоторых дисциплин в полифонии различных направлений и культур.

Обратимся к учебной дисциплине – «Классическая филология», которая является пропедевтическим курсом в рамках бакалавриата по специальностям «Иностранная филология», «Тюркология» и др.

Данная учебная дисциплина отличается тем, что в условиях полиязычия следует значительно расширить границы содержательной части изучаемого предмета и включает такие вопросы, как античная языковедческая традиция, восточная и тюркская классическая литература. При этом требуются огромные усилия, прежде всего, от преподавателя, поскольку объем часов и содержание дисциплины находятся в полном несоответствии. При маленьком количестве часов, отводимых на изучение данной дисциплины, необходимо освоить столь объемный и крайне важный курс, который не просто дает общие знания, но и направляет студентов на исследовательскую и самостоятельную работу. Тем более, что в рамках кредитной системы обучения значительная часть часов отводится на самостоятельную работу студентов, которые, владея современным уровнем информационных технологий, легко и быстро смогут найти необходимые материалы.

Современные преподаватели также, используя весь арсенал своей подготовки и опыт известных ученых, обучают студентов данной учебной дисциплине, активно внедряя инновационные технологии.

Огромную помощь при этом оказывают «Беседы о методологии научного труда» О. Н. Трубочева, а также его фундаментальные труды, способствующие с первых занятий усвоить научные истины и, которые в дальнейшем помогают самостоятельно привлекать и изучать тот или иной вопрос.

Впервые опубликованные в 1993 г. «Беседы о методологии научного труда» О.Н. Трубочева и размещенные на сайте [http: gramota.ru](http://gramota.ru) [1], остаются настольной книгой, как для молодых специалистов, так и для уже занявших свое место в науке известных ученых. Данный труд позволяет увидеть истоки филологической науки и осмыслить роль и место древних изысканий в

современном технологическом мире, где слово остается все также важнейшим инструментом общения, от которого зависит многое, а информационно-коммуникативное пространство становится столь широким, что требует комплексного подхода и особенно внимательного отношения к словам.

Так, в своих «Беседах...» О.Н. Трубачев отмечает: «Знание изучаемого вопроса есть одновременно знание своего места в его исследовании. Мы должны, далее, иметь в виду, пишет Шмилауэр, что мы не первые, кто работает над данной проблемой либо в данной проблемной области, что до нас уже делали наблюдения и думали. И что об этом существуют письменные свидетельства [2]. Далее у него же: «Мы не должны думать, что наука начинается с нас или с нашего учителя» [3]. Нам кажется, что мы открыли что-то новое. Спокойно, лучше проверить, помня, что говорится у Экклезиаста (1,10): «Бывает, конечно, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но это было уже в веках, бывших прежде нас» [4]. Отстаивая свое новое, мы бываем запальчивы, и нам тут же делает замечание хороший педагог Шмилауэр: «Полемику...вообще целесообразно вести умеренно; чужие мнения вовсе не обязательно всякий раз тут же опровергать» [5].

Все содержание «Бесед...» и, в частности, данный фрагмент позволяют выделить три важных аспекта при исследовании изучаемого вопроса и усвоении дисциплины:

- 1) выяснение своего места в исследовании в соответствии с избранной специальностью и дальнейших перспектив;
- 2) письменные свидетельства тех, кто делал открытия до нас;
- 3) осмысление того, что нового было уже в предшествующих веках и выяснение важнейших постулатов науки;
- 4) знакомство с чужим мнением, с выявлением того, что может быть Вам полезно и что вызывает дискуссию.

Изучая фундаментальные труды классиков, студенты лучше понимают и осмысливают цель «Классической филологии»: ознакомление с основными этапами формирования языков, письменности, языковедческих традиций, художественной культуры и литературы, мифологии, античной языковедческой традиции, и традиций народов Востока с древнейшего периода и включая средневековье. При этом основное внимание уделяется культурно-историческому значению классических языков (санскрита, древнегреческого, латинского, чагатайского, старославянского) и культур в формировании современных филологических представлений, норм литературного языка, праязыкового периода, этногенеза и мн. др. вопросов классической филологии.

В рамках изучаемой учебной дисциплины студенты знакомятся с основополагающими классическими трудами, получают сведения о классических языках и, используя интернет, могут самостоятельно углубляться в изучение того или иного вопроса. Предложенные преподавателем презентации, рефераты, научные исследовательские проекты способствуют развитию умений критического осмысления языковедческих традиций античной, западной,

восточной, тюркской цивилизаций и современных научно-теоретических воззрений относительно форм и разновидностей культурно-исторического развития.

В процессе изучения основных этапов развития классических языков – санскрита, древнегреческого, латинского, чагатайского, старославянского и др. происходит формирование основных методик культурологического, текстологического и лингвистикоисторического анализа памятников древности – античности и востока. Это позволяет увидеть временную и пространственную взаимосвязь между народами и их языками.

Анализ учебно-методического комплекса по «Классической филологии» преподавателей ЕНУ им. Л. Н. Гумилева – Аманжоловой Д.Б., Бурибаевой М.А., Шаймерденовой Н.Ж. [6] – позволил высветить новые подходы к изучению «Классической филологии» в контексте трансформации образовательной системы Казахстана с учетом кредитной технологии и подготовки студентов, обучающихся с установкой на полиязычие.

Профессиональное образование в условиях полиязычия должно меняться и, несмотря на то, что часы на латинский язык значительно сократились или не включены в обучение (об этом следует бить тревогу), изучение «Классической филологии» в какой-то степени может устранить намечающиеся проблемы, поскольку актуализирует теоретико-методологические аспекты предшествующих эпох, знакомит с фундаментальными трудами классиков и позволяет увидеть языковую палитру древнейшего периода в развитии обществ.

Литература

1. Трубачев О.Н. Беседы о методологии научного труда. Впервые опубликованы в журнале «Русская словесность», 1993, №1 // См. также [Электронный ресурс]: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/philology/28_105
2. Smilauer V. Technika filologicke prace// Наукоедение: проблемы развития науки. – М., 1979. – С. 38 / Цит. по [Электронному ресурсу]: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/philology/28_105
3. Там же: С. 14. Цит. по [Электронному ресурсу]: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/philology/28_105
4. Екклесиаст, также Экклесиаст– 33-я часть Танаха, 7-я Ктувим, название ветхозаветной библейской книги, которая в христианской библии помещается среди Соломоновых книг; сохранилась в переводах, свидетельствующих о ее популярности.
5. Там же: С. 43. Цит. по [Электронному ресурсу]: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/philology/28_105
6. Учебно-методический комплекс «Классическая филология». – Астана: ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, 2013 г. /на правах рукописи/.

© Александр Константинович Шапошников

РАННИЕ СКИФО-БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ИЗОГЛОССЫ ИЗ СКИФИИ ВЕЛИКОЙ

В результате всеобъемлющего обозрения языковых реликтов Северного Причерноморья (Шапошников 2007) в поле зрения этимологов попали некоторые замечательные скифо-балто-славянские изоглоссы (изолексы!), являющиеся неоспоримым свидетельством единого происхождения скифских, балтийских и славянских диалектов. Несколько таких удивительных изоглосс имеют почтенный возраст, так как получили письменную фиксацию еще во времена Гекатея Милетского и Геродота Галикарнасского. Рассмотрению этих изоглосс посвящен данный доклад.

скиф. Ἀλδιος ~ лит. *aldijà, eldijà* ‘челн, однодеревка’ ~ праслав. **oldi, *oldbja* ‘ладья’;

скиф. Ἀλιζόνες (Ἀλιξόνες?) Ἀλιζῶνες ~ лит. *alksnà* ‘ольха’ ~ праслав. **olbxa* ‘ольха’;

скиф. **arelis* (*Апель Епель Опель*) ~ прусск. *arelie*, лит. *arēlis, erēlis*, лтш. *erelis* ‘Adler’ ~ праслав. **orbь* < **arilas*;

скиф. Ἀργότας, Ἀργόδας, Ἀργόδα ~ лит. *ragiùotas* ‘рогатый’ ~ праслав. **orgatь / *rogatь* ‘рогатый’;

скиф. пристав. *au-* (Ἀυχάται, Αὔασις, Αὔασκισ) ~ лит. *au-liñkt*, лтш. *au-manis* ~ ст.-слав. *оу, ѡ*, русск. *у*;

скиф. Ἀῦλος ~ лит. *aulys, avilyš*, лтш. *aulis* ‘вид улья’ ~ др.-пруск. *Оуль* или *Оуль*, *оуличи* < **ūlitji*, ст.-слав. *оулинь* ‘углубление в дереве’;

скиф. **auunda* ‘вода’ (*Авунда, Аунда-Узень*) ~ др.-пруск. *wundan, unds*, лит. *vanduõ, -eñs*, жем. *unduo*, лтш. *ùdens* ‘вода’ ~ праслав. **voda* ‘вода’;

скиф. Βάβας, Βάβης, Βάβος, Βάβα, Βάβου ~ лит. *bóba*, лтш. *bāba* ‘старуха, баба’ ~ праслав. **baba*; или ~ др.-пруск. *babo* ~ праслав. **bobь*;

скиф. *Buces/Buges coreto Maeotis*, гидроним *Бай-Буга* в Феодосии ~ лтш. *bauga* ‘топкое место у реки, плохая заболоченная почва’ ~ праслав. **būga* ‘сырое, топкое место, затопленный весенними разливами береговой лес и кустарник’;

скиф. Δεῖος, Δείου ~ лит. *diėvo* ‘божественный, -ая, -ое’ ~ праслав. **dīvь* ‘лесной дух’;

скиф. Δούλας, Δούλα, Δουλοσπόροι, *Доуло* ~ лит. *duðlas* ‘ungehornt, hornlos’, лтш. *duoļš* ‘безрогий’, *duols, duolas, duolis* тж. ~ праслав. **dūlēti* ‘толстеть, пухнуть’;

скиф. Δροβόλους ~ лит. *drobùlė* ‘Leinentuch, Laken’, лтш. *drābule* ‘Laken’ ~ праслав. **droba, *drobiti, *drobь, *drobь, *drobьlivь, *drobьнь, *drebiti, *drobiti, *drebь, *drebьнь*;

скиф. пристав. Εἰσ-γούδιος, Εἶσα ~ лит. пристав. *iš-* ~ праслав. пристав. **jьz-*;

скиф. Γάδας, Γάδα Γάδεις, Γάδειος ~ лит. *giūdas* ‘Ehre, Verehrung, Bewirtung’, лтш. *gūods* ‘Ehre, Ruhm’ ~ праслав. *goditi, *godъ, *godjъ;

скиф. Ἀζαγάριον ~ лит. *gāras* ‘(Wasser)dampf, leidenschaftlicher Wunsch, heftige Begierde, eifriges Streben, Eifer’, *garaĩ* ‘Kohlendunst’, лтш. *gars* ‘Dampf, Qualm in der Badestube, Geist, Seele u. a.’ ~ праслав. *garъ, *garъ и *žarъ;

скиф. Турιστάκη ~ лит. *ištaka* ~ праслав. *jьztokъ;

скиф. *Cantio-captae* ~ лит. *kaĩpas* < *kamtas ‘кут’ ~ праслав. *katja, *katъ;

скиф. *carcamō*, *carcamogni*, *charcamogni*, *canchamogni*, *carcauogni*, *carcabogni*, *carcauo[gni]*, *Акманай* ~ лит. *akmiō* ‘камень’ ~ праслав. *kamy, *kamene;

скиф. Καφά, Καφᾶς, *Caffá*, *Cafá*, *Kefé* ~ лит. *korà* ‘песчаная дюна’, *kāpas* ‘могильный холм’, *kapai* ‘могила, кладбище’, лтш. *kaps* ‘могила’, *kāpa* ‘дюна’ ~ праслав. *korъ ‘копь’;

скиф. *Cantio-captae* ~ др.-прусс. прич. прош. страд. *enkopts*, лит. гл. *kapti* ‘рубить’ ~ праслав. *kapati, *kopnъti;

скиф. Ἰπακύρις, *Υραcares*, *Pacyris* ~ др.-прусс. *curwis* ‘Ochse’ ~ праслав. *krivъ;

скиф. Μάης, Μαέους ~ лит. *móti*, *móju* ‘махать рукой, подавать занк’, лтш. *māt*, *māju* тж. ~ праслав. *majati;

скиф. *Macara*, *Machara*, *Machare*, Μαχαρηνοί, Μακορες, *Macores*, *Machares* ~ лит. *Makaraĩ*, лтш. *Makari*, лит. *mākaras* ‘подвижный, бойкий человек; непоседа’ ~ праслав. **mokrъ(jъ)*;

скиф. Ναύακος ~ лит. *naujōkas* ‘новичок’, ‘новобранец’ ~ праслав. *novakъ;

скиф. Νευροί· Νευρών, Νευροί, Νευρίς, Νευρίται, *Neuroe* ~ лит. *Norowa*, *Narāvai*, *Nerāvai* ~ праслав. *norvъ или *nyra, *nyrъ, *nyrъkъ;

скиф. *Pa-nasagorum*, Πα-συρίς ~ лит. *pō* ~ праслав. **po-*, **pa-*;

скиф. Παυτι-κάπης, Παυτι-κάπαιον ~ др.-прусс. *pentēs*, *peentes*, *pintis* ~ праслав. *pqtъ;

скиф. Πάραλος, Παραλάται, *civitas Parasinum* ~ лтш. *par-*, лит. диал. *paĩ*, *peĩ* ‘hindurch, hinüber’, ‘bei, zu’, лит. *par* ‘zurück, heim’ ~ праслав. **per-* ‘пере-, пре-’;

скиф. Φύσκη πόλις ~ лит. *puskas*, лтш. *puskis* ~ праслав. *puhъti;

скиф. *Placia* ~ лит. *plākē*, *-is* ‘невозделанная земля под паром, Brachsen, Brasten, blei, Plotze’, *plākanas*, глг. *plākti*, *plakù*, лтш. *plāce*, *plācenis*, лтш. *pluoki* ‘местоположение, положение; слой, пласт’, лтш. глг. *plakt* ‘становиться плоским, низменным, flach werden’, лит. *plākas* ‘пятно, клякса, Schmutzflecken, Kleks’, вост.-прусс. *plak* ‘пятно, Flek’ ~ праслав. *ploskъ,

скиф. *Plinos* ~ лит. *pilnas*, лтш. *pilns* ~ праслав. *pъlnъ;

скиф. Ῥομβίτη Ῥομβίτης, Ῥομβίτου, *Rombites* ~ прус. *Rumbith, Rumbytin* ~ ранне праслав. **romba*, древнейшая форма праслав. **ryba* ‘рыба’;

скиф. *Saloniti*, *Солони-пер* ~ др.-прусс. *Saloniten* ~ праслав. **solъnъ* ‘солёный’;

скиф. Σαύλιος, Σαυλίου, Σαυλίω ~ др.-прусс. *saule*, лтш. *saũle*, лит. *saulė* ‘солнце’ < **saulijā*, лит. *saulės, saulėtas* ‘солнечный’ ~ праслав. **sъl-n-ьce*;

скиф. Σέριμον ~ лит. *Sermas* ~ слав. *Срѣм, Церем* и *Церемский*;

скиф. Σαυρομάται, Σαυρομάτης, Συρμάται, *Sauromatae, Sauromata* ~ лит. *šiaurė* ‘север, полярный край’, *šiaūras, šiaūras* ‘холодный, северный, суровый’, *šiaurės vėjas, šiaurūs, pašiauris* ‘субарктическая зона’, *šiūras* ‘холодный, северный’, *šiūrūs* ‘резкий, холодный’ ~ праслав. **sěverъ* < **ç’auęras* ‘север’;

скиф. Σκιλόυρος, фрак. Σκίλας, *Scilus* ~ лтш. *škila* ‘осколок’, ‘полено’, лит. *skiltis* ‘отрезанный кусок’ ~ праслав. **ščel-*, **ščьl-* ‘щель’;

скиф. Σκύθης, Σκύθας, Σκυθεω, *Scythia Minor, Scythia Magna, Σκυθία* ή μικρά, ή μεγάλη, ή παλαιά, *Scythae, Σκύθαι, σκυθικός, Scuti, Scutum, Skudra* ~ др.-прусс. *scaytan* < **skaitan* ср. р. ‘шит’ ~ праслав. **ščítъ* < **sk’aitas* м. р. ‘шит’;

скиф. Σμόρδος, Σμόρδο ~ лит. *smiñdas* ‘тот, кто воняет’ ~ праслав. **smordъ, *smьrdъ, *smьrděti*;

скиф. Σούσας, Σώσαι, *Soza* ~ др.-прусс. *Sause*, лит. *sausas* ‘сухой’ ~ праслав. **sūxa* < **sausa*;

скиф. Σπαρόβαις, Σπαρόφοτος, Σπαροφότου, Σπόροι, Δουλοσπόροι ~ лит. *spėjus* ‘быстрый, стремительный, спешный’, *sparūs* ‘пружинистый, упругий, гибкий, бойкий, живой’, *spāras* ‘опора, подпорка, стойка’, лтш. *spars* ‘сила, размах’ ~ праслав. **sporъ* ‘спорый, обильный, щедрый’, ‘сильный, зрелый’;

скиф. Σπίνθων ~ лит. *spintà, spindà* ‘блеск, светлое сияние’, лтш. *spīda* ‘Lichtschein’;

скиф. Στραῦος, Στρούας; *Дустров* ~ лит. *srovė* ‘струя’ ~ праслав. **strūja, *obstrovъ*;

скиф. Συλεύς, -συλη с предполагаемым знач. ‘лес’, *Шули, Шулю* ~ др.-прусс. *sulis* ‘стойка’, лит. *šūlas* ‘столб, косяк’ ~ сербо-хорв. *шўль* ‘чурбан, колода’, словен. *šūlj* ‘отпиленный ствол дерева, бревно’, русск. диал. *шула, шуло* ‘заборный столб’ (смоля.);

скиф. Тур-ισ-такη ~ лит. *taka* в составе *iš-taka* ~ праслав. **tokъ, *toka* в составе **jъz-tokъ, *pro-toka*;

скиф. Ἀν-τάλκης, Ροιμη-τάλκης Σει-τάλκης, Σει-τάλκου ~ лит. *talkà*, лтш. *tālka* ‘работники, созданные на подмогу’ ~ праслав. **tolкъ, *tolka* ‘трамбовка, давление, нажим’, ‘добровольная взаимопомощь’, ср. русск. *толока*;

скиф. *Taurus*, Ταυροι (реки Бай-Буга и Бык) ~ лит. *taūras* ~ ст.-слав. **тоуѣръ**.

скиф. Торокка ~ др.-прусс. *tarkue* ~ праслав. **torkъ*, вост.-слав. **torokъ* ‘торная дорога’;

скиф. *Τραυσός* ἔθνος, Ἀγαθύρσους ~ лит. *traušus* ‘ломкий, хрупкий’, *traūšiai* мн. ч. ‘хвощ’, ст.-лтш. *Trousz, traušs* ‘хрупкий’ ~ позд.-праслав. **trouхъ* (ср. чеш. *trouch* ‘лесная почва’, ст.-русск. ЛИ **Трѡха, Трѡшь**, ст.-русск. **трѡхъ** ‘ленивый, печальный, мрачный’);

скиф. *Τυρας, Τύρης, Τυρ-ιστάκη, Чур-Баш* ‘исток (речки) Чур’ ~ лит. *čiurėnti* ‘rieseln, sanft strömen; журчать, струиться’, *čiurlỹs, čiurkšlė* ‘Wasserstrahl, Strom; струя’, лтш. *čurēt* ‘mit Geräusch flieβern’ ~ праслав. **tiver-* (**ТИВЕРЬЦИ**) ~ др.-инд. *tivrā-* ‘быстрый, резкий’, инд. гидроним *Tivrā*;

скиф. Ὕγρις ~ др.-прусс. *wange*, лит. *vingis, vingris* ‘излучина реки’ ~ праслав. **vegrь* < **v’agris*;

скиф. Ὑπα(κύρις), Ὑπά(νις) ~ др.-прусс. *wurpan* ‘облако’, лит. *upė* ‘река’, *upė* < **urja* ‘вода’, лит. *Aise-upė*, лтш. *upe* ‘река, ручей’, *Aisa-upė* ~ дослав. **уора* ‘озеро, водоём’, цслав., ст.-болг. **вапа** ‘озеро, лужа’, λίμνη ~ др.-инд. ж. ‘пруд продолговатой формы’.

Эти полсотни очевидных изолексов тесно связывают скифские языковые древности с балтийскими и славянскими языками. Имеются еще 3 сотни исключительных скифо-балтийских и скифо-славянских изоглоссов (Шапошников 2012а, s. s. 252–308). При этом данные туземные языковые реликты не могли быть оставлены ни предковым видом балтийских языков, ни предковым видом славянских языков, так как они формировались в других ареалах: в Полесье и в Трансильвании соответственно. Остается наиболее вероятная атрибуция этих языковых реликтов – скифская. Перед нами языковое наследие именно скифского языка, который являлся близкородственным как прабалтийскому, так и праславянскому, более того, восходил к единому общему для них языковому предковому виду, который локализуется во фракийском ареале второй половины II тыс. до н. э. – первой трети I тыс. до н. э. (Шапошников 2012b, s. 546–552).

Гидронимическая изоглосса: ὕγρις в области свободных скифов на Северском Донце (V в. до н. э.) ~ **ВЛГРЪ**, *wihor, strywihor, wiaż, strwiaż* в области невров на Верхнем Днестре ~ *wange, strowange* в стране брутеннов (пруссков) на Преголи ~ *vingis, vingris* в стране литовцев. Первичная семантика апеллятива ‘излучина реки, речной меандр’. Очевидная скифо-балто-славянская изоглосса.

Литература

Шапошников 2007 – Языковые древности Северного Причерноморья (этимология языковых реликтов Северного Причерноморья). Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. М.: Ин-т Рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2007. – 817 с., библи. 30 с. 18 л. илл. Shaposhnikov A. K. Yazykovye drevnosti Severnogo Prichernomor'ya (etymologia yazykovykh relictov Severnogo Prichernomor'ya). Diss. dokt. philol. nauk [Linguistic Antiquities of North-Pontic Region (Etymology of North-Pontic Language leftovers). Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2007. 817 p. Available at: <https://sites.google.com/site/olegnikolaevicztrubaczew/home/etymology->

[of-np-antiquities;](https://sites.google.com/site/hermisium/home/north-pontic-antiquities) <https://sites.google.com/site/hermisium/home/north-pontic-antiquities> (accessed 30.12.2013)

Шапошников 2012a – Языковые реликты фракийского облика в Северном Причерноморье // Этимология 2009–2011. Отв. ред. Ж. Ж. Варбот. М.: Наука, 2012. – СС. 252–308

Шапошников 2012b – Финейды и восточно-индоевропейское языковое состояние // Езикът и културата в съвременния свят. Материали от Международната научна конференция, проведена в Университет «Проф. д-р Асен Златаров» – Бургас на 22 и 23 юни 2012 г. – 560 с. ISBN 978-954-8305-24-2 – сс. 546–552

© Вячеслав Константинович Щербин
(Минск)

ИДЕИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ В ТРУДАХ О. Н. ТРУБАЧЕВА

Пространственный поворот, наметившийся в 1980-х гг. во многих научных дисциплинах (история, социология, языкознание, литературоведение, философия и др. [Лоссау 2012: 100]), в немалой степени был подготовлен усилиями европейских лингвистов. В пользу данного вывода убедительно свидетельствует предыстория современной пространственной лингвистики, относящейся сегодня к когнитивно-дискурсивной парадигме. По мнению украинского исследователя А. Э. Левицкого, сегодня «пространство ... выступает для лингвиста в двух ипостасях: во-первых, как объект номинации с позиций лингвокогнитивного, ономазиологического, семантического, словообразовательного, а возможно, лингвокультурологического и межкультурного анализа; а во-вторых, как форма представления полученных в процессе исследования данных. Итак, пространство как некий контейнер способно отразить не только мир, в котором мы живём, но и результаты работы нашего сознания как по его познанию в целом, так и отдельных его составляющих» [Левицкий 2011: 6]. Однако к такому пониманию концепта *пространство* современное языкознание пришло не сразу, а лишь в конце длительного периода докогнитивного развития идей пространственной лингвистики.

На наш взгляд, предыстория современной пространственной лингвистики объединяет в себе следующие этапы: 1) этап лингвистической географии; б) этап неолингвистики и 3) этап ареальной лингвистики. Практически все ключевые идеи перечисленных выше докогнитивных этапов развития пространственной лингвистики нашли свое отражение в разновременных работах О. Н. Трубачева. Рассмотрению того, как

эволюционировали подходы О. Н. Трубачева к использованию идей пространственной лингвистики на различных этапах ее развития, и посвящается наш доклад.

Хронологические рамки и методологические особенности первого этапа развития пространственной лингвистики (этапа лингвистической географии) раскрыты О. Н. Трубачевым в его статье «Лингвистическая география и этимологические исследования» (1959). В частности, он считал, что в деле пространственного изучения языков «настоящий сдвиг начал осуществляться лишь в результате подготовки больших атласов европейских языков. В последней четверти XIX в. Г. Венкером были собраны и в незначительной степени опубликованы материалы «Лингвистического атласа Германской империи», а в первые десятилетия XX в. один за другим последовали «Лингвистический атлас Франции» Ж. Жильерона и Э. Эдмона, «Немецкий лингвистический атлас» Ф. Вреде, «Атлас Италии и Южной Швейцарии» К. Яберга и И. Юда. Методологические различия между этими работами оказались при этом весьма значительными» [Трубачев 2004: 211]. Проведя методологический анализ содержания перечисленных выше европейских лингвистических атласов, О. Н. Трубачев пришел к выводу, что «именно французским лингвистам мы обязаны созданием географии слов, именно им принадлежит честь разработки основных принципов и первых важных трудов в этой области» [Трубачев 2004: 212]. Таким образом, на первоначальном этапе развития лингвистической географии ее ключевые идеи и методы использовались для научного описания данных, ограниченных территорией одного языка. Не исключением являлось и пространственное описание славянских языков. В качестве примера можно привести первый в славянском мире диалектологический атлас белорусского языка, напечатанный П.А. Бузуком в качестве приложения к книге «Спроба лінгвістычнай геаграфіі Беларусі» (1929).

Насколько глубоко были усвоены О. Н. Трубачевым методы лингвистической географии, можно судить по содержанию двух его монографий «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья» (совместно с В. Н. Топоровым, 1962) и «Название рек Правобережной Украины» (1968). В первой из этих монографий преимущества указанных методов раскрываются следующим образом: «Среди лингвистических фактов особое место занимают те, которые содержат указание на территориальную приуроченность и тем самым вводят в более конкретный исторический контекст языковой материал, представлявшийся ранее исключительно в лингвистическом плане. Территориальная приуроченность названия включает в себе некоторые дополнительные возможности уточнения реального первоначального содержания этого названия» [Топоров, Трубачев 2009: 10]. Таким образом, к числу ключевых концептов лингвистической географии авторами монографии относится идея территориальной приуроченности названий (гидронимов Верхнего Поднепровья).

В свою очередь, использование такого ключевого приема лингвистической географии, как картографирование, по мнению авторов монографии, «дает эффективные результаты лишь в тех случаях, когда речь идет не о единичных фактах, а о совокупности однородных фактов. С другой стороны, такой подход дает возможность увидеть за лингвистическими фактами конкретные моменты этнических контактов и передвижений и определить отдельные этапы в освоении данной территории» [Топоров, Трубачев 2009: 44]. По свидетельству В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева, «выявление весьма значительного количества балтийских гидронимов в Верхнем Поднепровье (700-800 названий) и изучение их распространения на этой территории, выявившее сплошной и в общем довольно равномерный характер распределения балтийских названий без особых пробелов, заставляет нас сделать вывод, к которому нельзя было прийти ранее на основании небольшого количества территориально ограниченных примеров. Этот вывод заключается в следующем: территория Верхнего Поднепровья в I тыс. – первых веках II тыс. н.э. была заселена племенами балтийского происхождения... Следует особо подчеркнуть мысль ... о том, что балтийское население Верхнего Поднепровья в своей основной массе не отступило к северо-западу в условиях распространения славян на этой территории и было постепенно ассимилировано последними. Повидимому, только при таком предположении станет понятным как сохранение такого значительного числа названий балтийского происхождения, так и их славянизированный фонетический облик...» [Топоров, Трубачев 2009: 333–334].

Лидерами второго (неолингвистического) этапа развития пространственной лингвистики, в рамках которого принципы лингвистической географии постепенно распространяются на сравнительно-историческое изучение индоевропейских языков, по мнению О. Н. Трубачева, являются итальянские лингвисты: «В систематизированном виде находим эту концепцию, получившую название «пространственной лингвистики», или неолингвистики, впервые у М. Бартоли. Согласно Бартоли, при отсутствии письменных свидетельств можно судить о хронологических отношениях на основании территориального критерия, который опирается на следующие принципы (*principe*): 1) фаза, сохранившаяся на изолированной территории; 2) фаза, сохранившаяся на периферийных территориях; 3) фаза, сохранившаяся на большей части территории; 4) более ранняя фаза, сохранившаяся в качестве островков в иноязычном окружении или в виде заимствований в других языках. В дальнейшем В. Пизани окончательно закрепляет применение описанных принципов на индоевропейском материале. Ему также принадлежит в наиболее законченной форме обоснование уже называвшегося выше принципа, согласно которому языковые инновации могут распространяться через сложившиеся диалектные и языковые границы» [Трубачев 2004: 214–215].

Принципы итальянской неолингвистики О. Н. Трубачев успешно использовал в процессе описания механизма формирования и распространения аканья в рамках восточнославянского языкового пространства: «Интересно, что

при всей его типичности для белорусского литературного языка и большинства его народных говоров, стоит вопрос о вторичности белорусского аканья в общем контексте распространения аканья на запад с востока, где локализуется предположительная первичная область возникновения аканья, по мысли Шахматова – на (Верхнем) Дону. Как и почему возникло аканье? – Неплохо бы знать причины этого любопытного явления. Разумеется, ссылка на «большую простоту» «принципа аканья» сравнительно с «принципом оканья» не может быть признана даже отдаленным объяснением. Аканье распространялось и побеждало (в случаях встречи с оканьем) потому, что оно было инновационным процессом, а инновационные процессы всегда говорят о наличии центра, из которого они идут» [Трубачев 2005: 63–64]. Таким образом, выявление лингвистических инноваций и центров их иррадиации является ключевым приемом неолингвистики.

Когда количество общих лингвистических инноваций в контактирующих языках становится достаточно большим, появляются основания для выделения на их основе соответствующих ареалов или языковых союзов, являющихся главным объектом изучения в рамках такой разновидности пространственной лингвистики, как ареальная лингвистика. По свидетельству О. Н. Трубачева, «можно указать целый ряд областей в Европе и за ее пределами, в которых в силу исторических причин между носителями различных языков устанавливаются оживленные сношения, облегчающие распространение на всей данной территории лингвистических инноваций. Например, диалекты различных языков, расположенные на землях, прилегающих к Карпатам, в результате многократных перекрестных заимствований выработали целый ряд общих слов и значений, характерных только для этой области. На проявления аттракции между обско-угорскими и самодийскими языками, удмуртским и татарским языком, принципиально интересные как совместные инновации далеких или совершенно не родственных языков, указывает Б. А. Серебренников, занимающийся проблемами ареальной лингвистики. Задачи ареальной лингвистики приобретают особенную ясность и четкость, когда приходится иметь дело с такими лингвистическими союзами, как балканский» [Трубачев 2004: 216].

Классическим примером языкового союза, по мнению О. Н. Трубачева, «являются различные по происхождению языки Балканского полуострова: греческий, албанский, болгарский, македонский и румынский, которые в итоге длительного исторического взаимодействия развили ряд общих черт. Эта новая лингвистическая общность, объединившая балканские языки, объясняется, по-видимому, не отражением общего для всех названных языков лингвистического субстрата, а распространением общих инноваций, источником которых, как это хорошо показал К. Сандфельд, является в большинстве случаев наиболее влиятельный на Балканах в культурном отношении греческий язык» [Трубачев 2004: 215].

От рассматривавшихся выше докогнитивных этапов своей предыстории современная пространственная лингвистика отличается подчеркнутой ориентацией на рассмотрение, наряду с лингвистическими, еще и экстралингвистических (рефлексивно-познавательных, историко-этнологических, геополитических и прочих) проблем. К примеру, решение проблемы самопознания славянского мира ставилось О. Н. Трубачевым в качестве одной из главных задач задуманного им праславянского словаря: «Настоящий Этимологический словарь славянских языков должен дать ответ на вопрос, как упомянутый праславянский фонд объединяет, а также – как он разобщает славянские языки с их историческим членением на три группы» [Трубачев 1974: 4]. Весьма значимую роль идеи пространственной лингвистики могут сыграть и при решении проблемы этногенеза того или иного славянского народа [Щербин 2013]. В свою очередь, для решения геополитической проблемы объединения славянского мира немаловажное значение имеют разработка и широкое использование таких пространственных концептов, как *русский языковой союз* [Трубачев 2005: 8–13], *славянское единство* [Коваль 2012: 226–232], *языковая интеграция* [Щербин 2013: 13–14] и др. Более того, нерешенность до настоящего времени многих рефлексивно-познавательных, историко-этнологических и геополитических проблем славянского мира О. Н. Трубачев объяснял «слабым и недостаточным использованием достижений пространственной лингвистики, лингвистической географии, при неудовлетворительной стратиграфии древних и более поздних языковых связей, исконно-родственных и контактных отношений» [Трубачев 2003: 434].

Литература

Коваль 2012 – *Коваль В. И.* Текст и язык: поиски истоков: монография. – Мн.: РИВШ, 2012. – 270 с.

Левицкий 2011 – *Левицкий А. Э.* Предисловие // Язык и пространство: проблемы онтологии и эпистемологии: монография / Под ред. А.Э. Левицкого, С.И. Потапенко. – Нежин: Изд-во НГУ имени Николая Гоголя, 2011. – С. 5-12.

Лоссау 2012 – *Лоссау Ю.* Пространство значения. Поворот к пространству, культурный поворот и культурная география / Пер. с нем. // «Герменей». Журнал философских переводов. – 2012. - № 1. – С. 99-111.

Топоров, Трубачев 2009 – *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья // Трубачев О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. – Т. 4. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – С. 7-380.

Трубачев 1974 – *Трубачев О. Н.* От редактора // Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. – Вып. 1. – М.: Наука, 1974. – С. 3-9.

Трубачев 2003 – *Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. – 2-е изд. – М.: Наука, 2002. – 489 с.

Трубачев 2004 – *Трубачев О. Н.* Лингвистическая география и этимологические исследования // Трубачев О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. – Т. 1. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 211–239.

Трубачев 2005 – *Трубачев О. Н.* В поисках единства. – 3-е изд. – М.: ИИПК «ИХТИОС», 2005. – 227 с.

Щербин 2013 – *Щербин В. К.* Академик О. Н. Трубачев, пространственный поворот и проблемы этногенеза // Трубачев О. Н. В поисках единства. XV Международному съезду славистов / Отв. ред. Т. А. Исаченко. – М.: ОТ «Вишнёвый пирог», 2013. – С. 7-29.

СОДЕРЖАНИЕ

Астахина Л. Ю. Почему гречанин старец Неофит обратился к митрополиту Кафы в 1628 году.....	6 – 14
Бреусова Е. И. Эпиграфика современного города: гибридные новообразования.....	14 – 15
Бурибаева М. А. Тюркская культура в ретроспективе: от истории слова к семантике образов.....	15 – 22
Васильев А. И. Виды фразеологизации в древнерусском языке.....	22 – 26
Евсеев А. А., Фалина М. Пояс укреплений и развалин Каффы с современными кварталами города Феодосии. 1853 год.....	26 – 28
Иваненко А. В. Феодосия.....	28 – 33
Ильченко О. С. К построению теории падежа.....	33 – 36
Йорданов Ст. Фракийская этнонимия в свете языковедческого наследия О. Н. Трубачева.....	37 – 38
Масленникова Н. В. А. Н. Муравьев «Таврида».....	39 – 50
Могаричев Ю. М., Шапошников А. К. К вопросу о Житии Иоанна Готского из Минология Василия II.....	50 – 55
Павлов В. Л. Александр Грин: преодоление противоречий жизни творчеством.....	55 – 59
Пампура С. Ю. К вопросу о семантическом критерии этимологизации заимствований.....	59 – 62
Парфёнова Н. Н. Языковая игра в русских фольклорных микротекстах.....	63 – 69
Пуятитина Е. И. Категориальное значение русских порядковых числительных.....	69 – 77
Пятаева Н. В. Этимологические гнезда *dati, *ber-, *jēti, *nesti в праславянском языке: к проблеме описания генетических и семантических связей.....	77 – 79
Савельева М. Ю. Сумевший вернуться к началу (ландшафтная мифопоэтика Максимилиана Волошина).....	79 – 83
Сердюкова Е. В. Мотивировочные признаки и принципы номинации праславянских названий растений.....	84 – 86
Табаченко Л. В. Семантика приставочных глаголов в историческом аспекте (на примере позиционных глаголов с приставкой <i>na-</i>).....	86 – 88
Фадеева Т. М. Академик О. Н. Трубачев и художник Л. Н. Тимофеев.....	89 – 96
Чередниченко А. Г. Перспективы исследований городища Сары-Кая (античного Гермизия) в Коктебельской округе.....	96 – 99
Шаймерденова Н. Дж. Классическая филология в образовательном пространстве.....	100 – 102

Шапошников А. К. Ранние скифо-балто-славянские изогlossы из Скифии Великой.....	103 – 107
Щербин В. К. Идеи пространственной лингвистики в трудах О. Н. Трубачева.....	107 – 112

Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры. VIII Чтения памяти академика О. Н. Трубачева. Материалы. Феодосия, 17–19 сентября 2014 г. – Феодосия: Издательский дом «Славянский Мир», 2014. – 115 с., ил.

ISBN 966-95519-4-3

Редактор А. К. Шапошников
Технический редактор А. Г. Чередниченко
Дизайн обложки, дизайн и компьютерная вёрстка А. К. Шапошников